

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: nborisov@rggu.ru; zhabrov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: nborisov@rggu.ru; zhabrov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- S.M. Ravandi-Fadai*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.A. Filin*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtetzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor:

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- С.М. Раванди-Фадаи*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.А. Филли*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология политической науки

Ирина Л. Недяк

Институциональная политология: развитие неинституционального подхода в российской политической науке 12

Денис О. Вакарчук

Возможности и ограничения использования больших текстовых данных в отечественной и зарубежной политической науке на примере базы данных GDELT 30

Василий С. Грибовский

Популизм как объект научных исследований 47

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Виталий М. Струговец

Сущность и содержание информационной политики Организации Договора о коллективной безопасности 62

Наталья И. Харитонова

Поиск идеологической базы ЕАЭС: общеинтеграционный и молодежный аспекты 76

Aleksandr V. Malov

Food sovereignty policy. "The Venezuelan experiment" [Политика продовольственного суверенитета: «Венесуэльский эксперимент»] 89

Маргарита В. Буковска

Особенности выборов в саамские парламенты в Норвегии, Швеции и Финляндии 103

Алексей В. Веснин

Современный Казахстан: внутривнутриполитическая обстановка и интересы внешних политических сил 120

Алексей В. Чистяков

Исламский фактор на президентских выборах во Франции в XXI в. 133

Политические процессы в прошлом и настоящем

<i>Николай И. Шестов, Александр А. Вилков, Александр А. Казаков</i> «Конвертируемость» политических идентичностей молодежи как политическая и научная проблема	149
<i>Иван С. Палитай</i> Формирование института молодежных политических лидеров в современной России: проблемы и перспективы	171
<i>Александр В. Соколов, Папик А. Бабаджанян, Денис А. Прусов</i> Низовая гражданская активность в Ярославской области: проблемы и тенденции развития	184
<i>Павел А. Королев</i> «О дивный новый “1984”»: режимные аспекты цифровой (анти)утопии	204

CONTENTS

Theory and methodology of political science

Irina L. Nedyak

Institutional political science.

Development of neo-institutionalism in contemporary Russia 12

Denis O. Vakarchuk

Opportunities and limitations of using big text data in Russian
and foreign political science on the example of GDELT database 30

Vasilii S. Gribovskii

Populism as an object of scientific research 47

Countries and regions of the world:

Development dynamics and models of cooperation

Vitalii M. Strugovets

The essence and content of the information policy
of the Collective Security Treaty Organization 62

Natalia I. Kharitonova

Search for the ideological basis of the EAEU.
General integration and youth aspects 76

Aleksandr V. Malov

Food sovereignty policy. “The Venezuelan experiment” 89

Margarita V. Bukovska

Features of elections to the Sámi parliaments
in Norway, Sweden and Finland 103

Aleksei V. Vesnin

Modern Kazakhstan. Internal political situation
and interests of external political forces 120

Aleksei V. Chistyakov

The Islamic factor in the French presidential elections
of the 21st century 133

Political processes in the past and in the present

<i>Nikolai I. Shestov, Aleksandr A. Vilkov, Aleksandr A. Kazakov</i>	
“Convertibility” of political identities of the youth as a political and scientific issue	149
<i>Ivan S. Palitai</i>	
Formation of an institute of youth political leaders in modern Russia. Issues and prospects	171
<i>Aleksandr V. Sokolov, Papik A. Babajanyan, Denis A. Prusov</i>	
Grassroots civic activity in the Yaroslavl Region. Issues and development trends	184
<i>Pavel A. Korolev</i>	
“Oh wondrous new ‘1984’ ”. Regime aspects of digital (anti)utopia	204

Теория и методология политической науки

УДК 32

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-12-29

Институциональная политология: развитие неинституционального подхода в российской политической науке

Ирина Л. Недяк

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия, iraned@mail.ru*

Аннотация. В первой части статьи представлены результаты многолетней работы отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН по развитию отечественной институциональной политологии в части разработки адекватного российским реалиям понятийно-категориального аппарата. Представлены созданные идеал-типические конструкты «политическое поле», «поле господства» «политика современного типа», «политическая/эмансипаторная власть», «господство как форма неполитической власти». Дано их теоретико-методологическое обоснование, раскрыт аналитический потенциал для изучения незавершенной институционализации политического порядка в России и выявления ресурсов трансформативной политики. Сквозной сюжет второй части статьи – возможности расширения горизонта исследований политико-властных отношений через оптику концепций господства, трактуемого как социальная патология современных демократий. Обозначены политико-философские и теоретические основания современного научного дискурса и концепций господства, критерии концептуальной дифференциации форм власти, опыт операционализации концептов. В заключительной, эмпирической части исследования с опорой на анализ первичных данных пяти волн общероссийских опросов доказана продуктивность аналитического инструментария концепций господства для изучения характера институциональной среды России. Рассмотрены характер и проявления власти в форме господства в российской политике. Доказана взаимосвязь между процессами пролиферации социальных отношений господства и деформированием политического поля, снижением ресурсов социума и потенциала политических инноваций в России.

Ключевые слова: институциональная политология, неинституционализм, политическое поле, трансформативная политика, власть, господство, научный дискурс господства

© Недяк И.Л., 2024

Для цитирования: Недяк И.Л. Институциональная политология: развитие неинституционального подхода в российской политической науке // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 12–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-12-29

Institutional political science. Development of neo-institutionalism in contemporary Russia

Irina L. Nedyak

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, iraned@mail.ru*

Abstract. The first part of the article presents achievements in the many years work of the Department of Comparative Political Studies of FCTAS RAS on the development of national institutional political science relating to the workout of the conceptual and categorical apparatus adequate to the Russian realities. The author outlines specially created ideal typical constructs “political field”, “field of domination”, “politics of modern type”, “political/emancipatory power”, “domination as a form of non-political power”. Their theoretical and methodological justification is given, their analytical potential for studying the unfinished institutionalization of the political order in Russia and identifying the resources of transformative politics is revealed.

In the second part of the article, the cross-cutting theme is the possibility of expanding the horizon for research on political-power relations through the optics of the concepts on domination, which is interpreted as a social pathology in modern democracies. It specifies the political-philosophical and theoretical foundations for the present-day scientific discourse and conceptions of domination, the criteria of conceptual differentiation between the two forms of power, the experience in the concepts operationalization. In the final empirical part of the study, based on the analysis of primary data from five waves of the all-Russian surveys, the analytical tool kit of dominance concepts is proved to be productive for studying the nature of Russia’s institutional environment. The article also proves a correlation between processes of proliferation of the domination social relations and deformation of political field, decrease of resources of society and potential of political innovations in Russia.

Keywords: institutional political science, neo-institutionalism, political field, transformative politics, power, domination, scientific discourse about domination

For citation: Nedyak, I.L. (2024), "Institutional political science. Development of neo-institutionalism in contemporary Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 12–29, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-12-29

Разработка сообразного российским реалиям языка описания политических институтов и процессов, критическое осмысление заимствованного понятийно-категориального аппарата исследований и включение его в российский контекст – неизменно актуальная повестка стратегий развития российской политической науки с момента ее институционализации и последующего конституирования в качестве самостоятельной дисциплины. Закономерно, что на Всероссийской научной конференции «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций» (Москва, РГГУ, 2–3 ноября 2023 г.) обсуждался широкий круг тем, касающихся расширения познавательных и объяснительных возможностей отечественной политической науки.

В статье представлены некоторые результаты работы научного коллектива Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (далее – ОСПИ) по развитию теоретико-методологического инструментария институциональной политологии и его применению при изучении политических процессов современной России.

*Оснащение понятийного аппарата
в теоретических рамках
институциональной политологии
для исследования
политико-властных отношений в России*

В 2006 г. была опубликована монография «Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России». Этот труд фактически положил начало развитию в нашей стране институциональной политологии как направления (и субдисциплины) политической науки, выделенного по единству исследовательского подхода [Институциональная политология 2006]. В коллективной монографии обобщены результаты 10 лет работы научного коллектива, который складывался с конца 1980-х гг. в Институте международного рабочего движения АН СССР и от которого ведет свое начало ОСПИ. Отдел относительно благополучно пережил переименование Института меж-

дународного рабочего движения АН СССР (ИМРД АН СССР) в Институт сравнительных политических исследований РАН (ИСП РАН) и последующее включение его в Институт социологии РАН (ныне Институт социологии ФНИСЦ РАН) в формате Центра политологии и политической социологии. «Институциональная политология» стала последним изданием, вышедшим под грифом ИСП РАН. Монография получила признание научного сообщества, рекомендуется для изучения в программах по дисциплине «Политология», включена Министерством науки и высшего образования РФ в перечень обязательной литературы в проекте Концепции учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности».

Коллектив ОСПИ продолжает работу на методологической основе неинституционализма, в меру своих сил расширяя горизонт исследований отечественной институциональной политологии. Результаты очередного многолетнего цикла исследований изложены в коллективной монографии «Институциональная политология 2.0», издание которой запланировано в 2024 г. [Институциональная политология 2.0... 2024]. Подзаголовок коллективного труда «Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства» говорит о том, что аттрактором анализа характера политико-властных отношений в современной России выступили факторы формирования существенно разных пространств: политической власти и господства, т. е. власти неполитической. Анализ данных проведенных ОСПИ пяти волн общероссийских массовых обследований¹ подтвердил ранее теоретически обоснованный вывод о том, что в современной России пространство господства сокращает потенциал политических инноваций: оно доминирует над пространством политической власти, подобно своей неполитической сути конфигурирует институциональную среду, формирует сеть квазиполитических взаимодействий, ограничивает ресурсы субъектности социальных акторов.

¹ Объем выборки, репрезентативных для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил: 2018 г. – N 700, 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000, 2022 г. – N 1000. Отбор респондентов проводился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18+ в федеральных округах, по типам поселений, а также с учетом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. Общий для всех опросов базовый инструментарий позволяет создать единую базу и сопоставить результаты.

Ниже подробно раскрыты теоретико-методологические послышки и подходы к концептуальной дифференциации политической/эмансипаторной власти и ее абсолютного антагониста – власти в форме господства. Пока обозначим те ее основные черты и характеристики, которые одновременно обусловили и объясняют сформированную ОСПИ координатную сетку исследований: содержательное наполнение понятий «политика современного типа», «трансформативная политика», «политическое поле», «конституирование политического поля», «политизация», «деполитизация».

Власть в форме господства – это «противоправное применение власти, угрожающее базовым интересам людей» [Шапиро 2019, с. 335]. Господство – есть функция социальной системы. Эта форма власти встроена в структуры социального взаимодействия и (вос)производится ими. Господство – институциональная форма проявления такой формы власти, которая противостоит и демократической, и консервативной, и вообще любой политике.

Политика современного типа. При разработке определения «политика современного типа» научный коллектив ОСПИ опирался на понимание власти в аристотелевско-арендтовской парадигме: возможность совместного коллективного действия граждан в публичной сфере для достижения общих целей. Источник власти – в способности людей к (само)организации и социальной интеграции [Арендт 2000]. В этой логике предложенное М.В. Ильиным понятие современной политики [Ильин 1997] развернуто в понятиях «политика современного типа» и «трансформативная политика». В самом общем виде под политикой современного типа мы понимаем институционализированную конкуренцию проектов и решений, ориентированных на общее благо [Конституирование современной политики 2018]. Концептуальные синонимы этой идеал-типической модели – трансформативная политика, эмансипаторная политика/политика эмансипации, политика надделения правами и полномочиями (*empowerment*)².

Под трансформативной мы понимаем эгалитарную в своих интенциях политику, целеполагание и средства которой сопряжены с развитием субъектности членов сообщества, их способностью

² Понятие “empowerment” ввели в политический лексикон в середине прошлого века активисты феминистских движений. В русском языке не найден относительно соответствующий английскому термин. Его либо переводят как расширение возможностей и надделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т. д., либо применяют фонезаимствование «эмпвауэрмент». В статье используется оригинальный английский термин.

и возможностью определять в публичном пространстве содержание общественного блага, средства и способы его приумножения, принципы и порядок распределения, механизмы контроля за соблюдением достигнутых договоренностей.

Политическое поле. Политическое поле как идеально-типический конструкт – это пространство отношений политических акторов, в котором постоянно (вос)производится совокупность общепринятых правил. В политическом поле вырабатываются общие цели и ценности, которые становятся основой социетальной интеграции и легитимации социального порядка. В соответствии с этими правилами осуществляется взаимодействие по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегически важных решений для общества [Патрушев, Филиппова 2018].

Политическое поле – пространство формирования нормативно-ценностного социетального порядка, присущего политике современного типа. В нем граждане осваивают демократические правила и нормы, основанные на них паттерны поведения, практики гражданского и политического взаимодействия [Павлова 2011].

В политическом поле осуществляется универсализация норм политического взаимодействия в форме законов, которая является условием конституирования и функционирования политического государства. Напротив, в сфере социальных отношений господства – неполитической зоны власти – запускаются механизмы развития социальной патологии социума. Ситуативные договоренности подменяют универсальные нормы, администрирование – принятие политических решений. Блокируется массовое вовлечение граждан в политические практики, механизмы исключения на основе принципов клиентелизма вытесняют институты политического представительства [Недяк и др. 2020].

Конституирование политического поля. Конституирование политического поля/пространства есть совокупность процессов институционализации и политизации. Под институционализацией понимается формирование институциональной среды и институционального порядка посредством выработки универсальных правил политического взаимодействия и выстраивания соответствующих организационных структур.

Под политизацией понимается актуализация противоречий по тем вопросам общественного развития, которые имеют отношение к общему благу и поэтому должны становиться предметом общественного выбора и основой для формирования политических размежеваний («политизация повестки»). Политизация – это также формирование и реализация политической субъектности индивидуальных и коллективных акторов, конструирование политических

идентичностей и идеологий, актуализация политического выбора и свободы («политизация акторов»).

В связи с незавершенностью отечественного институционального порядка политизация в российском контексте рассматривается как один из механизмов конституирования политического пространства. Политизация является условием возникновения политики, а деполитизация (размывание политической субъектности отдельных людей и социальных групп, лишение их возможности осуществлять свободный политический выбор) блокирует процессы формирования политического пространства и разворачивания политики.

В сочетании с деинституционализацией (деформализацией, отрицанием правил) деполитизация разрушает политическое поле, замещает его полем неполитической власти – господства [Филиппова 2019, с. 111–117, 127–134].

Анализ политико-властных отношений через исследовательскую оптику современных концепций господства

Краткое введение в дискурс современных концепций господства. Научный дискурс, в котором господство трактуется и изучается как нормативно-нежелательная форма власти и социальная патология, мы назвали ГСП-дискурс: господство как социальная патология. ГСП-дискурс формируют исследования феномена, оказавшегося общим для всех современных демократических режимов. Формально демократические институты с разной степенью интенсивности (вос) производят господство как такую форму власти, которая лишает демократические институты, нормы и процедуры их примордиального смысла и содержания, отчуждает *δημος* от *κράτος*, подчиняет сознание и волю первых своекорыстным интересам вторых.

Заметным стимулом для развития ГСП-дискурса стали три поворота – республиканский, постмодернистский, инструментальный. Республиканский поворот – ренессанс республиканской политико-философской мысли в конце 1980-х гг. – вернул вокабуляр господства (*domination*) и понимание свободы как не-господства (*freedom as non-domination*) [Pettit 2008; Lovett 2010] в современные политические дискуссии о характере власти и политики. Постмодернистский поворот дал «право гражданства» методологической плюральности и небинарной логике исследования. Инструментальный поворот утвердил ориентированность новых теорий господства определять ценность концептуальных смыслов возможностью измерить их эмпирические значения.

Роль главных триггеров ГСП-дискурса достойно исполняют политическая философия и концепции господства неороманского и афинского республиканизма; опирающиеся на теории социального обмена ресурсистские концепции господства, научный дискурс многочисленных концепций власти, кратология Франкфуртской школы критической социологии, феминистский дискурс господства, теории эмансипации и *empowerment*. Даже предельно сжатый список трудов более чем внушительен [Недяк 2019].

В ГСП-дискурсе нет (и не может быть) согласованного определения сущностно оспариваемого понятия «господство», но солидарно признаны следующие его признаки: несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой.

Измерение власти и политики в критериях господства. Расширение социальных отношений господства в странах современной демократии высветило изъяны режимной оптики. Стало очевидно, что в теоретико-методологических рамках этого подхода социальные отношения господства плохо обнаруживаются и еще хуже поддаются анализу: какие факторы и в какой степени перенаправляют формально демократические властные отношения от ориентации на *empowerment* к блокированию источников своеправия (синоним свободы у Б. Спинозы) граждан и социализации их в подчиненных ролях.

Так как власть в форме господства ускользает от анализа в критериях «демократический режим с разными прилагательными – в разных степенях и форматах недемократический режим», в ГСП-дискурсе предпочтение отдано альтернативному методологическому подходу. Характер власти и политико-властных отношений измеряется как нелинейное движение в критериях «политическая власть (политика эмансипации, *empowerment*) – господство (блокирование политики и в логическом пределе ее упразднение». Исходную посылку такого подхода афористично выразил известный политический философ и политолог И. Шапиро: «Не-господство представляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами» [Шапиро 2019, с. 10].

Трактовка господства в социологии М. Вебера и ГСП-дискурсе. «Читайте Вебера» – первая реакция многих коллег по цеху при нашем упоминании о работе по концептуализации господства. Стало ясно, что по причине довлеющего авторитета социологии господства М. Вебера самый наглядный прием введения в проблематику ГСП-дискурса – указать на принципиально разное нормативное и функциональное понимание господства.

В теории господства М. Вебера нет нормативного (и даже семантического) различия между властью и господством. Напротив, ГСП-дискурс сосредоточен на их нормативном, концептуальном и аналитическом различении.

Согласно М. Веберу, господство (тот или иной его тип) легитимирует власть и структурирует общество, является основой всех видов социальных действий. В ГСП-дискурсе господство трактуется прямо противоположно: как нелегитимная форма власти, социальная патология, которая разлагает социальную ткань общества [подробнее см.: Недяк 2021].

Двухядерная концепция господства. Результаты проведенного критического анализа теоретических работ ГСП-дискурса и систематизация дебатлируемых критериев двух форм власти автор представил в виде двухядерной концепции господства. Генетически связанные ядра названы «власть закона vs власть произвола» и «воля гражданина vs безволие подданного».

В первом ядре «точка схода» критериев дифференциации форм власти – ее нацеленность на структурное обеспечение или ограничение основанного на законе безличного порядка, на универсализацию и генерализацию норм, на безусловную и неселективную подчиненность любого члена общества законодательно установленным нормам.

В концепциях неороманского республиканизма власть произвола (*arbitrary power*) – синоним господства. Это структурно и процедурно обеспеченная возможность субъекта власти «выходить из клетки закона», попирает его на системной основе, безнаказанно подчинять своему произволу объект воздействия, делать его инструментом реализации своих корыстных интересов. Господство – состояние, «испытываемое человеком или группой лиц, в той степени, в какой они зависят от социальных отношений, в которых какой-то другой человек или группа лиц обладают произвольной властью над ними» [Петтит 2016, с. 15].

«Точка схода» критериев дифференциации власти второго ядра – ее нацеленность на структурное обеспечение или ограничение ресурсов субъектности человека, его возможности, воли и способности к критическому мышлению, к осознанию, артикуляции и коллективной защите своих интересов. Коротко говоря – ориентированность власти на развитие или блокировку процессов *empowerment*. Власть обретает форму господства, когда ее субъекты систематически получают выгоду, внедряя в своих интересах «совокупность» предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установленных институциональных процедур и правил игры» [Bachrach and Baratz 1962, p. 952], которые обеспечивают

«согласие на господство посредством формирования верований и желаний, посредством наложения внутренних ограничений на цели и интересы человека» [Льюкс 2010, с. 163–164].

*Эмпирическая фиксация господства
и характера его влияния
на политико-властные отношения
современной России*

Через оптику двуядерной концепции господства рассмотрим несколько срезов анализа данных пяти волн общероссийских исследований, проведенных ОСПИ (2018–2022 гг.).

В критериях и исследовательской логике первого ядра «власть закона vs власть произвола» выявлен мощный фактор упразднения поля политики: убежденность большинства опрошенных в собственном бесправии перед государством, в слабой ориентированности власти в России на интересы граждан и ее неподконтрольности. Напомним основополагающий постулат неоинституционализма – убеждения формируют институты, а не наоборот [Норт 1997].

Анализ через призму оптики второго ядра «воля гражданина vs безволие подданного» выявил тесную взаимосвязь между сложившимися у человека представлениями о характере власти и политического порядка и формированием его гражданских или подданных социальных установок и паттернов поведения.

Власть закона vs власть произвола. Подавляющее большинство опрошенных «помещают» себя в поле господства, а не политической власти, заявляя, что они не верят в свою политико-правовую защищенность. Лишь 17% респондентов считают, что могут рассчитывать на защиту закона при взаимодействии с властью или в случае конфликта с ней³. С 2018 г. этот показатель стабилен. 73% респондентов согласны с утверждением, что за последние 10 лет ситуация с правами таких людей, как они, изменилась в худшую сторону или осталась без изменений. Движение в лучшую сторону отметили всего 18% респондентов. Иными словами, у большинства россиян устоялось ощущение своего правового бессилия: более 80% респондентов считают, что они пребывают в неправом пространстве, более 70% не видят перспектив выхода из него.

³ Здесь и далее приводятся данные опроса, проведенного в июне 2022 г., если не указано особо.

Согласно оценкам большинства респондентов, препятствуют формированию поля политики в России власть, законы и политика. Лишь 22% опрошенных считают, что российская власть действует в интересах большинства населения. Стгущают краски суждения об ориентированности российских законов на общее благо – *respublica*. Согласно с тем, что законы служат интересам граждан – 21% опрошенных, интересам власти – 56%.

Неудивительно, что российская политика воспринимается как неправовая подавляющим большинством респондентов. Среди согласившихся с утверждением, что политика имеет правила игры (а это всего 22% опрошенных) лишь 6% считают, что эти правила выражают интересы граждан и 63% – интересы самих политиков. Остальные затруднились ответить (31%).

«*Воля гражданина vs безволие подданного*». Данные анализа о «перенаселенности» поля господства осложняют задачу по выявлению (и тем более позитивной мобилизации) агентов трансформативной политики. Исследование зафиксировало подавление или обращение вспять процессов *empowerment* на всех трех уровнях – личностном, интерактивном, поведенческом. Больше половины опрошенных россиян (63%) уверены, что правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они. «Тает» число уверенных в способности граждан самим организовать для решения важных для них задач: 30% – в 2022 г., 38% – в 2021 г., 40% – в 2020 г. и 47% – в 2019 г.

Социальные установки «Граждан» политического поля и «Подданных» поля господства. Анализ данных показал, что политическое поле и поле господства – демиурги разных социальных коллективных воображаемых и, как следствие, разных нормативно-ценностных, когнитивных, мотивационных и поведенческих установок граждан [Недяк 2022]. Мы выделили две (оказавшиеся в целом схожими по социодемографическим характеристикам) группы респондентов на основании их ответа на закрытый вопрос анкеты: «Считаете ли вы, что сегодня можете рассчитывать на защиту со стороны закона в случае конфликта с властью?». Ответивших на него положительно мы «поместили» в поле политики и назвали выделенную группу «Граждане». В группу «Подданные» и в пространство господства включены респонденты, выбравшие варианты ответов «нет» и «затрудняюсь ответить». Разительное отличие оценок «Граждан» и «Подданных» политико-правового состояния дел отечественной политики подтверждает аналитическую валидность инструментария концепции господства применительно к российскому контексту (рис. 1, табл. 1).

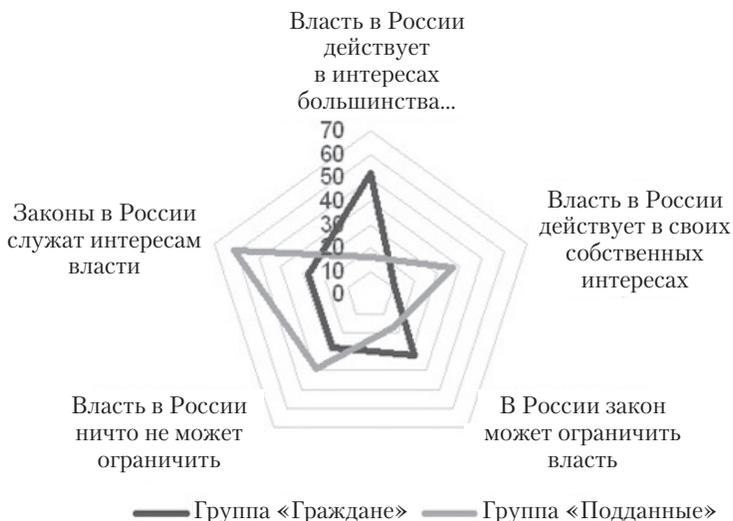

Рис. 1. Суждения о власти и законах респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Таблица 1

Суждения о власти и законах респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Согласны ли вы со следующими утверждениями?	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Власть в России действует в интересах большинства населения	52	16
Власть в России действует в своих собственных интересах	11	37
В России закон может ограничить власть	32	17
Власть в России ничто не может ограничить	28	39
Законы в России служат интересам власти	28	61

Уверенных в ориентированности российской власти на интересы граждан в три раза больше на поле политики по сравнению

с полем господства (52 и 16% соответственно). В той же пропорции распределились мнения о ее своекорыстии. Согласно, что российская власть действует в собственных интересах, 11% респондентов в группе «Граждане» и 37% – в группе «Подданные». В коллективном воображаемом поля политики и поля господства «клетка закона» в разной степени удерживает российскую власть. Считают, что ее ничто не может ограничить, 28% «Граждан» и 39% «Подданных». На поле политики в два раза меньше респондентов, уверенных в ориентированности российских законов на интересы власти – 28% против 61%. В способность российских законов ограничить власть в нашей стране верят 32% в группе «Граждане» и 17% в группе «Подданные».

Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям [Thomas and Thomas 1928, pp. 553–576]. Эту хрестоматийную максиму американских социологов подтверждает выраженное отличие социальных установок респондентов на поле политики и поле господства.

Прямую зависимость между восприятием респондентами характера институциональной среды и их потенциалом гражданского самостояния, способностью и готовностью к *vita active* доказывают данные, приведенные в табл. 2. Абрисы социальных установок «Граждан» и «Подданных» на рис. 2 их иллюстрируют.

Рис. 2. Когнитивные и поведенческие установки респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Таблица 2

Когнитивные и поведенческие установки респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Согласны ли вы со следующими утверждениями?	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Людям можно доверять	53	28
Граждане России способны сами организовать для решения важных задач	36	28
У таких людей, как вы, нет возможности влиять на принимаемые властями решения	30	61
Нет смысла голосовать, всё решают без нас	13	25
Участие в выборах является обязанностью гражданина	43	29

Больше половины респондентов в группе «Граждане» склонны доверять людям (53%). Эту принципиально важную для *empowerment* социальную установку имеет менее трети респондентов группы «Подданные» (28%). Уровень межличностного доверия и важные для развития гражданственности установки прямо связаны. С разрывом в 31 п.п. отличаются мнения респондентов двух групп о целесообразности влияния на принимаемые властями решения – 61 и 30% соответственно. Уверенность в способности граждан к самоорганизации выше на поле политики – 36 против 28%. Очевидна связь между оценкой респондентами роли института выборов в отечественной политике и их партиципаторными установками. «Нет смысла голосовать, все решают без нас» – такую позицию разделяют 13% в группе «Граждане» и почти в два раза больше – в группе «Подданные» (25%). Отчасти это объясняет, почему участие в выборах считают обязанностью гражданина 43% респондентов в политическом поле и 29% – в поле господства.

Эмпирически зафиксированные источники и проявления *modus vivendi* и *modus operandi* поля господства указывают и на направления усилий по его ограничению и сокращению. В проведенном срезе анализа самым очевидным и актуальным направлением представляется проведение целенаправленных комплексных мер для повышения субъективных и объективных оценок состояния политико-правовой и статусной защищенности граждан.

* * *

Усилия по переосмыслению и развитию описательных основ политической науки – не только хорошее средство для преодоления беспокойства по поводу закономерно появляющихся перед ней новых вызовов, но и свидетельство зрелости политических дисциплин [Goodin and Klingemann 1996, pp. 9–22]. Справедливость этого утверждения по отношению к российской политической науке подтвердила работа XIV Международной научной конференции «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций». Магнитное поле ее обширных тематических направлений сформировали плодотворные обсуждения теоретических и методологических проблем, достижений, упущений и возможностей современной политической науки. Эта научная повестка включает развитие отечественной институциональной политологии, расширение на методологической основе неинституционализма проблемного поля и инструментария исследований политических процессов и институциональной среды современной России.

Литература

- Арендт 2000 – *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Ильин 1997 – *Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий.* М.: РОССПЭН, 1997. 417 с.
- Институциональная политология 2006 – *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева.* М.: ИСП РАН, 2006. 586 с.
- Институциональная политология 2.0... 2024 – *Институциональная политология 2.0: Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства / Отв. ред. И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев.* М.: Политическая энциклопедия, 2024. 477 с. Предпринт.
- Конституирование современной политики 2018 – *Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова.* М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.
- Льюкс 2010 – *Льюкс С. Власть: радикальный взгляд.* М.: Издат. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
- Недяк и др. 2020 – *Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации // Социологические исследования.* 2020. № 1. С. 42–53.
- Недяк 2019 – *Недяк И.Л. Дискурс определений власти и господства // Господство против политики: российский случай: Эффективность институциональной*

- структуры и потенциал стратегий политических изменений / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 46–54.
- Недяк 2021 – *Недяк И.Л.* Власть и господство в проекции коллективного воображаемого: Факторы (де)формирования политического пространства России // *Общественные науки и современность*. 2021. № 3. С. 30–45.
- Недяк 2022 – *Недяк И.Л.* Господство в современных демократиях: подходы к концептуализации, измерению, ограничению // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2022. № 2. С. 32–48.
- Норт 1997 – *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
- Павлова 2011 – *Павлова Т.В.* Граждане и перспективы политического порядка в России // *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка*. М.: РОССПЭН. 2011. С. 295–310.
- Патрушев, Филиппова 2018 – *Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России // *Политическая наука*. 2018. № 2. С. 14–31.
- Петтит 2016 – *Pettit Ф.* Республиканизм: Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 488 с.
- Филиппова 2019 – *Филиппова Л.Е.* Политизация и деполитизация // *Господство против политики: российский случай: Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений* / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 111–117.
- Шапиро 2019 – *Шапиро И.* Политика против господства. М.: Праксис, 2019. 476 с.
- Bachrach and Baratz 1962 – *Bachrach P., Baratz M.* Two faces of power // *American Political Science Review*. 1962. Vol. 56. Iss. 4. P. 947–952.
- Goodin and Klingemann 1996 – *Goodin R.E., Klingemann H.-D.* Political science. The discipline // *A new handbook of political science* / Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 687 p.
- Lovett 2010 – *Lovett F.* A general theory of domination and justice. Oxford: Oxford Univ. Press. 2010. 746 p.
- Pettit 2008 – *Pettit Ph.* Republican liberty. Three axioms, four theorems // *Republicanism and political theory* / Ed. by C. Laborde, J. Maynor. Oxford: Blackwell, 2008. P. 102–132.
- Thomas and Thomas 1928 – *Thomas D.S., Thomas W.I.* The child in America. Behavior problems and programs // *The methodology of behavior study* / Ed. by W.I. Thomas. N.Y.: Knopf, 1928. P. 553–576.

References

Arendt, H. (2000), *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni* [Vita activa, or About active life], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

- Bachrach, P. and Baratz, M. (1962), "Two faces of power", *American Political Science Review*, vol. 56, iss. 4, pp. 947–952.
- Goodin, R.E. and Klingemann, H.-D. (1996), "Political science. The discipline", in Goodin, R.E. and Klingemann, H.D., eds., *A new handbook of political science*. Oxford University Press, New York, USA.
- И'ин, М.В. (1997), *Slova i smysly: Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii* [Words and meanings: The experience of describing key political concepts], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Lovett, F. (2010), *A general theory of domination and justice*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
- L'yuks, S. (2010), *Vlast': radikal'nyi vzglyad* [Power. A radical view], Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Nedyak, I.L., Pavlova, T.V. and Patrushev, S.V., eds. (2024), *Institutsional'naya politologiya 2.0: Transformativnaya politika v Rossii: sotsial'nye aktory i politicheskie instituty v prostranstve vlasti i gospodstva* [Institutional political science. Transformative politics in Russia. Social actors and political institutes in fields of power and domination], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia. Preprint.
- Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., Patrushev, S.V. and Philippova, L.E. (2020), "Political field and zone of power. Ideal type versions and an empirical verification", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 42–53.
- Nedyak, I.L. (2019), "Discourse about definition of power and domination", in Patrushev, S.V. and Filippova, L.E., eds., *Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai: Effektivnost' institutsional'noi struktury i potentsial strategii politicheskikh izmenenii* [Domination against politics. Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of strategies for political change], Politicheskaya entsiklopediya. Moscow, Russia, pp. 40–46.
- Nedyak, I.L. (2021), "Power and domination in the collective imaginary. Factors of the (de)formation of the political sphere in Russia", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–45.
- Nedyak, I.L. (2022), "Domination in contemporary democracy. Conceptualization, dimension, restriction", *The political conceptology. Journal of metadisciplinary research*, no. 2, pp. 32–48.
- Nort, D. (1997), *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance], Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", Moscow, Russia.
- Patrushev, S.V., ed. (2006), *Institutsional'naya politologiya: Sovremennyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii* [Institutional political science. Contemporary institutionalism and political transformation in Russia], ISP RAN, Moscow, Russia.
- Patrushev, S.V. and Filippova, L.E., eds. (2018), *Konstituirovaniye sovremennoi politiki v Rossii: institutsional'nye problemy* [Constitution of modern politics in Russia. Institutional problems], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

- Patrushev, S.V. and Philippova, L.E. (2018), “Institutional issues of the institutionalization of political field and politics in contemporary Russia”, *Political Science*, no. 2, pp. 14–33.
- Pavlova, T.V. (2011), “Citizens and prospects for political order in Russia”, in Patrushev, S.V., ed., *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: vosпроизводство i transformatsiya institutsional'nogo porjadka* [Citizens and political practices in contemporary Russia. Reproduction and transformation of the institutional order], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 295–310.
- Pettit, Ph. (2016), *Respublikanizm: Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism. A theory of freedom and government], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.
- Pettit, Ph. (2008), “Republican liberty. Three axioms, four theorems”, in Laborde, C. and Maynor, J., eds., *Republicanism and political theory*, Blackwell, Oxford, UK.
- Philippova, L.E. (2019), “Politization and depolitization”, in Patrushev, S.V. and Philippova, L.E., eds., *Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai: Effektivnost' institutsional'noi struktury i potentsial strategii politicheskikh izmenenii* [Domination against politics. Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of strategies for political change], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 111–117.
- Shapiro, I. (2019), *Politika protiv gospodstva* [Politics against domination], Praksis, Moscow, Russia.
- Thomas, D.S. and Thomas, W.I. (1928), “The methodology of behavior study”, in Thomas, W.I., ed., *The child in America. Behavior problems and programs*, Knopf, New York, USA, pp. 553–576.

Информация об авторе

Ирина Л. Недяк, доктор политических наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; iraned@mail.ru

Information about the author

Irina L. Nedyak, Dr. of Sci. (Political Science), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia, 117218; iraned@mail.ru

УДК 32:004.6

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-30-46

Возможности и ограничения использования
больших текстовых данных
в отечественной и зарубежной политической науке
на примере базы данных GDELТ

Денис О. Вакарчук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vakarchuk.d@rggu.ru*

Аннотация. В статье в сопоставительном ключе рассмотрена практика количественного анализа больших текстовых данных в российской и зарубежной политической науке на примере использования базы данных GDELТ (Global Database of Events, Language, and Tone). На основе обзора научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей показано разнообразие исследовательских задач, которые позволяют решить данные GDELТ. При этом задачи, решаемые отечественными политологами посредством данных GDELТ, носят преимущественно описательный характер, тогда как для работ зарубежных ученых характерна инкорпорация данных GDELТ в сложные математические модели с целью определения характера и направления связей между переменными. Выявлено, что исследовательская вариативность обусловлена широким функционалом, которым обладает база GDELТ. К основным преимуществам использования GDELТ автор относит, во-первых, возможность проведения автоматизированного ивент- и контент-анализа больших текстовых данных, во-вторых, дополнительную опцию для операционализации и валидации политических явлений и процессов, в-третьих, возможность для фальсификации результатов проведенного анализа. В качестве ограничений работы с базой определены, во-первых, несовершенство онтологии CAMEO, во-вторых, неполнота данных, содержащихся в базе, в-третьих, технические ограничения работы с базой GDELТ. В связи с этим автором сделан вывод о необходимости крайне осторожного применения данных GDELТ, тестируя в каждом конкретном случае эти измерения на валидность.

Ключевые слова: GDELТ, ивент-анализ, количественные методы, методология политологического анализа

Для цитирования: Вакарчук Д.О. Возможности и ограничения использования больших текстовых данных в отечественной и зарубежной политической науке на примере базы данных GDELТ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 30–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-30-46

© Вакарчук Д.О., 2024

Opportunities and limitations of using big text data in Russian and foreign political science on the example of GDELT database

Denis O. Vakarchuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vakarchuk.d@rggu.ru*

Abstract. In a comparative way the article considers the practice of quantitative analysis of large textual data in Russian and foreign political science using the example of the GDELT (Global Database of Events, Language, and Tone) database. Based on the review of scientific publications by Russian and foreign researchers, the article shows a variety of research tasks that can be solved using GDELT data. At the same time, the tasks solved by national political scientists using GDELT data are mainly descriptive in nature, while the works of foreign scientists are characterized by the incorporation of GDELT data into complex mathematical models in order to determine the nature and direction of relationships between variables. It is revealed that the variability of research is due to the wide functionality of the GDELT database. The main advantages of using GDELT are, firstly, the possibility for automated event and content analysis of large textual data, secondly, an additional option for operationalizing and validating political phenomena and processes, and thirdly, the possibility of falsifying the results of the analysis. The limitations of working with the database were identified as, firstly, the imperfections of the CAMEO ontology, secondly, the incompleteness of the data contained in the database, and thirdly, the technical limitations of working with the GDELT database. Thereby, the author concluded that GDELT data should be used with extreme caution, and that measurements should be checked for validity in each case.

Keywords: GDELT, event analysis, quantitative methods, political analysis methodology

For citation: Vakarchuk, D.O. (2024) “Opportunities and limitations of using big text data in Russian and foreign political science on the example of GDELT database”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 30–46, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-30-46

Несмотря на то что по-прежнему «ознакомление с количественными методами в отечественной международно-политической науке находится на начальном этапе» [Дегтерев 2015, с. 45], в последние годы среди исследователей увеличился интерес к формализованному анализу мировых политических процессов и явлений, выросла методологическая вооруженность работ [Цветкова и др.

2023, с. 300]. Этот вывод подтверждают результаты исследования, проведенного учеными из Европейского университета в Санкт-Петербурге Ю.Г. Агафоновым и М.М. Соколовым [Агафонов, Соколов 2023]. Данные из опросов показали, что около половины респондентов за последние пять лет использовали статистические методы в исследовательской работе. При этом важно, что исследования, выполненные на основе количественной методологии, публикуются на страницах ведущих научных журналов [Вакарчук 2023; Дегтерев, Пискунов, Еремин 2023; Тимофеев 2022]. Помимо этого, успешно защищаются кандидатские и докторские диссертации, основанные на количественных методах анализа [Дегтерев 2019; Сытник 2022]. На площадках университетов, исследовательских институтов и экспертно-аналитических центров проводятся международные научные конференции и круглые столы методологического характера, посвященные опыту проведения исследований с опорой на математические методы обработки данных¹. Более того, и это очень показательно, складывается впечатление, что отечественная международно-политическая наука созрела к началу методологического спора [Фененко 2018; Истомина, Байков, Худолей 2019; Дегтерев 2019; Фененко 2021] по аналогии со «вторым большим спором» в американской политической науке в 1950–1960-е гг., который развернулся между сторонниками формализованных методов анализа и защитниками традиционной историко-описательной методологии. По крайней мере очевидно, что среди ведущих отечественных исследователей-международников существуют диаметрально противоположные точки зрения относительно вопроса о том, в какую сторону должно двигаться методологическое развитие российской международно-политической науки.

Причины возросшего интереса отечественных исследователей к использованию количественных методов, безусловно, требуют отдельного подробного осмысления. Однако на первый взгляд представляется, что наиболее важным фактором является стреми-

¹ Семинар СМУиА по количественным методам // ИМЭМО РАН. 2022. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/seminar-po-kolichestvennim-metodam> (дата обращения 3 декабря 2023); Международная конференция молодых ученых «Теория и методология науки о международных отношениях» // ИМЭМО РАН. 2022. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/international-conference-for-young-researchers> (дата обращения 3 декабря 2023); Как преподавать международные отношения в условиях цифровизации: Лучшие практики РГГУ // РГГУ. 2021. URL: <https://www.rsuh.ru/education/fmopzr/news/detail.php?ID=719731> (дата обращения 3 декабря 2023).

тельное усложнение мировой политической системы, со свойственными этому процессу увеличением значимости и влияния негосударственных акторов, появлением новых форматов взаимодействия в новых областях, ускорением темпов социально-экономического развития, повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий в сферы социального взаимодействия. В этой связи запрос современных исследователей-политологов на систематическое осмысление международной среды с привлечением количественных методов обработки больших объемов информации представляется абсолютно логичным. Сопутствующим, но отнюдь не маловажным обстоятельством в этом отношении является цифровизация международно-политической реальности и международно-политической науки. Главное следствие этого процесса – рост числа доступных баз данных, в том числе текстовых, аккумулирующих в себе информацию о различных аспектах мировой политики.

В связи с этим существуют перечень публикаций отечественных специалистов-международников и политологов, в основе исследовательских программ которых лежит количественный анализ больших текстовых данных. Эти работы можно разделить на две группы. К первой группе относятся исследования, основанные на данных социальных сетей, преимущественно «Твиттер»* (Социальная сеть «Твиттер» заблокирована на территории России по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации). Заслуживает внимания работа А.Н. Сытник [Цветкова, Сытник 2018], в которой автор на основе больших текстовых данных из социальной сети «Твиттер»* изучает восприятие публичной дипломатии великих держав в зоне конфликтных столкновений. Особый акцент в исследовании сделан на использовании метода анализа тональности текстовой информации (*sentiment analysis*).

В коллективном исследовании А.С. Ахременко, Д.К. Стукала и А.П. Петрова [Ахременко, Стукал и Петров 2020] на основе big data из «Твиттер»* определены факторы, идентифицирующие популярность твиттов* в течение массовых политических протестов. Преобладание индикаторов, демонстрирующих сетевую позицию авторов твиттов*, над индикаторами, определяющими содержание твиттов*, идентифицировано авторами при помощи МНК-, и LASSO-регрессии, что является отличительным признаком этой работы.

Научные статьи из второй группы основаны на базах данных, аккумулирующих публикации мировых СМИ. В качестве таких баз чаще всего используются “Global database of events, languages

and tone”² (Далее – GDELT) и Factiva³. Следует оговориться, что существует принципиальная разница между этими базами. GDELT относится к типу баз, формируемых в автоматизированном режиме практически в реальном времени на основе кодирования публикаций мировых и локальных СМИ о политических, экономических, социальных процессах. Сбор и обработка новостной информации таким способом повышает надежность данных для исследований в области социальных наук. В базе закодированы данные о событиях с 1979 г. по настоящее время более чем на 100 языках, что делает GDELT одним из крупнейших существующих пространственно-временных наборов данных. Еще одним преимуществом этой базы данных является то, что все закодированные события содержат информацию о широте и долготе, что позволяет при необходимости идентифицировать местоположение каждого события [Bodas Sagi, Labeaga 2016, p. 38]. Помимо этого, база GDELT позволяет идентифицировать в рамках конкретных событий государства, людей, организации, темы, конкретные источники информации. Factiva, в свою очередь, представляет собой агрегатор, содержащий первичные новостные публикации мировых СМИ без их дополнительной предобработки. Кроме того, доступ к GDELT предоставляется в том числе на бесплатной основе, тогда как к Factiva – исключительно по платной подписке. Судя по всему, именно в силу этих причин большей популярностью у российских исследователей пользуется GDELT.

В первую очередь база GDELT востребована в отечественных публикациях для измерения динамики и качества межгосударственных отношений. Примером такого исследования является статья авторского коллектива под руководством Д.А. Дегтерева [Бадрутдинова, Дегтерев, Степанова 2017], в которой при помощи данных из GDELT была сделана попытка измерить отношения в треугольнике «США–КНР–РФ» в соответствии со шкалой Дж. Голдштейна. В результате анализа был идентифицирован ряд проблем. Во-первых, проблема полноты информации, содержащейся в GDELT. Авторы отмечают, что, несмотря на осуществление сбора новостей для GDELT более чем на ста языках, основной массив составляют англоязычные публикации, что может исказить результаты исследований. Во-вторых, акцентируется внимание на проблеме непопадания в ленты новостных агентств данных о внеш-

² The GDELT Project // 2023. URL: <https://www.gdeltproject.org> (дата обращения 3 декабря 2023).

³ Factiva // Dow Jones. 2023. URL: <https://www.dowjones.com/professional/factiva/> (дата обращения 3 декабря 2023).

неторговых, инвестиционных и миграционных потоках. Таким образом, авторы приходят к выводу, что для получения более точных результатов измерения отношений государств за определенный период необходимо использовать альтернативную методологию, основанную на открытых статистических данных [Бадрутдинова, Дегтерев и Степанова 2017, с. 85]. Важно отметить при этом, что тезис авторов об отсутствии полноты данных GDELT не может носить обобщающий характер и зависит от контекста исследования. Кроме того, интересно то, что авторская гипотеза была верифицирована как при использовании ивент-анализа на основе данных GDELT, так и при применении альтернативной методологии.

Еще одна проблема работы с GDELT обусловлена лежащей в ее основе онтологией CAMEO (conflict and mediation event observations)⁴. Эта система представляет собой иерархическую классификацию событий, в которой каждое типовое событие имеет свой код и сопровождающее описание. Это означает, что каждая публикация СМИ перед занесением в базу автоматически кодируется и распределяется к той или иной укрупненной категории событий⁵. Онтология CAMEO предусматривает 300 таких категорий. Помимо событий, содержащихся в новостном заголовке, алгоритмы GDELT также автоматически кодируют акторов и географические локации. Для понимания принципа кодирования новостной информации рассмотрим пример новостного заголовка, проанализированного алгоритмом GDELT: “Turkey will allow up to 13,000 Turkish Kurd refugees who have lived in Iraq for more than a decade to return home as part of a UN-brokered deal”⁶. Красным цветом в этом примере выделен действующий актер, синим – актер-реципиент, зеленым – событие.

Несмотря на то что создание онтологий позволило осуществлять автоматический сбор big data о международных событиях для их последующего количественного и качественного анализа, любая из существующих в настоящий момент онтологий априори несовершенна. Это приводит к тому, что зачастую отличные друг от друга по своей сути события могут группироваться в процессе автоматического кодирования в одну категорию [Schrodt, Van Brackle 2013, pp. 23–49]. Именно поэтому в настоящий момент разрабатывается новая система иерархической классификации

⁴ *Schrodt P.* CAMEO Event and actor Codebook // The GDELT Project. 2023. URL: <http://data.gdelproject.org/documentation/CAMEO.Manual.1.1b3.pdf> (дата обращения 3 декабря 2023).

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

событий PLOVER (political language ontology for verifiable event records), которая должна заменить SAMEO [Halterman et al. 2023].

В исследовании автора настоящей статьи, опубликованном в 2021 г. [Вакарчук 2021], был использован один из базовых способов преодоления проблемы несовершенства онтологии SAMEO. В этой работе наряду с применением машинного ивент-анализа новостные публикации о российско-польском взаимодействии по проблеме исторической памяти о событиях Второй мировой войны отбирались, кодировались и взвешивались по шкале Дж. Голдштейна вручную по причине отсутствия соответствующей категории в SAMEO. Разумеется, такой вариант не всегда является эффективным и скорее возможен в узкопрофильных исследованиях, которые не требуют обращения к big data. Однако, несмотря на обозначенную проблему валидности данных GDELT, возможность автоматизации сбора данных позволяет более эффективно работать с действительно репрезентативными выборками.

Данные GDELT также имеют большой потенциал для проведения на их основе более сложных исследований с использованием методов математической статистики. Примечательными в этом отношении для отечественной научной литературы являются исследования в русле политической компаративистики. Примером такого исследования является другая наша работа [Вакарчук 2020], в которой количественные методы анализа текста сочетаются с методами математической статистики.

Для оценки влияния различий между государствами-членами ЕС на качество их отношений с РФ автор операционализировал зависимую переменную – качество отношений между государствами-членами ЕС и РФ – посредством данных GDELT. Таким образом, метод ивент-анализа был применен автором для решения лишь одной из исследовательских задач. В качестве предикторов автор использовал ряд переменных, идентифицирующих неоднородную структуру ЕС. Для решения задачи выявления взаимосвязи между переменными был применен статистический U-критерий Манна–Уитни. Выбранный исследовательский дизайн продемонстрировал наличие статистически значимого влияния предиктора принадлежности/отсутствия принадлежности государств-членов ЕС к великим державам на их отношения с РФ [Вакарчук 2020, с. 69].

В работе М.А. Завадской [Завадская 2015] данные GDELT были использованы для сопоставительного анализа протестной активности и частоты репрессий в период электоральных циклов в зависимости от типа институционального дизайна в 64 авторитарных государствах. Последующая обработка данных при помощи методов описательной статистики наглядно продемонстрировала

разницу между персоналистскими и партийными авторитарными режимами. В исследовании был представлен вывод, что персоналистские режимы со слабыми институтами более склонны к использованию репрессий в качестве политического инструмента и, следовательно, к утрате легитимности и массовым протестам в электоральные циклы [Завадская 2015, с. 21].

Иное применение данных GDELТ представлено в работе Н.В. Ярцевой [Ярцева 2021]. Это исследование имеет скорее практико-ориентированный характер. Исследователь поставила цель на конкретных примерах продемонстрировать несколько способов обращения с большими данными GDELТ: при помощи языков Python и SQL, а также инструментария платформы GDELТ Summary⁷. SQL был использован автором для извлечения выборки из Google Cloud Public Datasets, сервиса, где хранятся данные GDELТ. При помощи языка Python полученные автором выборки были обработаны, визуализированы и проверены на предмет статистической значимости. GDELТ Summary является альтернативной для обращения к данным GDELТ и не требует написания кода. Для демонстрации возможностей GDELТ Summary автором был использован один из инструментов этого сервиса – Television Explorer⁸. Этот инструмент позволяет формировать запросы к базе телевизионных новостей GDELТ и визуализировать результаты запроса.

Цель автора заключалась в том, чтобы выявить более негативное отношение к движению «желтых жилетов» во французской прессе, чем в итальянской. Для этого автор извлекла из GDELТ выборку публикаций мировых СМИ, освещавших протесты в Париже в 2018–2019 гг. SQL запрос был сформирован так, чтобы отфильтровать базу данных по коду CAMEO 175 “Use repression” и территории событий соответственно с группировкой по дате. Для доказательства гипотезы автор использовала статистический t-критерий Стьюдента.

Несмотря на интерес российских политологов к прикладным исследованиям и методологическим проблемам использования данных GDELТ, практика последних лет складывается так, что зарубежные исследования по аналогичной тематике более обширны и основательны. Зарубежные публикации отличает использование авторами широкого круга методов математической статистики для

⁷ GDELТ summary. URL: <https://blog.gdelproject.org/announcing-gdelт-summary/> (дата обращения 8 сентября 2023).

⁸ Television Explorer. URL: <https://api.gdelproject.org/api/v2/summary/summary?d=iatv&t=summary> (дата обращения 8 сентября 2023).

изучения социальных процессов в политической плоскости. Эту тенденцию можно объяснить ограниченностью описательных методов, используемых для анализа больших объемов информации, полученных машинным путем.

Значимое место среди этих работ занимают исследования, ориентированные на проверку гипотез о наличии связей между переменными. Публикация М. Куаранты [Quaranta 2016] – пример работы, направленной на изучение протестной активности при помощи количественной методологии и big data. Автор сделал попытку оценить влияние экономического кризиса 2008–2014 гг. на устойчивость десяти европейских демократий. Эффект влияния экономического кризиса был измерен при помощи линейной МНК-регрессии. Это позволило проанализировать влияние изменения экономической ситуации на верховенство закона, чувствительность граждан к правительственным инициативам и на стабильность политической системы. Одна из зависимых переменных указанной модели «неконвенциональное политическое участие граждан» была операционализована при помощи GDELT. Для этого были собраны данные о частоте освещения мировыми СМИ протестной активности в европейских странах в указанный период.

Помимо МНК-регрессии для моделирования зависимых переменных, принимающих только натуральные значения, зарубежными авторами часто используется метод отрицательной биномиальной регрессии. Примером такого исследования является работа Й. Бунте и Л. Винсон [Bunte, Vinson 2016], в которой авторы при помощи указанного метода определяют влияние неформальных соглашений о разделении властей на местном уровне на степень межрелигиозного насилия между мусульманами и христианами в Нигерии. Применение этого метода продемонстрировало, что уровень межрелигиозного насилия значительно ниже в районах с функционирующими институтами разделения властей, чем в районах без таких институтов [Bunte, Vinson 2016, pp. 63–64].

В этой работе данные GDELT использовались для операционализации конфликтности между мусульманами и христианами на территории Нигерии за период с 2000 по 2006 г. Примечательно, что в исследовании отмечается проблема качества содержащихся в GDELT данных применительно к верификации выдвинутой гипотезы. Автор указывает, что выборка новостных публикаций, извлеченная из GDELT, не в полной мере соотносится с собранными и кодированными вручную новостными публикациями нигерийских локальных газет [Bunte, Vinson 2016, p. 52]. Таким образом, вновь в литературе подчеркивается необходимость осто-

рожного обращения с эмпирическими данными GDELT в прикладных исследованиях. Между тем результаты проведенного автором регрессионного анализа продемонстрировали свою валидность как при использовании в качестве зависимой переменной событийных данных, собранных вручную, так и при использовании результатов машинного ивент-анализа.

Помимо проблемы полноты данных, в зарубежных публикациях акцентируется внимание на технических ограничениях работы с GDELT. В исследовании К. Джазаери [Jazayeri 2016], в котором оценивается влияние политического неравенства, основанного на идентичности, на вероятность ненасильственного/насильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке, представлено обоснование отказа от использования GDELT. Автор мотивировал это решение тем, что платформа GDELT Analytical Service⁹, предлагающая набор инструментов для работы с данными GDELT без написания кода, не функционировала на момент проведения исследования [Jazayeri 2016, p. 19]¹⁰.

Иное применение данных GDELT представлено в относительно недавней работе исследовательского коллектива под руководством К. Дэвис о влиянии политической сферы межгосударственных отношений на международную торговлю на примере отношений Китая и Индии с их ведущими торговыми партнерами [Davis, Fuchs, Johnson 2019]. Для верификации гипотезы авторы измерили уровень отношений в политической сфере между указанными странами в период с 1990 по 2012 г. при помощи данных GDELT, исключив из итоговой выборки положительно взвешенные события по шкале Дж. Голдштейна. Более того, для идентификации различий влияния этих акторов на торговые отношения выборка была ограничена также подсчетом негативных действий, инициатором которых выступали военные и государственные акторы торговых партнеров. Валидность операционализации была установлена посредством оценки совпадения позиций Китая и Индии с государствами-партнерами в Генеральной Ассамблее ООН. В свою очередь, зависимая переменная была разбита на два типа с учетом информации о государственном контроле за внешнеторговым оборотом.

В результате использования гравитационной модели внешней торговли авторы пришли к выводу, что импорт, контролируемый государственными предприятиями, более чувствителен к изме-

⁹ GDELT Analysis Service. URL: <https://analysis.gdeltproject.org> (дата обращения 8 сентября 2023).

¹⁰ На момент написания текста доклада сервис по-прежнему не работает.

нению климата двусторонних отношений в политической сфере, чем импорт, контролируемый частными предприятиями. Такая закономерность была характерна как для Китая, так и для Индии. Аналогичная закономерность была обнаружена для индийского, но не для китайского экспорта. Авторы объясняют это большей независимостью китайских экспортно-ориентированных предприятий от внешнеполитического курса государства в исследуемый период [Davis, Fuchs, Johnson 2019, pp. 429–430].

На основе этих выводов было представлено предположение о росте политизации внешней торговли по мере увеличения количества стран с частично или полностью контролируемой государством экономикой. Это предположение примечательно относительно продолжающейся дискуссии о роли государства в мировой политике в контексте глобализации.

Данные GDELT могут быть использованы также для оценки внутри- и внешнеполитических рисков. Интересный подход в этом отношении был предложен китайскими исследователями-международниками [Sun, Gao, Liu, Wang 2021]. Авторы не только содержательно оценили возможности и ограничения использования данных GDELT для идентификации страновых политических рисков в период с 2013 по 2019 г., но и выявили взаимосвязь между политическими рисками и объемом китайских инфраструктурных инвестиций на пространстве проекта «Один пояс – один путь».

Новизна авторского подхода заключалась в предложенной формуле расчета индекса политического риска через отношение модуля суммы событий класса GDELT «Материальный конфликт»¹¹, взвешенных по шкале Дж. Голдштейна, к сумме всех событий, взвешенных по шкале Дж. Голдштейна за определенный период. На основе набора данных в работе продемонстрировано, что указанный алгоритм способен достовернее показывать взаимосвязь политического риска и объема китайских инвестиций, чем простое использование количества событий той или иной укрупненной категории SAMEO. При этом доказана неэффективность использования событий укрупненной категории «Протест» для цели исследования, так как выбранные авторами 63 государства-участника китайского проекта отличаются друг от друга по типу политического режима.

¹¹ Согласно онтологии SAMEO, класс «Материальный конфликт» включает в себя 6 укрупненных категорий: «Протест», «Демонстрация силы», «Принуждение», «Нападение», «Бои», «Применение неконвенционального массового насилия».

В результате исследователи пришли к выводу, что политические риски положительно коррелируют с объемом китайских инфраструктурных инвестиций, что противоречит практике увеличения объема инвестиций по мере снижения политических рисков. При этом для пространства проекта «Один пояс – один путь» в большей степени были характерны внешнеполитические, а не внутривнутриполитические риски в рамках исследуемого периода [Sun, Gao, Liu, Wang 2021].

Заключение

Сопоставляя практику использования данных GDELT в отечественных и зарубежных исследованиях, можно прийти к следующим выводам. В научных работах отечественных исследователей данные из этой базы используются преимущественно в описательных целях, без дополнительной предобработки. Для работ зарубежных ученых характерна инкорпорация данных GDELT в сложные математические модели с целью определения характера и направления связей между переменными.

Проведенный обзор позволяет говорить о разнообразии исследовательских задач, которые позволяют решить данные GDELT: оценка объема и качества освещения СМИ той или иной проблемы внешне- и внутривнутриполитического характера, измерение динамики и качества межгосударственных или межконфессиональных отношений, частоты протестной активности в той или иной стране. Такая исследовательская вариативность обусловлена широким функционалом, которым обладает база GDELT.

К ключевым преимуществам использования базы данных GDELT для решения исследовательских задач можно отнести, во-первых, возможность проведения автоматизированного ивент- и контент-анализа больших текстовых данных, во-вторых, дополнительную опцию для операционализации и валидации политических явлений и процессов, в-третьих, возможность для фальсификации результатов проведенного анализа. Между тем, как в отечественной, так и в зарубежной литературе, зафиксирован ряд ограничений работы с данными GDELT: во-первых, несовершенство онтологии SAMEO, во-вторых, неполнота данных, содержащихся в базе, в-третьих, технические ограничения работы с базой GDELT. Соответственно применять напрямую данные GDELT следует крайне осторожно, тестируя в каждом конкретном случае эти измерения на валидность.

Литература

- Агафонов, Соколов 2023 – *Агафонов Ю.Г., Соколов М.М.* Российская политология в 2021 г.: социальный и интеллектуальный ландшафт // Полис: Политические исследования. 2023. № 2. С. 54–71.
- Ахременко, Стукал, Петров 2020 – *Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис: Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.
- Бадрутдинова, Дегтерев, Степанова 2017 – *Бадрутдинова К.Р., Дегтерев Д.А., Степанова А.А.* Отношения в треугольнике США – РФ – КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 81–109.
- Вакарчук 2020 – *Вакарчук Д.О.* Влияние различий между государствами-членами ЕС на их отношения с Российской Федерацией: 2014–2019 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 57–73.
- Вакарчук 2021 – *Вакарчук Д.О.* Вторая мировая война в контексте современных российско-польских отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 80–90.
- Вакарчук 2023 – *Вакарчук Д.О.* Эмпирическая верификация концепции регионального лидерства на примере восходящих держав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. № 3. С. 255–274.
- Дегтерев 2015 – *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. № 2 (41). С. 35–54.
- Дегтерев 2019 – *Дегтерев Д.А.* «Второй большой спор» в контексте становления российской науки о международных отношениях // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 43–63.
- Дегтерев 2019 – *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в прикладном анализе международных отношений: Дис. ... д-ра полит. наук. М.: Гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2019. 644 с.
- Дегтерев, Пискунов, Еремин 2023 – *Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А.* 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // Полис: Политические исследования. 2023. № 3. С. 20–38.
- Истомин, Байков, Худолей 2019 – *Истомин И.А., Байков А.А., Худолей К.К.* Международные отношения: наука без метода // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 63–90.
- Завадская 2015 – *Завадская М.А.* Время выбирать: манипулирование электоральными циклами в современных авторитарных режимах // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2015. № 4. С. 5–28.
- Сытник 2022 – *Сытник А.Н.* Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2022. 479 с.

- Тимофеев 2022 – *Тимофеев И.Н.* Политика санкций США на уровне исполнительной власти // *Мировая экономика и международные отношения.* 2022. Т. 66. № 3. С. 23–32.
- Фененко 2021 – *Фененко А.В.* Иллюзорная дисциплина: и снова о количественных методах в международных отношениях // *Международные процессы.* 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 163–191.
- Фененко 2018 – *Фененко А.В.* Статистика против истории // *Международные процессы.* 2018. Т. 16. № 3 (54). С. 56–83.
- Цветкова, Сытник 2018 – *Цветкова Н.А., Сытник А.Н.* Публичная дипломатия в Афганистане, 2002–2018 гг.: влияние США на социальные сети, политическую систему и университеты // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 344–361.
- Цветкова и др. 2023 – *Цветкова Н.А., Худoley К.К., Хейфец В.Л. и др.* Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Часть 1 / Н.А. Цветкова, К.К. Худoley, В.Л. Хейфец, В.Н. Гарбузов, И.А. Истомин, М.В. Харкевич // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* Т. 16. № 3. С. 294–315.
- Ярцева 2021 – *Ярцева Н.В.* Анализ больших объемов данных: возможности Gdelt Project при использовании языка программирования Python: Опыт гуманитария, решившего постичь Big Data // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2021. № 1. С. 351–367.
- Bodas Sagi, Labeaga 2016 – *Bodas Sagi D., Labeaga J.* Using GDELTA data to evaluate the confidence on the Spanish government energy policy // *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence.* 2016. No. 3 (6). P. 38–43.
- Bunte, Vinson 2016 – *Bunte J., Vinson L.* Local power-sharing institutions and interreligious violence in Nigeria // *Journal of Peace Research.* 2016. No. 1 (53). P. 49–65.
- Davis, Fuchs, Johnson 2019 – *Davis C., Fuchs A., Johnson K.* State control and the effects of foreign relations on bilateral trade // *Journal of Conflict Resolution.* 2019. No. 2 (63). P. 405–438.
- Halterman et al. 2023 – *Halterman A., Bagozzi B., Beger B., Schrodt P., Scarborough G.* PLOVER and POLECAT. A new political event ontology and dataset // *SocArXiv.* 2023. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/rm5dw/download> (дата обращения 25 марта 2024). DOI: 10.31235/osf.io/rm5dw.
- Jazayeri 2016 – *Jazayeri K.* Identity-based political inequality and protest. The dynamic relationship between political power and protest in the Middle East and North Africa // *Conflict Management and Peace Science.* 2016. No. 4 (33). P. 400–422.
- Quaranta 2016 – *Quaranta M.* Protesting in “hard times”. Evidence from a comparative analysis of Europe, 2000–2014 // *Current Sociology.* 2016. No. 5 (64). P. 736–756.
- Schrodt, Van Brackle 2013 – *Schrodt P., Van Brackle D.* Automated coding of political event data // *Handbook of computational approaches to counterterrorism* / Ed. by V. Subrahmanian. N.Y.: Springer, 2013. P. 23–49.
- Sun, Gao, Liu, Wang 2021 – *Sun X., Gao J., Liu B., Wang Z.* Big data-based assessment of political risk along the belt and road // *Sustainability.* 2021. № 13 (7). URL: <https://doi.org/10.3390/su13073935>.

References

- Agafonov, Yu.G. and Sokolov, M.M. (2023), “Russian political science in 2021. Social and intellectual landscape”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 54–71.
- Ahremenko, A.S., Stukal, D.K. and Petrov, A.P. (2020), “Web or text? Factors of protest spreading in social media. Theory and data analysis”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 73–91.
- Badrutdinova, K.R., Degterev, D.A. and Stepanova, A.A. (2017), “Interconnections among the United States, Russia and China. Whether G. Kissinger’s leadership formula is being followed?”, *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 81–109.
- Bodas-Sagi, D. and Labeaga, J. (2016), “Using GDELT data to evaluate the confidence on the Spanish government energy policy”, *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Inteligence*, vol. 6, no. 3, pp. 38–43.
- Bunte, J. and Vinson, L. (2016), “Local power-sharing institutions and interreligious violence in Nigeria”, *Journal of Peace Research*, vol. 53, no. 1, pp. 49–65.
- Davis, C., Fuchs, A. and Johnson, K. (2019), “State control and the effects of foreign relations on bilateral trade”, *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 2, pp. 405–438.
- Degterev, D.A. (2015), “Quantitative methods in international studies”, *International Trends*, vol. 41, no. 2, pp. 35–54.
- Degterev, D.A. (2019), Kolichestvennyye metody v prikladnom analize mezhdunarodnykh otnoshenii [Quantitative methods in the applied analysis of international relations], D. Sc. Thesis (Political Science), Moscow State University, Moscow, Russia.
- Degterev, D.A. (2019), “‘The Second Great Controversy’ in the context of the formation of the Russian science on international relations”, *International Trends*, vol. 17, no. 2 (57), pp. 43–63.
- Degterev, D.A., Piskunov, D.A. and Eremin, A.A. (2023), “U.S. – China 5G-rivalry in Latin America. At the origins of technological decoupling”, *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 20–38.
- Fenenko, A.V. (2021), “The illusory discipline. Once again on quantitative methods in international relations”, *International Trends*, vol. 19, no. 4 (67), pp. 163–191.
- Fenenko A.V. (2018), “Statistics versus History”, *International*, vol. 16, no. 3 (54), pp. 56–83.
- Halterman, A., Bagozzi, V., Beger, V., Schrodtt, P.A. and Scraborough, G. “PLOVER and POLECAT. A new political event ontology and dataset”, in SocArXiv. 2023, available at: <https://osf.io/preprints/socarxiv/rm5dw/download> (Accessed 25 March 2024), DOI: 10.31235/osf.io/rm5dw.
- Istomin, I.A., Baikov, A.A. and Khudolei, K.K. (2019), “International relations. Science without method?”, *International Trends*, vol. 17, no. 2 (57), pp. 63–90.
- Jazayeri, K. (2016), “Identity-based political inequality and protest. The dynamic relationship between political power and protest in the Middle East and North Africa”, *Conflict Management and Peace Science*, vol. 33, no. 4, pp. 400–422.

- Quaranta, M. (2016), "Protesting in 'hard times'. Evidence from a comparative analysis of Europe, 2000–2014", *Current Sociology*, vol. 64, no. 5, pp. 736–756.
- Schrodt, P.A. and Van Brackle, D. (2013), "Automated coding of political event data", in Subrahmanian, V., ed., *Handbook of computational approaches to counterterrorism*, Springer, New York, USA, pp. 23–49.
- Sun, X., Gao, J., Liu, B. and Wang, Z. (2021), "Big data-based assessment of political risk along the belt and road", *Sustainability*, vol. 13, no. 7. URL: <https://doi.org/10.3390/su13073935>.
- Sytnik, A.N. (2022), Tsifrovizatsiya i "bol'shie dannye" v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty [Digitalization and "big data" in international relations. Theoretical, methodological and applied aspects], Ph.D. Thesis (Political Science), Sintt Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
- Timofeev, I.N. (2022), "An executive power dimension of the U.S. Sanctions policy", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 66, no. 3, pp. 23–32.
- Tsvetkova, N.A. and Sytnik, A.N. (2018), "Public diplomacy in Afghanistan, 2002–2018. Impact of the USA on social networks, political system and universities", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 11, iss. 4, pp. 344–361.
- Tsvetkova, N.A., Khudoley, K.K., Jeifets, V.L., Garbuzov, V.N., Istomin, I.A. and Kharkevich, M.V. (2023), "Scientific journals in the context of the transformation of international relations. Issues, challenges and prospects. Part 1", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 16, no. 3, pp. 294–315.
- Vakarchuk, D.O. (2023), "Empirical verification of the regional leadership concept on the example of rising powers", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 16, no. 3, pp. 255–274.
- Vakarchuk, D.O. (2020), "Differences among the member states of the European Union and its influence on their relations with the Russian Federation: 2014–2019", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 57–73.
- Vakarchuk, D.O. (2021), "World war II in the context of contemporary Russian-Polish relations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 80–90.
- Yartseva, N.V. (2021), "Analysing large amounts of data. GDELT project's opportunities using the Python programming language. A humanities scholar's experience with Big Data, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 351–367.
- Zavadskaya, M.A. (2015), "Time to choose. Manipulating electoral cycles in present-day authoritarian regimes", *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, no. 4, pp. 5–28.

Информация об авторе

Денис О. Вакарчук, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vakarchuk.d@rggu.ru

Information about the author

Denis O. Vakarchuk, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vakarchuk.d@rggu.ru

Популизм как объект научных исследований

Василий С. Грибовский

Независимый исследователь, Москва, Россия,

vasily.gribovsky.92@mail.ru

Аннотация. Став популярным термином на рубеже XX–XXI вв., популизм в то же время в силу ряда причин остается одним из наиболее сложных для исследования общественно-политических явлений. Скепсис в научном сообществе касательно этого феномена был настолько велик, что известные политологи ставили под сомнение целесообразность его употребления или вовсе предлагали отказаться от него. В статье анализируется путь, который прошла политическая наука в деле изучения популизма. Автор рассматривает точки зрения политологов из разных стран, суммирует их выводы и заключает, что к настоящему времени академическому сообществу удалось найти ключевые признаки, позволяющие составить каркас популизма как научно исследуемого явления. Однако говорить об универсальной концепции столь глубокого и многогранного феномена представляется едва ли возможным. По этой причине столь же дискуссионным остается вопрос, какую партию можно отнести к разряду популистских.

Утверждение о том, что популизм является идеологией, представляется, на наш взгляд, не совсем рациональным. Этим термином принято обозначать совокупность тех или иных идей, например либерализм или консерватизм, тогда как популизм, напротив, не имеет конкретных идей, представляя собой описанный выше стиль поведения в рамках партийно-политической системы.

Ключевые слова: популизм, популистские партии, популистские движения, популистские стратегии, левый популизм, правый популизм

Для цитирования: Грибовский В.С. Популизм как объект научных исследований // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 47–61. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-47-61

Populism as an object of scientific research

Vasilii S. Gribovskii

*Independent researcher, Moscow, Russia,
vasily.gribovsky.92@mail.ru*

Abstract. Having become a popular term at the turn of the 20th and 21st centuries, populism at the same time, for a number of reasons, remains one of the most difficult socio-political phenomena to study. Skepticism in the scientific community regarding the phenomenon was so great that well-known political scientists questioned the appropriateness of its use or even suggested abandoning it. The article analyzes the path that political science has followed in the study of populism. The author considers the points of view of political scientists from different countries, summarizes their findings and concludes that by now the academic community has managed to find the key features that make it possible to form the framework of populism as a scientifically researchable phenomenon. However, it seems hardly possible to speak of a universal concept of such a deep and multisided phenomenon. Therethrough, the question of which party can be classified as populist remains equally debatable.

The claim that populism is an ideology seems, in our opinion, not entirely rational. That term is used to denote a set of certain ideas, for example, liberalism or conservatism, whereas populism, on the contrary, does not have specific ideas, representing the style of behavior described above within the framework of the party-political system.

Keywords: populism, populist parties, populist movements, populist strategies, left populism, right populism

For citation: Gribovskii, V.S. (2024), "Populism as an object of scientific research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 47–61, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-47-61

Проблемы исследования популизма

Феномен популизма получил широкую известность в последние десятилетия. В 2016 г., когда президентом США был избран Д. Трамп, а Великобритания проголосовала за выход из Европейского союза, этот термин стал одним из самых часто употребляемых среди международных политических обозревателей, а Кембриджский словарь даже объявил его словом года.

В то же время в академическом сообществе он не является новой категорией и известен с конца XIX столетия. В 1892 г. в США была основана Народная партия, также известная как Популист-

ская партия. Ее название было отсылкой к слову “populus”, что в переводе с латинского языка обозначает «народ». Позиционируя себя как третья политическая сила наряду с Демократической и Республиканской партиями, эта организация считала, что в США господствует «власть денежного мешка», выступала за предоставление дешевых кредитов, введение прямой демократии и другие социально одобряемые меры.

До середины XX в. использование термина «популизм» ограничивалось в основном историками, изучавшими Народную партию и некоторые авторитарные режимы в Южной Америке, строившиеся на массовой поддержке за счет привлекательных лозунгов о распределении общественных благ в пользу малоимущих слоев населения [Werz 2003, p. 15]. Новую главу в исследовании популизма открыл американский социолог Э. Шилс, опубликовавший в 1954 г. статью, в которой предложил именовать этим термином протестные антиэлитные настроения в США. Несмотря на разгоревшийся интерес к этой теме, политологам так и не удалось договориться о едином понимании этого явления, о чем свидетельствовала неудачная тематическая конференция 1967 г. в Лондоне [Allcock 1971, p. 378].

Популизм оставался малоизученным общественно-политическим явлением до 1980-х гг., когда в Западной Европе стали появляться и постепенно укрепляться силы, которые можно условно обозначить как правые партии «политической альтернативы». Критикуя практикуемую форму европейской интеграции и политику открытых дверей в отношении иммигрантов, главным образом из мусульманских стран, они угрожали ослабить электоральную поддержку правивших партий, строивших свои программы вокруг расширявшегося взаимодействия между странами Европейского союза и углубляемого мультикультурализма. Поэтому лишь в конце XX в. возникла серьезная потребность исследовать популизм как феномен и дать ему определение, чтобы понять, уместно ли относить ту или иную партию к числу популистских.

Пытаясь сформировать научный подход к популизму, политологи столкнулись с целым рядом проблем. Во-первых, популизм, увязанный в общественном сознании с Народной партией США, деятельность которой наталкивалась на серьезную критику из самых разных политических лагерей, с самого начала своего существования заработал плохую репутацию. Именно с тех пор этот термин стал применяться как синоним демагогии [Stanley 2008, p. 101] и своего рода общественно-политической патологии [Mudde 2011, p. 4], т. е. в крайне критическом и почти оскорбительном ключе. Хотя И. Мени и И. Сюрель подчеркивают особую роль средств массовой информации, применяющих термин «популизм»

к недавно образованным политическим или социальным движениям, бросающим вызов укоренившимся ценностям, правилам и институтам демократической ортодоксии [Mény, Surel 2002, p. 3], подобный подход можно встретить также в академической среде. У. Альтерматт, в частности, даже использует термин «правопопулистский синдром» [Altermatt 1996, p. 193], фактически сравнивая присутствие представляющих его партий с болезнью политических систем, от которых их необходимо лечить.

Во-вторых, ни одна партия за всю историю, кроме Народной партии США, не называла себя популистской, не желая распространять на себя порочность этого слова. Кроме того, политолог М. Канован справедливо замечает, что в мире не сформировалось даже прообраза международного популистского движения, которое могло бы попытаться контролировать и соответственно ограничить столь широкое употребление этого термина, в результате чего он получил совершенно разные толкования. В этом состоит существенное отличие популизма от других широко употребляемых в политике терминов, например либерализма и консерватизма, социализма и национализма, которые широко использовались партиями в качестве самоназвания, давшими им собственное смысловое наполнение [Canovan 1981, pp. 5–6].

В-третьих, отсутствие серьезных исследований по этой теме в течение почти сотни лет и привело к тому, что в популисты стали записывать крайне разнообразные партии и движения, которые хотя бы чем-то напоминали Народную партию США. Самым хрестоматийным примером может служить «народническое» движение, существовавшее во второй половине XIX в. в Российской империи. Это была весьма своеобразная идеологическая тенденция, напоминавшая скорее философию, когда представители интеллигенции устраивали «хождения в народ» с целью обрести «народную мудрость» и восстановить утерянную связь с корнями. Они выступали против ускоренного развития капитализма, считая именно аграрный социализм залогом процветания России [Вагер 2014, p. 5]. Несмотря на то что это движение, на первый взгляд, не имело ничего общего с популизмом в духе Народной партии США в силу совершенно разной социально-политической ситуации в двух странах, некоторые западные политологи сочли его популистским и ошибочно перевели русское слово «народники» на языки стран Западной Европы буквально как «популисты».

Таким образом, термин «популизм» в силу ряда причин – плохой репутации в США и западном мире в целом, отсутствия организации, использующей его в качестве самоназвания, а также огромного разнообразия кейсов в самых разных странах мира – со

временем превратился в своего рода «кнут», которым стало принято хлестать политических оппонентов, считавшихся, по выражению М. Канован, выбивающимися из политического мейнстрима или представляющими угрозу демократии [Canovan 2004, p. 244].

Подобная практика привела к значительному обесцениванию популизма как политической концепции. В этой связи некоторые политологи, особенно те, кто был пионером в сфере исследований популизма, ставили под сомнение целесообразность применения этого термина или вовсе предлагали отказаться от его использования. Так, по мнению Р. Коллиера, существующие концепции включают слишком многие составные части, которые трудно привести к общему знаменателю¹, тогда как П. Таггарт назвал популизм «одной из наиболее широко используемых, но малоопытных политических концепций нашего времени» [Taggart 2002, p. 162]. От этого взгляда не отказались и многими годами позже: например, У. Бретт охарактеризовал популизм как классический пример растянутой концепции, потерявшей форму из-за чрезмерного и неправильного использования [Brett 2013, pp. 410–411].

Идейный подход

Другие же политологи, тоже понимавшие уязвимость популизма как объекта исследований, были настроены все же менее скептически. Так, М. Канован в шутку заявляет, что если бы термина «популизм» не существовало, то ни один ученый не стал бы его сознательно изобретать, поскольку он слишком двусмысленный, и в то же время отмечает, что этот термин представляет собой указатель на интересную и в значительной степени неисследованную область политического и социального опыта [Canovan 1981, p. 6]. Д. Альбертацци и Д. Макдоннелл считают, что термин «популизм» при тщательном определении можно использовать в отношении ряда политических акторов [Albertazzi, McDonnell 2008, p. 3]. К. Мудде и К.Р. Кальтвассер подчеркивают его большую важность для дебатов о политике от Европы до Америки, не позволяющую просто так покончить с ним [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017, p. 5]. Б. Стэнли отмечает настойчивость, с которой этот термин повторяется учеными, политиками и средствами массовой информации, из чего политолог делает вывод о существовании «неустрашимого ядра» популизма [Stanley 2008, p. 100], т. е. того, что присуще всем

¹ Collier R. Populism // International encyclopedia of social and behavioral sciences. Oxford: Elsevier, 2001.

тем, кого принято относить к числу популистов, и что, следовательно, можно изучать научными методами. Таким образом, академические круги, преодолев определенные сомнения касательно рассматриваемого термина как исследовательской категории, все же пришли к выводу о том, что, несмотря на все различия между признаваемыми популистскими оппозиционными партиями во всех странах мира, все же существуют критерии, позволяющие исследовать их в общей рамке.

Так, М. Канован утверждает, что популизм – это политический стиль, нацеленный на завоевание максимально широкой электоральной поддержки [Canovan 1981, p. 261].

А. Цинелль подчеркивает, что деятельность популистов всегда направлена против сложившейся политической системы [Zinnel 1996, pp. 15–18]. К. Мудде называет популизмом своеобразный способ политической самоподачи, связанный с крайним упрощением представлений об общественных процессах и относящийся не столько к содержанию, сколько к стилю [Mudde 2004, p. 541]. Ф. Декер считает, что в основе популизма лежит спекуляция страхами населения в собственных узкопартийных целях посредством простых и ясных решений политических проблем [Decker 2006, p. 1].

По мнению Н. Гетц, популизм – это скачкообразная политика, которая не содержит никаких фундаментальных политических идей и нацелена на получение немедленной поддержки избирателей [Goetz 2006, p. 4]. С точки зрения Альбертацци и Макдоннелла, популизм основывается на агитации против элит и других «опасных элементов», которые вместе изображаются как силы, лишаящие суверенный народ его прав, ценностей, процветания, идентичности и голоса [Albertazzi, McDonnell 2008, p. 3]. К. де ла Торре определяет популизм как «манихейский дискурс», разделяющий общество и изображающий политику как борьбу между двумя непримиримыми и антагонистическими лагерями: народом и властью, выраженной олигархией или силовым блоком [De la Torre 2017, p. 195]. А.Н. Медушевский утверждает, что популизм есть система социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества на быстрые и раздражающие социальные изменения [Медушевский 2017, с. 28]. М. Ансельми предлагает рассматривать популизм как политическое проявление однородного сообщества людей, которое осознает себя абсолютным носителем народного суверенитета и выразителем антиэлитарной позиции [Anselmi 2018, p. 8].

В трудах, опубликованных на рубеже XX–XXI вв., можно проследить следующую тенденцию: разные ученые, несмотря на

существенную разницу в подходах к популизму, все же приходят к общим выводам. Они сходятся в том, что главным критерием этого феномена является спекулятивное применение слова «народ» и вытекающей из этого дихотомии «свои – чужие» [Медушевский 2019; Мартинец 2019]. В политической науке этот подход определяется как идейный и в настоящий момент считается основным. Рассмотрим его более подробно.

Пытаясь определить одним словом то, что популисты имеют в виду под словом «народ», П. Таггарт первым предложил довольно емкий термин «хартленд» (heartland), то есть сердцевина в буквальном переводе с английского языка [Taggart 2000, p. 95]. Это утверждение является своего рода отсылкой к концепции английского географа Х. Маккиндера, который впервые предложил вышеназванный термин, обозначив им массивные земли в северо-восточной части Евразии. В концепции же П. Таггарта речь идет о некоей сердцевине общества, которая, по убеждению популистов, объединяет в себе добродетельных и однородных людей. На этих двух качествах строится популистская концепция «народа».

Итак, популистские партии продвигают утверждение, в соответствии с которым «народ» является добродетельным источником власти. По их убеждению, он испытывает угнетение со стороны коррумпированной политической элиты и низведен до статуса политического «аутсайдера» в собственной стране [Stanley 2008, p. 105]. Подобное политическое поведение дает политологам право утверждать, что суть популизма, по выражению К. Мудде, сводится к противопоставлению «хорошего народа» и «плохой элиты». В политической плоскости подобное мировоззрение конвертируется в преклонение перед «простым народом», пропаганду общего неприятия политического истеблишмента [Mudde 2004, p. 543], представление самих себя как единственных выразителей воли «молчащего большинства» [Mudde 2002, p. 41], неуважение к плюрализму мнений [Макаренко 2017, p. 15] и требования радикально преобразовать политическую систему [Decker 2000, p. 50]. Таким образом, популисты, отрицая, что у разных граждан и социальных групп могут быть различающиеся и прямо противоположные взгляды на этнополитическое и социально-экономическое устройство страны, и объединяя все эти группы в один термин «народ», очень грубо упрощают действительное положение вещей.

Вторым «китом», на котором стоит популизм, является представление об однородности «народа», которое, впрочем, может сильно варьироваться в зависимости от того, к какому флангу принадлежит партия. Так, например, левые имеют тенденцию понимать «народ» более широко, включая в нее не только «хартленд», но

и всевозможные меньшинства, и исключая из него только тех, кто принадлежит к «элите». Напротив, правые, ориентируясь на социокультурную группу, для которой присущи определенные традиции и ценности, видят «зло» не только в правящих кругах, но и в тех, кто не вписывается в их видение «народа», прежде всего в мигрантах из мусульманских стран [Mudde, Rovira Kaltwasser 2013, p. 14]. В этой связи уместно привести утверждение А. Пелинки, согласно которому правые популисты, в отличие от левых, добавляют к образу вертикального врага («элита» vs «народ») образ горизонтального, видя в нем угрозу социально-экономическому благополучию [Binder 2005, p. 6] и культурной идентичности [Grabow, Hartleb 2013, p. 11] и требуя исключить всех «нарушителей» гомогенного в их представлении «народа» [Осколков 2019, с. 149]. Им свойственно обвинять «элиту» в том, что она скрыто поддерживает враждебную деятельность «чужих» инокультурных элементов или недостаточно препятствует ей [Geden 2007, p. 10]. По их мнению, либеральная демократия, в частности политика открытых дверей, ведет к ослаблению «народного суверенитета», что выражается в размывании идентичности и культуры местного «хартленда» [Binder 2005, p. 4]. По этой причине можно утверждать, что в риторике правых популистов народ, понимаемый как сообщество людей одного происхождения и единого культурного уклада, и нация, то есть сообщество объединенных общим гражданством людей, становятся взаимозаменяемыми категориями [Mudde 2004, p. 549].

С учетом всего вышесказанного популизм в политической науке принято делить на инклюзивный, то есть включающий в себя, и эксклюзивный, то есть исключающий из себя. В настоящее время первый тип представлен преимущественно левыми партиями, тогда как второй тип – правыми [Hawkins, Rovira Kaltwasser 2019, p. 5]. Однако необходимо отметить, что эта дихотомия не статична, а динамична, поскольку нынешние тенденции были таковыми не всегда. Еще в начале XX в. левые силы представляли собой, наоборот, ярко выраженную эксклюзивную разновидность популизма, называя себя «авангардом пролетариата» и исключая из придуманной ими концепции «народа» тех, кого они пренебрежительно относили к числу «буржуев», «кулаков», «церковников» и прочих «капиталистических угнетателей».

Впрочем, эта дихотомия не является совсем чистой. Так, правые партии эксклюзивного популизма иногда, руководствуясь соображениями политической выгоды, могут дать голос представителям различных меньшинств. Напротив, левые популисты могут существенно варьироваться по степени инклюзивности [Mudde, Rovira Kaltwasser 2013, p. 16]. В качестве примера можно привести случай

с национал-консервативной партией «Альтернатива для Германии», когда в ее руководство была выдвинута открытая лесбиянка А. Вейдель, что, однако, не привело к изменению позиции этой политической силы по семейным вопросам. Другой пример – это риторика левого Э. Моралеса в Бolivии, строившего концепцию «народа» на основе индейского «хартленда» в пику потомкам европейских колонизаторов. В этой связи политологи пришли к выводу, что разница между видами популизма не в том, включает ли кого-либо та или иная партия, а в том, кого она исключает из собственного видения «народа» [Hawkins, Rovira Kaltwasser 2019, p. 5].

Сам по себе популизм не имеет какого-либо идеологического наполнения. По этой причине его нельзя отнести ни к левому, ни к правому флангу [Brett 2013, p. 410]. По мнению целого ряда политологов, популизм со структурной точки зрения представляет собой «идеологию с тонким центром» (thin-centred ideology), которая сама по себе считается нематериальной, то есть не содержащей в себе какие-либо идейные постулаты и потому неспособной стать флагманом перемен. Тем самым он решительно отличается от «идеологий с толстым центром» (thick-centred ideology), таких как социализм, либерализм, консерватизм и национализм, которые представляют собой полноценное мировоззрение и в соответствии с которыми могут проводиться те или иные политические и социально-экономические преобразования [Mudde 2004, p. 544]. По этой причине популизм как «тонкая» идеология обычно сочетается с вышеназванными «толстыми» идеологиями, в результате чего возникают очень различающиеся, порой даже противоречащие друг другу формы этого явления, которые все, впрочем, относятся к термину «популизм».

Примеров тому можно привести множество. Так, в начале XXI в. популизм в Латинской Америке отождествляли с «левым поворотом», когда к власти пришли политики, в частности У. Чавес в Венесуэле и Э. Моралес в Бolivии, чьи партии продвигали социалистические программы, завязанные на социально привлекательных лозунгах. В те же времена в Европе популистами называли правые политические силы, например Национальный фронт во Франции и Австрийскую партию свободы, чья повестка была направлена против расширения европейской интеграции и политики открытых дверей в отношении мусульманских мигрантов. Другими словами, в данном случае речь идет скорее о национализме и идеологии суверенитета. Таким образом, популизм, если говорить абстрактно, представляет собой скорее яркую «упаковку», в которую различные политические партии и движения помещают тот или иной идеологический «продукт».

Итак, проанализировав текущее состояние популизма как объект исследований, мы можем констатировать, что академическое сообщество в решающей мере преодолело былой скептицизм относительно исследований этого феномена и добилось существенного прогресса в деле его теоретизации. Изучая популизм в разных странах мира, ученые смогли вычлениить и сформулировать ряд признаков, присущих всех популистским партиям и движениям. Главными из них являются разделение общества на «своих» и «чужих» и представление себя в качестве выразителей «народной воли». В то же время, как замечает Н. Гетц, следует иметь в виду, что создание универсальной концепции популизма невозможно, потому что каждая популистская партия имеет свои особенности, связанные как с политической системой и социально-экономическими условиями страны, в которой она действует, так и с противниками, против которых она выступает [Goetz 2006, p. 3].

*«Лаклауанский»,
или мобилизационный, подход*

Другой подход был разработан аргентинским политологом Э. Лаклау. Ученый рассматривает популизм как способ вовлечения населения в политическую жизнь той или иной страны. В этом отношении данное явление воспринимается не отрицательно, как при идейном подходе, а, наоборот, положительно – как необходимый компонент коммунитарной демократии [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017, p. 3]. Сторонники этого подхода называют популизм «освободительной силой», мобилизующей «исключенные» слои общества (т. е. «народ» в риторике популистов) против политических элит и направленной на изменение статус-кво.

В современной политической науке этот подход определяется как лаклауанский. В самом названии делается акцент на имени самого ученого, происходящего из Латинской Америки и посвятившего себя политическим исследованиям именно этого макрорегиона [Tormey 2018, p. 262]. Его также уместно было бы обозначить как мобилизационный – по главной идее политолога. В настоящий момент данная точка зрения на популизм не является магистральным направлением мысли, поскольку подавляющее большинство политологов рассматривают и исследуют это явление в числе отрицательных.

Выводы

Изучив текущее состояние теоретических наработок в сфере популизма, мы можем сформулировать собственную концепцию этого явления.

С нашей точки зрения, популизм – это особый стиль поведения политической партии, целью которого является завоевание максимально возможной поддержки среди протестного и пассивного электората, что осуществляется путем вычленения из всего населения страны «благодетельного простого народа», объявления его «угнетенным» и соответственно противопоставления его «плохой элите», а также обещаний быстро решить сложнейшие социально-экономические и этнополитические проблемы в стране посредством простых и интуитивно понятных избирателю решений.

В этой связи приведенное в статье утверждение некоторых политологов о том, что популизм является идеологией, пусть даже и «тонкой» идеологией, представляется, на наш взгляд, не совсем рациональным. Этим термином все же принято обозначать совокупность тех или иных идей, например либерализм или консерватизм, тогда как популизм, напротив, не имеет конкретных идей, представляя собой описанный выше стиль поведения в рамках партийно-политической системы.

Литература

- Макаренко 2017 – Макаренко Б.И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2. С. 15–27.
- Медушевский 2017 – Медушевский А.Н. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2. С. 28–47.
- Медушевский 2019 – Медушевский Н.А. Культура толерантности и историческая память: столкновение противоположностей в современном польском обществе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 99–111. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-99-111.
- Мартинец 2019 – Мартинец Ю.А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 123–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-123-138.
- Осколков 2019 – Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. 164 с.
- Albertazzi, McDonnell 2008 – Albertazzi D., McDonnell D. Introduction. The Sceptre and the Spectre. Houdmills; N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P. 1–11.

- Allcock 1971 – *Allcock J.B.* Populism. A brief biography // *Sociology*. 1971. No. 3 (5). P. 371–387.
- Altermatt 1996 – *Altermatt U.* Das Fanal von Sarajevo: Ethnonationalismus in Europa. Paderborn, 1996. 288 p.
- Anselmi 2018 – *Anselmi M.* Populism. An introduction. L.: Routledge, 2018. P. 130.
- Bauer 2014 – *Bauer W.* Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa. Wien, 2014. 166 p.
- Binder 2005 – *Binder T.* Die Wahlerfolge rechtspopulistischer Parteien – eine Folge von Modernisierungsprozessen? Berlin, 2005. 21 p.
- Brett 2013 – *Brett W.* What's an elite to do? The threat of populism from left, right and centre // *The Political Quarterly*. 2013. No. 3 (84). P. 410–413.
- Canovan 1981 – *Canovan M.* Populism. N.Y., 1981. 351 p.
- Canovan 2004 – *Canovan M.* Populism for political theorists? // *Journal of Political Ideologies*. 2004. No. 3 (9). P. 241–252.
- Decker 2000 – *Decker F.* Parteien unter Druck. Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. 384 p.
- Decker 2006 – *Decker F.* Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? Wiesbaden, 2006. 256 p.
- De la Torre 2017 – *De la Torre C.* Populism in Latin America // *The Oxford handbook of populism*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 195–213.
- Geden 2007 – *Geden O.* Rechtspopulismus. Funktionslogiken – Gelegenheitsstrukturen – Gegenstrategien. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2007. 27 p.
- Goetz 2006 – *Goetz N.* Bedeutung und Tendenzen des Rechtspopulismus unter Berücksichtigung des Aspekts Migration, München, 2006. 51 p.
- Grabow, Hartleb 2013 – *Grabow K., Hartleb F.* Europa – Nein Danke? Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2013. 27 p.
- Hawkins, Rovira Kaltwasser 2019 – *Hawkins K.A., Rovira Kaltwasser C.* Introduction. The ideational approach // *The ideational approach to populism. Concept, theory, and analysis*. Routledge studies in extremism and democracy. L.; N.Y.: Routledge, 2019. P. 1–24.
- Mény, Surel 2002 – *Mény Y., Surel Y.* The constitutive ambiguity of populism // *Democracies and the populist challenge*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 1–23.
- Mudde 2002 – *Mudde, C.* England belongs to me. The extreme right in the UK parliamentary election of 2001 // *Representation*. 2002. No. 39. P. 37–43. DOI: 10.1080/00344890208523212.
- Mudde 2004 – *Mudde C.* The populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. No. 4 (39). P. 541–563.
- Mudde 2011 – *Mudde C. et al.* Voices of the peoples. Populism in Europe and Latin America compared // *Working paper of the Helen Kellogg Institute for international studies*. 2011. No. 378. URL: http://works.bepress.com/cas_mudde/32/ (дата обращения 25 марта 2024).

- Mudde, Rovira Kaltwasser 2013 – *Mudde C., Rovira Kaltwasser C.* Exclusionary vs inclusionary populism. Comparing contemporary Europe and Latin America // Government and opposition. 2013. No. 2. P. 147–174.
- Mudde, Rovira Kaltwasser 2017 – *Mudde C., Rovira Kaltwasser C.* Populism. A very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2017. 136 p.
- Stanley 2008 – *Stanley B.* The thin ideology of populism // Journal of political ideologies. 2008. No. 1 (13). P. 95–110.
- Taggart 2000 – *Taggart P.* Populism. Buckingham: Open University Press, 2000. 128 p.
- Taggart 2002 – *Taggart P.* Populism and the pathology of representative politics // Democracies and the populist challenge. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 62–80.
- Tormey 2018 – *Tormey S.* Populism: democracy's pharmakon? // Policy studies. 2018. No. 3. P. 260–273.
- Werz 2003 – *Werz N.* Populismus // Populisten in Übersee und Europa. Opladen, 2003. P. 15–43.
- Zinnel 1996 – *Zinnel A.* Moderner Rechtspopulismus in Frankreich. Frankfurt a/M., 1996. 236 p.

References

- Albertazzi, D. and McDonnell, D. (2008), *Introduction. The Sceptre and the Spectre*, Palgrave MacMillan, Houndmills, New York, USA, pp. 1–11.
- Allcock, J.B. (1971), “Populism. A brief biography”, *Sociology*, vol. 5, no. 3, pp. 371–387.
- Altermatt, U. (1996), *Das Fanal von Sarajevo, Ethnonationalismus in Europa*, Paderborn, Germany.
- Anselmi, M. (2018), *Populism. An introduction*, Routledge, London, UK.
- Bauer, W. (2014), *Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa*, Wien, Austria.
- Binder, T. (2005), *Die Wahlerfolge rechtspopulistischer Parteien – eine Folge von Modernisierungsprozessen?* Berlin, Germany.
- Brett, W. (2013), “What’s an elite to do? The threat of populism from left, right and centre”, *The Political Quarterly*, vol. 84, no. 3, pp. 410–413.
- Canovan, M. (1981), *Populism*, New York, USA.
- Canovan, M. (2004), Populism for political theorists? *Journal of Political Ideologies*, vol. 9, no. 3, pp. 241–252.
- Decker, F. (2000), *Parteien unter Druck, Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien*, Leske und Budrich Verlag, Opladen, Germany.
- Decker, F. (2006), *Populismus: Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* Wiesbaden, Germany.
- De la Torre, C. (2017), “Populism in Latin America”, in *The Oxford Handbook of Populism*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA, pp. 195–213.

- Geden, O. (2007), *Rechtspopulismus. Funktionslogiken – Gelegenheitsstrukturen – Gegenstrategien*, Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin, Germany.
- Goetz, N. (2006), *Bedeutung und Tendenzen des Rechtspopulismus unter Berücksichtigung des Aspekts Migration*, München, Germany.
- Grabow K., Hartleb F. (2013), *Europa – Nein Danke?* Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, Germany.
- Hawkins, Kirk A. and Rovira Kaltwasser, C. (2019), “Introduction. The ideational approach”, in *The ideational approach to populism. Concept, theory, and analysis. Routledge studies in extremism and democracy*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 1–24.
- Makarenko, B. (2017), “Populism and political institutions. A comparative perspective”, *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1–2, pp. 15–27.
- Martinets, Yu.A. (2019), “The growth of right-wing populism in modern Europe (according to the estimates of European experts)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 123–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-123-138.
- Medushevskii, A.N. (2017), “Populism in Western Europe and Russia. Common traces and peculiarities in the comparative perspective”, *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1–2, pp. 28–47.
- Medushevskii, N.A. (2019), “Culture of tolerance and historical memory. The collision of opposites in modern Polish society”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 99–111, DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-99-111.
- Mény, Y. and Surel, Y. (2002), “The constitutive ambiguity of populism”, in: *Democracies and the populist challenge*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, pp. 1–23.
- Mudde, C. (2002), “England belongs to me. The extreme right in the UK parliamentary election of 2001”, *Representation*, no. 39, pp. 37–43, DOI: 10.1080/00344890208523212.
- Mudde, C. (2004), “The populist Zeitgeist”, *Government and Opposition*, vol. 39, no. 4, pp. 541–563.
- Mudde, C. (2011), *Voices of the peoples. Populism in Europe and Latin America compared*, Working paper of the Helen Kellogg Institute for International Studies, no. 378, available at: http://works.bepress.com/cas_mudde/32/ (Accessed 25 March 2024).
- Mudde, C. and Rovira Kaltwasser, C. (2013), “Exclusionary vs. inclusionary populism. Comparing contemporary Europe and Latin America”, *Government and Opposition*, no. 2, pp. 147–174.
- Mudde, C. and Rovira Kaltwasser, C. (2017), *Populism. A very short introduction*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Oskolkov, P. (2019), *Pravyi populizm v Evropeiskom soyuze* [Right wing populism in the European Union], Institute of Europe RAS, Moscow, Russia.
- Stanley, B. (2008), “The thin ideology of populism”, *Journal of political ideologies*, vol. 13, no. 1, pp. 95–110.
- Taggart, P. (2000), *Populism*, Open University Press, Buckingham, UK.

- Taggart, P. (2002), "Populism and the pathology of representative politic", in: *Democracies and the populist challenge*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, pp. 62–80.
- Tormey, S. (2018), Populism: democracy's pharmakon? *Policy studies*, no. 3, pp. 260–273.
- Werz, N. (2003), "Populismus", in *Populisten in Übersee und Europa*, Opladen, Germany, pp. 15–43.
- Zinnel, A. (1996), *Moderner Rechtspopulismus in Frankreich*, Frankfurt a/M., Germany.

Информация об авторе

Василий С. Грибовский, кандидат политических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; vasily.gribovsky.92@mail.ru

Information about the author

Vasilii S. Gribovskii, Cand. of Sci. (Political Sciences), independent researcher, Moscow, Russia; vasily.gribovsky.92@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-62-75

Сущность и содержание информационной политики Организации Договора о коллективной безопасности

Виталий М. Струговец

*Центральный научно-исследовательский
институт точного машиностроения, Москва, Россия,
strugvec@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сущности и содержания информационной политики Организации Договора о коллективной безопасности. На основе анализа научных работ сделан вывод о том, что, несмотря на множество определений информационной политики, не выявлено дефиниции, претендующей на ее использование в качестве базовой.

Автор определяет объекты, субъекты, предмет и цели информационной политики ОДКБ. В частности, делает вывод, что в качестве активного субъекта информационной политики выступает государство/группа государств в лице своих полномочных институтов и организаций, осуществляющих различные функции управления для достижения общественного блага. Также формулируются основные функции информационной политики ОДКБ, прежде всего те, что ориентированы на укрепление системы коллективной безопасности. Проведенное исследование позволило в качестве рабочей дефиниции предложить использование следующего определения: «Информационная политика Организации Договора о коллективной безопасности – это особая область международного военно-политического сотрудничества государств-членов по формированию и реализации целей, принципов, направлений и форм согласованной деятельности в информационной сфере, направленных на укрепление и совершенствование коллективной безопасности».

Ключевые слова: информационная политика, ОДКБ, коллективная безопасность

Для цитирования: Струговец В.М. Сущность и содержание информационной политики Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 62–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-62-75

© Струговец В.М., 2024

The essence and content of the information policy of the Collective Security Treaty Organization

Vitalii M. Strugovets

*Central Scientific-Research Institute of Precise Mechanical Engineering,
Moscow, Russia, strugvec@rambler.ru*

Abstract. The article considers the issues of the essence and content of the information policy of the Collective Security Treaty Organization. Based on the analysis of scientific papers, it was concluded that despite the many definitions of information policy, no definition was identified that claims to be used as a basic one. The author defines the objects, subjects, subject and goals of the CSTO information policy. In particular, he concludes that the active subject of information policy is the state/group of states, represented by its authorized institutions and organizations, which perform various management functions to achieve the public good. He also formulates the main functions of the CSTO information policy, primarily those focused on strengthening the system of collective security. The conducted research made it possible to propose the following definition as a working one: “The information policy of the Collective Security Treaty Organization is a special field of international military-political cooperation of the member states on the formation and implementation of objectives, principles, directions and forms of coordinated activities in the information sphere, aimed at strengthening and improving collective security”.

Keywords: information policy, CSTO, collective security

For citation: Strugovets, V.M. (2024), “The essence and content of the information policy of the Collective Security Treaty Organization”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 62–75, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-62-75

Научное осмысление информационной политики Организации Договора о коллективной безопасности через призму политологического анализа необходимо начинать с исследования ее сущности и формирования базового определения.

В современной научной литературе под сущностью обычно понимают главное, основное, определяющее в содержании системы, заключенное в предмете основание, которое обуславливает все другие их свойства, происходящие с ними изменения. Исходя из этого, исследование сущности информационной политики заключается в выявлении совокупности глубинных качеств информационной политики, что позволит определить ее внутреннее

содержание, основные качества как самостоятельного и весьма важного социально-политического явления. Анализ существующих подходов начнем с имеющихся определений информационной политики. Поскольку данная область политической практики является сравнительно молодой, исследователи пока не пришли к единой интерпретации ключевого понятия, которая бы четко выражала его собственно политологическое содержание. Между тем информационной политика становится отдельным важным направлением политики современных государств, международных организаций, политических партий, политических элит и требует особого подхода к анализу.

В связи с ограниченностью объема публикации очень кратко рассмотрим некоторые из предлагаемых подходов, что позволит глубже исследовать феномен, выявить его существенные особенности.

Так, А.Г. Плитко предлагает следующее определение: «Информационная политика – это деятельность акторов информационного пространства по артикуляции, агрегированию и презентации своих интересов посредством производства и передачи значимой для них информации ради достижения поставленных ими целей» [Плитко 2005, с. 48]. С точки зрения решения основной уставной задачи ОДКБ, несомненный интерес представляет позиция О.В. Скачко, которая анализирует информационную политику с позиций межгосударственного сотрудничества и, опираясь на работу Е.В. Ермишиной [Ермишина 1988], рассматривает ее на транснациональном, национально-государственном и корпоративном уровнях [Скачко 2006, с. 49–53]. Распространенный методологический подход, основанный на трактовке информационной политики как части политики государства, зафиксирован в работе Б.В. Коваленко [Коваленко 1998, с. 17]. Е.П. Тавокин трактует информационную политику «как деятельность органов государственной власти, заключающуюся в следующем: разработке целевых ориентиров, критериев оценки эффективности информационной политики; производстве, накоплении и хранении актуальных сведений о социально значимых событиях, происходящих в государстве и за его пределами; интерпретации, упорядочении и определении приоритетов названных сведений в соответствии с принятыми идеологическими установками; упорядоченном тиражировании и распространении этих сведений по каналам массовой коммуникации, прежде всего – государственным каналам; обеспечении координации деятельности негосударственных каналов массовой коммуникации и пресс-служб госструктур; целенаправленной подготовке и переподготовке кадров, занятых в информационной сфере; формировании и развитии государ-

ственных информационных ресурсов, обеспечении прав граждан и организаций на получение общедоступной информации...» [Тавокин 2002, с. 40–41]. Одним из наиболее распространенных исследовательских подходов к анализу информационной политики выступает ее рассмотрение с позиции управления массовыми информационными процессами. Исходя из того, что массовые коммуникации играют в политике особую роль, вполне естественно встают вопросы формирования и осуществления политическими субъектами собственных информационных стратегий, подчиненных достижению их интересов в сфере власти.

На основании проведенного анализа представляется возможным сделать следующие предварительные выводы.

Во-первых, объект и предмет информационной политики, охватывающие, по существу, все сферы жизнедеятельности государства / группы государств и общества, в том числе военную политику, использование информации и информационно-коммуникационных технологий в интересах обеспечения военной безопасности, настолько обширны, что не имеют очерченных границ.

Во-вторых, в качестве активного субъекта информационной политики выступает государство/группа государств в лице своих полномочных институтов и организаций, осуществляющих различные функции управления для достижения общественного блага.

И в-третьих, несмотря на множество определений, нами не выявлена дефиниция, претендующая на ее использование в качестве базовой.

Учитывая многообразие подходов, необходимо выделить основные научные направления, в рамках которых современное понимание сущности и содержания информационной политики может быть представлено следующим образом:

- формирование и развитие информационного общества;
- регулирующая деятельность государства/группы государств в информационной сфере;
- информатизация общества, органов государственного и военного управления, вооруженных сил;
- разработка и реализация государственных программ обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства;
- политика в области массовых коммуникаций, средств массовой информации;
- разъяснение официальной позиции государства/группы государств по социально значимым проблемам, формирование общественного мнения по важным вопросам общественно-политической жизни.

Прежде чем предложить свою дефиницию, автор считает необходимым установить и осмыслить исходную процедуру, при помощи которой возможно определение сущности информационной политики. Один из вариантов методологии такой процедуры обоснован А.А. Стрельцовым и сводится к выявлению субъекта, объекта, предмета и цели информационной политики [Стрельцов 2010], что позволяет более четко сформулировать главную, определяющую сторону информационной политики как цельного социально-политического явления.

Субъектами информационной политики Организации Договора о коллективной безопасности, то есть носителями предметно-практической деятельности и познания, источником активности¹, реально являются: государства-члены ОДКБ; уставные (Совет коллективной безопасности, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Комитет секретарей советов безопасности) и рабочие органы Организации (Секретариат Организации – постоянно действующий рабочий орган для осуществления организационного, информационного, аналитического и консультативного обеспечения деятельности Организации; Объединенный штаб ОДКБ – постоянно действующий рабочий орган Организации в Совете министров обороны, отвечающий за подготовку предложений и реализацию решений по военной составляющей ОДКБ).

Под объектом информационной политики будем понимать явления и процессы, на которые направлены мысль и действия субъекта², объективная реальность, которая противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности³. Применительно к нашему предмету научного познания объектом информационной политики ОДКБ выступает международное военно-политическое сотрудничество государств-членов в информационной сфере.

Предметом информационной политики ОДКБ, т. е. сущностной стороной и свойством объекта информационной политики, придающим ему качественную определенность, является механизм выработки и реализации целей, принципов, направлений, форм и методов согласованной деятельности государств-членов в информационной сфере.

¹ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1986. С. 1286.

² Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М.: Астрель; АСТ, 2000. С. 78.

³ Советский энциклопедический словарь... С. 914.

Важное значение имеет определение стратегической цели информационной политики ОДКБ. Представляется, что она должна соответствовать интересам всех государств-членов, характеру и направленности общей политики Организации, ее ведущей политической цели, а также возможностям союза по ее достижению. Исходя из этого, цель информационной политики ОДКБ можно трактовать как содействие укреплению и совершенствованию коллективной безопасности деятельностью в информационной сфере. Таким образом, сущность информационной политики ОДКБ выражается в согласованной деятельности государств-членов в информационной сфере, направленной на укрепление и совершенствование коллективной безопасности.

С учетом вышесказанного автором в качестве рабочей дефиниции предлагается использовать следующее определение: «Информационная политика Организации Договора о коллективной безопасности – это особая область международного военно-политического сотрудничества государств-членов по формированию и реализации целей, принципов, направлений и форм согласованной деятельности в информационной сфере, направленных на укрепление и совершенствование коллективной безопасности».

Остановимся на *функциях информационной политики*. Данная проблематика находится в центре пристального внимания многих исследователей [Костин 2003; Нисневич 1999; Нисневич 2006; Попов 2002; Прудников 2009]. Разброс мнений относительно функций информационной политики достаточно велик, что обусловлено многообразием связей, образующих информационную сферу и взаимодействие субъектов информационной политики. На основе анализа различных точек зрения, высказанных в научной литературе, сконцентрируемся на функциях, которые ориентированы на укрепление системы коллективной безопасности.

Информационная функция состоит в производстве и доведении до общественности на международном и национальных уровнях сведений, наиболее важных для укрепления и совершенствования коллективной безопасности, создания положительного имиджа ОДКБ. Представляется, что высшие органы государств-членов, их информационные структуры, реализуя информационную политику, должны ответственно относиться к публичному представлению сведений, касающихся многоплановой деятельности ОДКБ. Такая работа должна вестись регулярно и рассматриваться как важное направление достижения целей политики коллективной безопасности внутри каждой страны и на международной арене.

Основой реализации этой функции можно назвать совместные заявления государств-членов ОДКБ. Заявления эти принимаются

на нескольких уровнях. Высший – заявления глав государств-членов Организации. За время существования ОДКБ до апреля 2023 г. руководителями стран принято 47 совместных заявлений и деклараций как по вопросам деятельности самой Организации, так и по наиболее актуальным международным проблемам. Например, о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению СНВ (май 2010 г.), о проблеме наркоугрозы, исходящей из Афганистана (февраль 2011 г.), о ситуации в Сирии и вокруг нее (сентябрь 2013 г. и ноябрь 2017 г.), о противодействии международному терроризму (декабрь 2015 г.) и др. Наиболее значительное число совместных заявлений принято Советом министров иностранных дел ОДКБ – 65. Пять совместных заявлений сделал Комитет секретарей советов безопасности, шесть – Постоянные и Полномочные представители государств-членов при ОДКБ. В активную практику введены совместные заявления делегаций, Постоянных представителей государств-членов ОДКБ на площадках других международных организаций – ООН (22 заявления), ОБСЕ (12 заявлений) и даже НАТО (3 заявления). В целом на апрель 2023 г. в открытом информационном банке ОДКБ 143 заявления Организации. Подобный инструмент коллективной коммуникации вызывает особый интерес СМИ, экспертов, партнеров и других целевых аудиторий. Учитывая актуальность тем, по которым формируются заявления, их политический уровень – главы государств, министры иностранных дел и обороны, коллективность позиции, информация становится значимой не только для указанных выше целевых аудиторий, но и для широкой общественности. Значительно расширяется и число каналов коммуникации, так как к пулу ОДКБ автоматически присоединяются президентские пулы, пулы глав МИД, Минобороны, советов безопасности и т. д., что, естественно, дает существенное увеличение аудиторий.

Образовательная функция информационной политики проявляется в сообщении гражданам сведений, знаний, позволяющих им правильно ориентироваться в сложном и противоречивом потоке политической информации. Данная функция призвана помочь гражданам, военнослужащим в анализе и осознании политических, военных, информационных и иных угроз безопасности, понимании места и роли каждого государства ОДКБ в системе коллективной безопасности, уяснении взаимовыгодного военно-политического сотрудничества.

Образовательная функция информационной политики тесно связана с *мобилизационной*, которая направлена на консолидацию граждан, политических и общественных сил вокруг идеи кол-

лективной безопасности и их активное участие в деятельности по обеспечению стабильности и безопасности в зоне действия Организации. Реализуя эти функции, Организация учредила ежемесячный информационно-аналитический журнал «Союзники. ОДКБ» и нашла серьезных партнеров в лице Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» и Государственной радиовещательной компании «Россия», нацеленных на вещание прежде всего в ближнем зарубежье, т. е. в зоне ответственности ОДКБ. В эфире МГТРК «Мир» выходит программа «Союзники». С аналогичным названием программа выходит и на «Радио России». Создание «профильных» программ позволило нарастить потенциальную аудиторию ОДКБ почти на 380 млн человек.

Эффективность выполнения информационной политикой функции мобилизации повышается, когда ее содержание максимально полно выражает общие интересы государств-членов, которые, в свою очередь, превращаются в духовный фактор, реальные духовные силы военнослужащих, общества. Отсюда – важность таких функций, как артикуляция и интеграция общих интересов, духовная консолидация государств-членов ОДКБ и их вооруженных сил.

Функция артикуляции и интеграции общих интересов выражается в объединении и выражении посредством информации различных общественных интересов, что способствует сближению социальных групп и граждан в рамках определенных политических идеалов. С учетом этой функции информационная политика ОДКБ должна быть направлена на расширение возможностей международного информационного сотрудничества государств-членов, взаимного доступа к информации. Совершенно очевидно, что такого рода сотрудничество формирует основу для взаимопонимания, создает атмосферу доверия и в конечном итоге отвечает общим интересам государств-участников ОДКБ, так как ведет к укреплению и совершенствованию коллективной безопасности.

Функция духовной консолидации государств-членов ОДКБ, их вооруженных сил и правоохранительных органов. Эта функция подразумевает не только сохранение исторических и культурных связей между народами, проживающими в государствах-членах, но и их политическую ориентацию и поведение, связанные единой системой ценностей. Значимый фактор реализации этой функции – постоянное информирование общественности, как государств-членов, так и третьих стран, о совместной деятельности силовых структур стран-союзниц: регулярные совместные военные учения (4–6 учений в год), совместные операции по противодействию современным вызовам и угрозам – «Нелегал», «Канал» (анти-

наркотическая), «ПРОКСИ» (информационная безопасность), «Наемник» и др.

Функция выработки адекватного реагирования на негативное информационно-психологическое воздействие связана с пониманием высокой степени социально-политической опасности вызовов и угроз в информационной сфере. Реальность такова, что в современных условиях идет интенсивное информационное воздействие на общество. Важность этой функции нашла отражение в Стратегии коллективной безопасности ОДКБ до 2025 г., о чем речь пойдет ниже.

Каждая из перечисленных функций имеет свои специфические особенности, формы проявления, способы выражения и практической реализации. Вместе с тем они взаимосвязаны, взаимообусловлены и дополняют друг друга, т. е. образуют функциональное единство. В любом случае для эффективного осуществления вышеперечисленных и иных функций информационной политики государства-члены ОДКБ, Секретариат Организации должны с пониманием относиться к разносторонним социально-политическим процессам, происходящим в обществе, в государствах-членах, особенно с учетом «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве [Алексаян 2016, с. 89], вести информационную политику на международном, региональном и национальном уровнях. Важным также видится привлечение для ее разработки и реализации ученых, специалистов-практиков, экспертов, что способно снизить влияние различных групп давления, повысить аргументированность принимаемых политических решений, уровень доверия общества к Организации, призванной стоять на страже его интересов в области безопасности.

Обязательным звеном структуры информационной политики являются *идеи и взгляды*. Они представляют собой совокупность принятых на государственном уровне установок на использование информационных возможностей для достижения политических целей и находят свое отражение в Конституции, доктринах или концепциях, связанных с информационной, военной и внешней политикой, в президентских посланиях и других официальных документах. В нашем случае речь также идет об Уставе Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., Соглашении о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., решениях Совета коллективной безопасности (СКБ), Совета министров иностранных дел (СМИД), Совета министров обороны (СМО), Комитета секретарей советов безопасности (КССБ). Идеи и взгляды, изложенные в упомянутых документах, дают общие направления деятельности высшим орга-

нам государственного и военного управления государств-членов ОДКБ, уставным и рабочим органам Организации. Однако конкретная обстановка, как правило, требует точных мер и действий, которые определяются в решениях, программах, планах. Согласно общепринятой точке зрения, они должны соответствовать официально узаконенным установкам и учитывать определенную военно-политическую и информационную ситуацию.

Впервые такой документ в рассматриваемой сфере деятельности – План первоочередных мероприятий по формированию основ скоординированной информационной политики в интересах государств-членов ОДКБ, – был утвержден Решением Совета коллективной безопасности Организации в декабре 2011 г. По итогам его реализации в ноябре 2018 г. Решением СКБ ОДКБ утвержден План мероприятий по развитию скоординированной информационной политики в интересах государств-членов ОДКБ на 2019–2025 гг.

В Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г.⁴, принятой СКБ в октябре 2016 г. и ставшей основополагающим документом развития Организации на 10 лет и дальнейшую перспективу, значительное внимание уделено вопросам информационной политики. Прежде всего, в разделе «Современные вызовы и угрозы» среди факторов, которые имеют/могут иметь негативное влияние на систему коллективной безопасности, зафиксированы «информационное давление» и «применение технологий так называемых цветных революций и гибридных войн»⁵. Причем эти вызовы обозначены в тексте документа ранее, чем наращивание имеющихся и развертывание новых военных группировок, а также создание военной инфраструктуры на сопредельных к зоне ответственности ОДКБ территориях. В одном ряду с другими наиболее существенными вызовами и угрозами в документе названы «осуществление деструктивного идеологического и психологического воздействия на население государств-членов ОДКБ через электронные информационные сети и медиаресурсы» (внешние вызовы и угрозы коллективной безопасности ОДКБ) и «использование информационных и коммуникационных технологий в целях оказания деструктивного воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку, а также манипулирования

⁴ Стратегия 2016 – Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года от 18.10.2016. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения 15 марта 2023).

⁵ Там же.

общественным сознанием в государствах-членах ОДКБ»⁶ (внутренние вызовы и угрозы коллективной безопасности ОДКБ).

Основополагающий документ деятельности Организации фиксирует: достижение стратегической цели обеспечения коллективной безопасности осуществляется путем разработки и системной реализации комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, оборонных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угроз коллективной безопасности ОДКБ. Стратегия определяет, что необходима «выработка согласованных правил взаимодействия в информационной сфере, продвижение их на международный уровень» и «создание условий и реализация совместных практических мероприятий, направленных на формирование основ скоординированной информационной политики в интересах государств-членов ОДКБ»⁷. В России развитием этой темы стал трансфер проблематики с международного на национальный уровень. В связи с необходимостью адекватного реагирования «на новые вызовы и угрозы, возникающие в такой актуальной сфере, как информационное пространство», а также в рамках реализации решений СКБ ОДКБ по указу президента РФ В.В. Путина в декабре 2019 г. в МИД России было создано новое подразделение – департамент информационной безопасности [Кузнецов, Цветкова 2022, с. 34–35].

Как и любая другая деятельность, информационная предполагает наличие определенных структур – информационных институтов, специально созданных и призванных осуществлять разработку и реализацию информационной политики общества, государства, коалиций государств. И наконец, средством достижения целей информационной политики являются информационные и иные (организационные, финансовые, материальные) ресурсы государств-членов ОДКБ, самой Организации.

На основе проведенного анализа представляется возможным дать определение информационной политики ОДКБ как особой области международного военно-политического сотрудничества государств-членов по формированию и реализации целей, принципов, направлений и форм согласованной деятельности в информационной сфере, направленных на укрепление и совершенствование коллективной безопасности.

Информационная политика ОДКБ способна выполнять многоплановые социально-политические функции, востребованные с точки зрения укрепления и совершенствования коллективной

⁶ Там же.

⁷ Там же.

безопасности. Являясь сложным многофункциональным явлением, информационная политика своим специфическим наполнением может влиять на состояние безопасности общества и государства/ группы государств, поддерживать их политическую стабильность.

Литература

- Алексанян 2016 – *Алексанян Г.А.* Сотрудничество Армении и ОДКБ: историческая ретроспектива и современные вызовы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2016. № 4. С. 86–100.
- Ермишина 1988 – *Ермишина Е.В.* Международный обмен информацией: правовые аспекты. М.: Международные отношения, 1988. 141 с.
- Коваленко 1998 – *Коваленко Б.В.* Государственная информационная политика в деятельности ФПС России: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Академия ФПС РФ, 1998. 17 с.
- Костин 2003 – *Костин А.В.* Информация в системе военной политики государства: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: ВАГШ, 2003. 48 с.
- Кузнецов, Цветкова 2022 – *Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А.* Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 26–40.
- Нисневич 1999 – *Нисневич Ю.А.* Информационная политика России: проблемы и перспективы. М.: Ноосфера, 1999. 176 с.
- Нисневич 2006 – *Нисневич Ю.А.* Информационная политика как фактор демократизации государственного управления в России: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. 306 с.
- Плитко 2005 – *Плитко А.Г.* Государственная информационная политика Российской Федерации: понятие, принципы и направления реализации: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 158 с.
- Попов 2002 – *Попов В.Д.* Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования // Массовые информационные процессы в современной России: очерки / Отв. ред. А.В. Шевченко. М.: РАГС, 2002. С. 8–30.
- Прудников 2009 – *Прудников Д.П.* Государственная информационная политика Российской Федерации в области обороны: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: Военный университет, 2009. 20 с.
- Скачко 2006 – *Скачко О.В.* Государственная информационная политика России в сфере средств массовой информации: теоретические аспекты и современная практика: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006. 183 с.
- Стрельцов 2010 – *Стрельцов А.А.* Государственная информационная политика: основы теории. М.: МЦНМО, 2010. 107 с.
- Тавокин 2002 – *Тавокин Е.П.* Системные основы государственной информационной политики // Массовые информационные процессы в современной России: Очерки / Отв. ред. А.В. Шевченко. М.: РАГС, 2002. С. 31–44.

References

- Aleksanyan, G.A. (2016), "Cooperation between Armenia and the CSTO. Historical prospects and current challenges", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 86–100.
- Kostin, A. (2003), *Informatsiya v sisteme voennoi politiki gosudarstva* [Information in the system of military policy of the state], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Kovalenko, B. (1998), *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v deyatelnosti FPS Rossii* [State information policy in the activities of the Border Service of Russia], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Akademiya FPS RF, Moscow, Russia.
- Kuznetsov, N. and Tsvetkova, N. (2022), "Russian data diplomacy. Goals, trends, perspectives", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 26–40.
- Nisnevich, Yu. (1999), *Informatsionnaya politika Rossii: problemy i perspektivy* [Information policy of Russia. Issues and prospects], The Noosphere, Moscow, Russia.
- Nisnevich, Yu. (2006), *Informatsionnaya politika kak faktor demokratizatsii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [Information policy as a democratization factor of public administration in Russia], Ph.D. Thesis (Political Science), Moscow, Russia.
- Plitko, A. (2005), *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, printsipy i napravleniya realizatsii* [State information policy of the Russian Federation. Concept, principles and directions of implementation], Ph.D. Thesis (Political Science), Moscow, Russia, pp. 48.
- Popov, V. (2002), "State information policy. Current status and issues of formation", in Shevchenko, A., ed., *Massovye informatsionnye protsessy v sovremennoi Rossii: ocherki* [Mass information processes in modern Russia. Essays], Moscow, Russia, pp. 8–30.
- Prudnikov, D. (2009), *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika Rossiiskoi Federatsii v oblasti oborony* [State information policy of the Russian Federation in the field of defense], Abstract of Ph.D. dissertation (Political Science), Moscow, Russia.
- Skatchko, O. (2006), *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika Rossii v sfere sredstv massovoi informatsii: teoreticheskie aspekty i sovremennaya praktika* [State information policy of Russia in the field of mass media. Theoretical aspects and current practice], Ph.D. Thesis (Political Science), Moscow, Russia.
- Streltsov, A. (2010), *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika: osnovy teorii* [State information policy. Fundamentals of theory], MTsNMO, Moscow, Russia.
- Tavokin, E. (2002), "System foundations of state information policy", in Shevchenko, A.V., ed., *Massovye informatsionnye protsessy v sovremennoi Rossii: Ocherki* [Mass information processes in modern Russia: Essays], RAGS, Moscow, Russia, pp. 31–44.

Информация об авторе

Виталий М. Струговец, кандидат политических наук, Центральный научно-исследовательский институт точного машиностроения, Москва, Россия; 142181, Россия, Московская область, Подольск, мкр. Климовск, ул. Заводская, д. 2; strugvec@rambler.ru

Information about the author

Vitalii M. Strugovets, Cand. of Sci. (Political Science), Central Scientific-Research Institute of Precise Mechanical Engineering, Moscow, Russia; 2, Zavodskaya St., md. Klimovsk, Podolsk, Moscow region, Russia, 142181; strugvec@rambler.ru

УДК 327.7

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-76-88

Поиск идеологической базы ЕАЭС: общеинтеграционный и молодежный аспекты

Наталья И. Харитоновна

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natahari@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема поиска идеологической базы Евразийского экономического сообщества в контексте развития молодежной политики. Актуальность исследуемой темы обусловлена не только сложностью международной обстановки, сопровождающей становление нового мирового порядка в формате полицентризма, но и необходимостью консолидации усилий стран-партнеров ЕАЭС в условиях беспрецедентного экономического и санкционного давления на Россию и ее союзников. Целью исследования является определение параметров идеологической базы ЕАЭС с учетом запросов молодежи, проживающей в странах интеграционного объединения. Для достижения цели посредством использования системного и цивилизационного подходов, историко-сравнительного метода были решены следующие исследовательские задачи: охарактеризованы проблемы идеологического самоопределения постсоветских стран; определены ключевые элементы общей идеологии ЕАЭС для молодого поколения. По результатам анализа были сформулированы предложения, которые могут быть использованы в политической практике, связанной с созданием и усовершенствованием идеологической базы ЕАЭС как наиболее динамично развивающейся интеграционной структуры на постсоветском пространстве. Ключевые положения исследования прошли апробацию в ходе ситуационного анализа, реализованного в рамках Международной экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» (г. Бишкек, Иссык-Кульская область, Кыргызская Республика, 26–30 сентября 2022 г.).

Ключевые слова: ЕАЭС, идеология, идеологическое самоопределение, евразийство, интеграция, молодежь, развитие, полицентризм

Для цитирования: Харитоновна Н.И. Поиск идеологической базы ЕАЭС: общеинтеграционный и молодежный аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-76-88

© Харитоновна Н.И., 2024

Search for the ideological basis of the EAEU. General integration and youth aspects

Natalia I. Kharitonova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
natahari@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes an issue of finding the ideological base for the Eurasian Economic Community in the context of the youth policy development of youth policy. The relevance of the topic under study is due not only to the complexity of the international situation that accompanies the formation of a new world order in the format of polycentrism, but also to the need to consolidate the efforts of the EAEU partner countries in the face of unprecedented economic and sanctions pressure on Russia and its allies. The purpose of the study is to determine the parameters of the ideological base of the EAEU, taking into account the needs of young people living in the countries of the integration association. To achieve the goal through the use of systemic and civilizational approaches and the historical-comparative method, the following research tasks were solved: the issues of ideological self-determination of the post-Soviet countries were characterized and the key elements of the common ideology of the EAEU for the younger generation – identified. Based on the results of the analysis, proposals were formulated that can be used in political practice related to the creation and improvement of the ideological base of the EAEU, as the most dynamically developing integration structure in the post-Soviet space. The key provisions of the study were tested in the course of a situational analysis implemented as part of the International Expert Session “Points of Growth – Kyrgyzstan” (Bishkek, Issyk-Kul region, Kyrgyz Republic, September 26–30, 2022).

Key words: EAEU, ideology, ideological self-determination, Eurasianism, integration, youth, development, polycentrism

For citation: Kharitonova, N.I. (2024), “Search for the ideological basis of the EAEU. General integration and youth aspects”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 76–88, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-76-88

Введение

Вопросы идеологического оформления ЕАЭС и других интеграционных объединений на постсоветском пространстве занимают исследователей давно. Есть общее понимание, что идеологическое единство является одним из ключевых факторов успеха того или иного интеграционного проекта, какой бы характер он ни носил: эко-

номический, военно-политический или гуманитарный. Чаще всего в качестве примера наблюдатели приводят ЕС и НАТО. В настоящей статье будет рассмотрен пример ЕАЭС – структуры, в названии которой содержится определение, характеризующее геополитическую ориентацию объединения. Как указывает В.И. Пантин, представивший системный взгляд на идеологические основы евразийской интеграции, проблемой ЕАЭС как раз и являлось то, что изначально интеграционный проект «формировался без общей интегрирующей идеологической основы» [Пантин 2022, с. 17]. На необходимость формирования идеологии евразийской интеграции, «выражающей не только экономические, но также общие социально-политические и духовные интересы и видение общего будущего ЕАЭС», указывают С.Ю. Глазьев и И.Ф. Кефели [Глазьев, Кефели 2022, с. 10]. При рассмотрении вопроса идеологического самоопределения ЕАЭС важно учитывать фактор России, выступающей в качестве интеграционного ядра и испытывающей те же проблемы, но на национально-государственном уровне, а также факторы глобальной гибридной войны, эрозии права международной безопасности и системного геополитического противоборства Запада и России. Целью настоящего исследования является определение параметров идеологической базы ЕАЭС с учетом запросов молодежи, проживающей в странах интеграционного объединения. Использование системного и цивилизационного подходов, историко-сравнительного метода позволило сформулировать ряд предложений, которые могут быть использованы в политической практике, связанной с созданием и усовершенствованием идеологической базы ЕАЭС как ведущей интеграционной структуры на постсоветском пространстве. Ключевые положения исследования прошли апробацию в ходе ситуационного анализа, реализованного в рамках Международной экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» (г. Бишкек, Иссык-Кульская область, Кыргызская Республика, 26–30 сентября 2022 г.).

Проблемы идеологического самоопределения постсоветских стран

Как показывает история новых независимых государств, образовавшихся после распуска СССР, деидеологизация (в данном случае декоммунизация) имела и положительные, и негативные результаты. В числе позитивных эффектов специалисты обычно отмечают формирование более свободного мышления, способствовавшего общественному прогрессу, облегчение процесса встраивания постсоветских стран в систему международных отношений, возможность

участвовать в международных образовательных проектах, отдельные успехи в экономическом реформировании и др. В качестве негативных эффектов отмечаются уничтожение ценностей, присущих коллективистским культурам, искусственная подмена исторически сложившихся цивилизационных ценностей чуждыми нашим обществам ценностными конструктами, деградация базовых социальных институтов – семьи, образования, размывание чувства патриотизма, социальной ответственности и др. [Максимов 2021, с. 117–118]. Эти наблюдения и оценки политологов и социологов уже не один год определяют научный дискурс по проблеме формирования эффективной государственной идеологии.

В России достаточно давно в научных, экспертных и политических кругах идет дискуссия о необходимости формирования государственной идеологии и закреплении ее основ в Конституции страны. Особенно заметное место в общественно-политическом поле страны она стала занимать после начала специальной военной операции России на Украине и в целом в контексте геополитической борьбы коллективного Запада против Российской Федерации. Дело в том, что в Конституции РФ закреплено отсутствие государственной идеологии¹. Что примечательно: в ходе конституционной реформы 2020 г. часть экспертного сообщества ожидала отмены этой статьи или изменения ее содержания. Однако этого не произошло. Более того, поправки в Конституцию предусматривали весьма существенные изменения в подходах к реализации внешней политики России [Харитоновна 2021], но незатронутым остался крайне важный для внешнеполитического самоопределения вопрос – в каком статусе Россия видит себя в современном мире. Дело в том, что этот момент традиционно находит отражение в таком документе стратегического планирования, как Концепция внешней политики РФ, очередную, уже 6-ю, редакцию которой ожидает российский политикум. В первых двух редакциях Концепции внешней политики Россия фигурировала как «великая держава», в более поздних – как «Евразийская держава»². Многие эксперты расценивают это как самопроизвольное понижение статуса нашего

¹ Конституция Российской Федерации – принята Всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе Общероссийского голосования 01.07.2020) // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 12 февраля 2023).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 12 февраля 2023).

государства на мировой арене. И этот вопрос также связан с отсутствием четко оформленной государственной идеологии и является частью проблемы идеологического самоопределения страны.

Аналогичные российским проблемы испытывают и те страны постсоветского пространства, которые остаются в орбите российского влияния. Речь прежде всего идет о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), членами которого являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия. Однако, рассуждая об этом вполне успешном интеграционном проекте, имеющем позитивные перспективы развития [Сопилко, Кулаков 2019; Кондрашова 2023], нужно отметить проблему отсутствия единой идеологической базы объединения. Как представляется, решить эту проблему сложнее, нежели проблему государственной идеологии для отдельно взятого государства. Ведь идеология интеграционного межгосударственного объединения должна не только «работать» на достижение целей его существования, указанных в Договоре об ЕАЭС³, но и удовлетворять интересы каждой страны-участницы такой международной структуры [Шевченко 2017] и не противоречить ее национально-государственным идеологическим построениям.

Очевидно, что на России, играющей роль ядра этого интеграционного проекта, который изначально задумывался как политический, а лишь потом как экономический, лежит особая ответственность. Она предполагает, что Россия будет генерировать предложения по идеологическому оформлению союза, учитывая перспективу расширения числа его участников (в качестве наблюдателей в настоящий момент в организации присутствуют Молдова, Узбекистан, Куба, соглашения о свободной торговле заключили Вьетнам, Сингапур, Сербия и Иран, ряд стран находится в стадии переговоров, ряд – выражает интерес к сотрудничеству с ЕАЭС). Россия же находится в крайне непростом положении. В 2014 г., после возвращения Крыма в состав России, Москва столкнулась с проблемой пересмотра внутри- и внешнеполитической стратегии развития (хотя сама необходимость такого пересмотра начала осознаваться политическим классом России после «мюнхенской речи» президента РФ В. Путина в 2007 г.⁴). Однако только во вто-

³ Договор о Евразийском экономическом союзе. Вступил в силу 01.01.2015 // ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения 12 февраля 2023).

⁴ Выступление В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 13 февраля 2023).

рой половине 2010-х гг., столкнувшись с беспрецедентным санкционным давлением Запада в отношении России, здесь повсеместно заговорили о «повороте на Восток». Проблема смены общего курса практически сразу актуализировалась и для ЕАЭС.

Как представляется, рассуждая о так называемом повороте на Восток, целесообразно использовать понятие «возвращение», учитывая историю внешней политики Российского государства. Кроме того, размышляя над вариантами идеологических построений для России, есть смысл обратиться к недавней истории, когда главой МИД России был Е.М. Примаков, при котором тоже был реализован «поворот на Восток», и обновить в памяти аргументацию, которую он использовал. Евразийский Восток, конечно, готов принять современную Россию и ее союзников (включая участников ЕАЭС и не только) строить с ней конструктивные и взаимовыгодные отношения, прежде всего потому, что Россия, как и Казахстан, являются поставщиками сырья, в котором остро нуждается, к примеру, Китай.

Кроме того, в современном мире существует общественно-политический запрос на формирование нового вектора развития в планетарном масштабе. Идея либерализма и соответствующие идеологические построения, которые предлагает Запад, перестают работать. Интерес к ним падает, так как их запас креатива и полезности давно исчерпан, о чем наглядно свидетельствует современная международная обстановка и количество погибших в вооруженных конфликтах «за демократию» в понимании атлантистов. Так, США выступают в своих идеологических построениях за идею исключительности своего государства и англосаксонского мира в целом, из этого вытекает их стратегия развития внешней политики с целью формирования построения единообразного и однополярного мира, где США отводится роль мирового гегемона. Однако в условиях формирования многополярности такой подход державы, открыто стремящейся остаться мировым гегемоном с помощью политических манипуляций и вооруженной силы, никого не устраивает. В свою очередь Россия предлагает совсем другую парадигму, совершенно другое видение устройства нового мирового порядка: учет уникальности каждой цивилизации, многообразия мира. И именно этот момент интересен Востоку как «третий путь», альтернатива англосаксонскому либерализму и китайскому социализму. Путь, который способна предложить Россия, заключает в себе идеологический плюрализм. Представляется, что это может сблизить Россию с Евразийским Востоком и облегчить выстраивание взаимовыгодных отношений со странами на восточных рубежах РФ.

Одновременно важно учитывать и те факторы, которые отталкивают Россию от Востока, – издержки резкого поворота на Запад, случившегося на рубеже 1980–1990-х гг., из-за которого Россия многими и воспринимается как страна скорее западного мира, нежели восточного. Над преодолением этой преграды необходимо работать. Очевидно, что это проблема, которая может быть решена с помощью той самой «мягкой силы» (как бы отечественные политологи ни критиковали саму концепцию Дж. Ная, необходимо признать, что при системной и последовательной ее реализации она оказывается крайне эффективной).

Реализуя поворот на Восток, России и ее союзникам по ЕАЭС важно учитывать, что нынешние негативные отношения Москвы со странами Запада не являются константой. История нас учит тому, что и этот кризис рано или поздно будет преодолен и маятник снова может качнуться в другую сторону. В качестве константы необходимо принимать другое – полной изоляции России от остального мира быть не может в силу ее геополитической сущности и законов международных отношений. Те, кто пытался изолировать Россию, потом очень долго и тяжело, и чаще всего безуспешно, преодолевали последствия своих решений. Но нужно учитывать и то, что борьба за выход из нынешней (уже далеко не первой) вынужденной частичной изоляции будет весьма и весьма тяжелой. И именно в такой ситуации идейное единство с союзниками по интеграционным проектам, позволяющим преодолеть трудности (финансы, логистика, производственные цепочки, так называемый параллельный импорт и др.), может облегчить решение многих задач развития.

Оценивая возможности формирования общей для ЕАЭС идеологии, важно подчеркнуть сложность и многоаспектность такой задачи. Может показаться, что другие постсоветские страны, выбравшие путь европейской интеграции (часть из которых по экономическим соображениям пока остается в составе СНГ, например Молдова), получили готовое и эффективное решение. Однако более детальное изучение процессов, протекающих там, показывает обратное. Речь идет не только о потере суверенитета, но и о снижении уровня жизни населения, рисках втягивания в вооруженные конфликты и в целом о неясных перспективах развития. Другими словами, процесс формирования полицентричного миропорядка требует новых подходов к идеологическому самоопределению современных государств и межгосударственных объединений, в том числе тех, которые оформились в пост-биполярную эпоху.

В поиске общей идеологии ЕАЭС для молодого поколения

Несмотря на присутствие в названии организации понятия «евразийский», евразийская идеология, как это было задумано одним из идеологов Евразийского сообщества Н.А. Назарбаевым, не стала официальной идеологией интеграции. Причиной стало то, что в самих странах-участницах присутствовал и присутствует раскол в среде элит, часть которых ориентируется на идеологию западного либерализма, другая – разделяет традиционные ценности и в разной степени близка к идеологии евразийства, а на часть стран оказывает влияние «фактор слабости постсоветских государств» [Березняков, Козлов 2017, с. 60]. Как указывает В.И. Пантин, «большинство участников ЕАЭС, включая Россию, руководствовались кратковременными экономическими соображениями, забывая о более важных долгосрочных, стратегических интересах» [Пантин 2022, с. 20]. События последних лет продемонстрировали, что фактор объединяющей идеологии имеет колоссальное значение: идеология не только способствует формированию идентичности, но и, как показывает опыт НАТО (в случае военных поставок Украине) и ЕС (политика санкционного давления на Россию), имеет внушительный мобилизационный потенциал.

Как представляется, в идеологическом поле ЕАЭС должно быть сформулировано и вербально оформлено некое «общее дело» для Евразии, причем целевой аудиторией должна выступать молодежь стран ЕАЭС. Выбор целевой аудитории вполне очевиден – это ключевой актив стран-участниц, обладающий чувствительностью к интеграции новых смыслов и практик, достаточно быстро дающий обратную связь. Оперативный анализ обратной связи позволит оценить адекватность предлагаемых молодежной аудитории смыслов и идеологием и, в случае необходимости, скорректировать их. Важно также иметь в виду специфику молодежной аудитории – она легко вовлекается в разные типы социальной и социально-политической активности благодаря погруженности в социальные сети как часть глобальной информационной инфраструктуры и одновременно будучи лишенной мобильности из-за обострившейся международной обстановки. Указанное противоречие порождает фрустрацию и желание реализовать себя в локальных и региональных проектах.

В связи с указанным выше очевидно, что отклик в молодежной среде стран ЕАЭС может найти некое «общее дело», которое ляжет в основу идеологии объединения, нацеленной в первую очередь на молодежь. Формулируя «общее дело», можно пойти путем состав-

ления классической триады – трехчастной формулы, отражающей содержание идеологии в доступной широким массам форме.

Первый элемент должен отражать желаемые условия существования общности стран в рамках интеграционного объединения. При формулировке идеологием, непременно нацеленных в будущее, необходимо учитывать то, что в нынешних условиях молодежь желает «мира и безопасности». На примере последовательного решения проблем Каспийского моря (правовой статус моря, проблема демилитаризации, добыча углеводородного сырья, охрана морской среды и др.), которые характеризуются как вполне евразийские, можно проследить, как работает «общее дело» [Гапизов 2022]. Процесс решения проблем Каспия идет с начала 1990-х гг., в результате многие проблемы удалось решить, что позитивным образом отразилось на развитии прикаспийских государств. Так, в 2015 г. было решено, что вооруженные силы третьих стран не могут здесь присутствовать, в 2018 г. была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Это позитивный опыт, включающий и реализацию различных молодежных проектов, показывающий, что евразийские государства вполне обходятся без Запада и способны на консенсусной основе решать важные проблемы, связанные с безопасностью. Нынешняя молодежь, независимо от политических предпочтений (в настоящий момент главный водораздел состоит в поддержке или осуждении внешней политики России), понимает, что мир и безопасность – это то главное, от чего зависит их будущее. К слову, в настоящих условиях «мир и безопасность» могут рассматриваться как миссия современной молодежи. Таким образом, эта идеологема может быть обращена в будущее, а мессианский компонент может ее дополнительно усилить.

Второй элемент в трехчастной системе идеологии «общего дела» – это ресурс, посредством которого осуществляются цели интеграционного объединения. Таковым может стать «человеческий капитал», за счет использования которого происходит развитие, общественный и экономический прогресс. Как известно, проблема формирования человеческого капитала включает в себя молодежный аспект. Здесь же речь должна идти в целом о человеческом капитале ЕАЭС, наращивание которого происходит за счет молодежи. Причем речь должна идти про развитие отнюдь не в рамках концепции устойчивого развития, которое продвигает ООН, так как там много положений, которые не вписываются в евразийскую парадигму развития и цивилизационные матрицы Евразии.

Наконец, *третий элемент* триады – это «точки опоры», компонент, который позволит сформировать человеческий капитал в евразийской системе ценностей и добиться оптимальных

условий для развития всего евразийского сообщества – мира и безопасности – в условиях многополярного мира. Дело в том, что результаты гибридной войны, которая идет во всем мире с разной интенсивностью (являющейся, по сути, формой борьбы США и ее сателлитов за сохранение однополярного мира и соответственно против становления многополярного), показывают, что молодежь дезориентирована. Молодежи нужна опора для выстраивания не только своего мировоззрения «вне шаблонов», ценностных ориентиров, но и жизненной стратегии. В условиях деградации многих социальных структур в постсоветских странах эту опору молодые люди часто не могут найти. Это связано и с межпоколенческими разрывами, и с проблемами коммуникации, и с эффектами от системной политики фальсификации общей истории [Харитоновна, Лещев 2021]. Поиск точки опоры – это многосоставная задача для создания корректных и эффективных идеологических построений (так, точкой опоры могут стать патриотизм, семейные ценности и др.). Результаты этого поиска могут лечь в основу евразийской идентичности.

Рассуждая о точках опоры для молодого поколения стран ЕАЭС, мы говорим о настоящем, однако, чтобы эта идентичность стала функциональной, «работающей» на цели межгосударственного объединения в лице ЕАЭС, крайне желательным является и четкое определение того, что связывает народы, проживающие в странах ЕАЭС, и составляет общее прошлое в глазах нашей молодежи. Как показывает опыт, эта задача не менее сложная, нежели конструирование смыслов будущего: так, в России, которая является интеграционным ядром ЕАЭС, отсутствует общий учебник истории стран постсоветского пространства.

Заключение

Современная геополитическая борьба сопровождается идеологизацией политических и экономических пространств. Цель ключевых международных акторов, отстаивающих свои геополитические интересы, заключается не только в мобилизации сил, но и в продвижении и фиксации границ силовых полей. Причем речь идет не только о государствах, но и о межгосударственных объединениях, имеющих различный профиль. В таких условиях евразийским интеграционным структурам следует обратить внимание на роль идеологии в их стратегиях развития.

В настоящей статье предпринята попытка предложить прототип идеологической базы ЕАЭС, ориентированной на молодежь

стран-участниц объединения. Учитывая специфику молодежной среды в странах ЕАЭС, перспективной идеологической базой видится «общее дело», представленное в виде трехчастной формулы (триады), состоящей из таких элементов, как «мир и безопасность», «человеческий капитал» и «точки опоры». Каждый из элементов общей идеологии ЕАЭС призван решать специфические задачи, связанные с нацеленностью идеологии в будущее, созданием благоприятных условий для развития, наличием миссии, формированием ресурсной базы развития и ценностных ориентиров в рамках евразийских цивилизационных матриц. Предложенный идеологический конструкт был обсужден в ходе ситуационного анализа, реализованного в рамках Международной экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» (г. Бишкек, Иссык-Кульская область, Кыргызская Республика, 26–30 сентября 2022 г.) и поддержан экспертами.

Сформулированные в статье предложения могут быть использованы в политической практике ЕАЭС как наиболее динамично развивающейся интеграционной структуры на постсоветском пространстве, чья сфера влияния, судя по составу стран, заинтересованных в партнерстве, в обозримой перспективе выйдет за пределы границ бывшего СССР.

Литература

- Березняков, Козлов 2017 – *Березняков Д.В., Козлов С.В.* Проектирование стратегии развития Евразийского экономического союза сквозь призму концепции альянсов в теории международных отношений // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 58–63.
- Гапизов 2022 – *Гапизов З.Р.* Взаимодействие прикаспийских государств в сфере природоохранной деятельности на Каспии (1991–2021) // Человеческий капитал. 2022. № 4 (160). С. 44–51.
- Глазьев, Кефели 2022 – *Глазьев С.Ю., Кефели И.Ф.* К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21.
- Кондрашова 2023 – *Кондрашова И.С.* Евразийская ассоциация университетов: становление, основные этапы деятельности, ближайшие перспективы (к вопросу о сохранении культурно-исторической общности и единого образовательного пространства Евразии) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 129–142.
- Максимов 2021 – *Максимов А.С.* Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 3. С. 109–130.

- Пантин 2022 – *Пантин В.И.* Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2022. Т. 22. № 1. С. 17–29.
- Сопилко, Кулаков 2019 – *Сопилко Н.Ю., Кулаков А.В.* Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 105–115.
- Харитоновна 2021 – *Харитоновна Н.И.* Концептуализация внешней политики современной России в контексте конституционной реформы // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты: Сборник статей и докладов Международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.) / Под ред. П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. Орел: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 26–28.
- Харитоновна, Лещев 2016 – *Харитоновна Н.И., Лещев Е.Н.* Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 11. № 6. 2016. С. 132–142.
- Шевченко 2017 – *Шевченко Б.И.* ЕАЭС: противоречия интеграционного взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 4/2. С. 313–319.

References

- Bereznyakov, D. and Kozlov, S. (2017), “Projecting the development strategy of the Eurasian Economic Union through the prism of the concept of alliances in the international relations’”, *Tomsk State University Journal of History*, no. 50, pp. 58–63.
- Gapizov, Z. (2022), “Interaction of the Caspian littoral states in the field of environmental activities in the Caspian (1991–2021)”, *Chelovecheskii kapital*, vol. 160, no. 4, pp. 44–51.
- Glaziev, S. and Kefeli, I. (2022), “On the question of the ideology of the Eurasian Economic Union”, *Eurasian Integration*, vol. 16, no. 1, pp. 10–21.
- Kondrashova, I. (2023), “Eurasian Association of Universities. Formation, main stages of activity, immediate prospects”, *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations”*, no. 1, pp. 129–142.
- Maksimov, A. (2021), “Threats to national security of Russia in the context of a hybrid war, *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 16, no. 3, pp. 109–130.
- Pantin, V. (2022), “The ideological foundations of Eurasian economic integration”, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no. 1, pp. 17–29.
- Sopilko, N. and Kulakov, A. (2019), “Prospects in developing integration processes for the Eurasian Economic Union”, *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Economics. Management. Law”*, no. 4, pp. 105–115.

- Kharitonova, N.I. (2021), “Conceptualization of the foreign policy of modern Russia in the context of constitutional reform”, in: Merkulov, P.A. and Malahova, O.V., ed., *Konstitutsionnaya reforma i natsional'nye tseli razvitiya Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie i politiko-pravovye priority: Sbornik statei i dokladov* [Constitutional reform and development goals in Russia. Socio-economic, political and legal priorities. Collected articles and reports of an International Scientific and Practical Conference (December 2, 2020)], Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, Orel, Russia, pp. 26–28.
- Kharitonova, N., and Leshchev, E. (2016), “Falsification of history as a threat to national security of Russia. Political aspect”, *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 11, no. 6, pp. 132–142.
- Shevchenko, B. (2017), “The EEU. Contradictions of integrative interaction”, *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*, no. 4/2, pp. 313–319.

Информация об авторе

Наталья И. Харитонова, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; natahari@yandex.ru

Information about the author

Natalia I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natahari@yandex.ru

УДК 321.011+339.972

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-89-102

Food sovereignty policy. “The Venezuelan experiment”

Aleksandr V. Malov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
malov.pvo@gmail.com*

Abstract. The research article is concerned with the analysis of agri-food policy in the Bolivarian Republic of Venezuela. With the help of historical analysis, the author found that the main problems in the agricultural sector of the country are its strong dependence on agri-food imports, disproportion in the structure of land ownership and a high level of urbanization. The author used an institutional analysis and a comparative approach to identify the advantages and disadvantages of the main government programs for the implementation of the food sovereignty strategy, which was used as a tool to remedy the crisis situation. It was found that the receipt of food aid and the availability of government-subsidized food blocked the desire of Venezuelans to work in rural areas. It was found that despite the usefulness for a certain number of citizens, government programs for the “re-peasanzation” and “agrarization” of the population did not stimulate an increase in the area of cultivated land and did not provoke the desired increase in productivity of plant crops. It is proved that the shortage of domestic food products, increased food imports and demographic disproportion forced the Venezuelan government to deviate from the postulates of food sovereignty in favor of ensuring the country’s food security “by any available means”.

Keywords: Venezuela, Latin America, food sovereignty, food security, globalization, international relations, world politics

For citation: Malov, A.V. (2024), “Food sovereignty policy. ‘The Venezuelan experiment’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 89–102, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-89-102

© Malov A.V., 2024

Политика продовольственного суверенитета: «Венесуэльский эксперимент»

Александр В. Малов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, malov.pvo@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу агропродовольственной политики в Боливарианской республике Венесуэла. С помощью исторического анализа было установлено, что основными проблемами в сельскохозяйственной отрасли страны является ее острая зависимость от агропродовольственного импорта, асимметрия в структуре землевладения и высокий уровень урбанизации. С опорой на институциональный анализ и компаративный подход были выявлены преимущества и недостатки главных государственных программ по реализации стратегии продовольственного суверенитета, используемой в качестве инструмента по исправлению кризисной ситуации. В частности, было установлено, что получение продовольственной помощи и доступность субсидируемых правительством продуктов питания купировали у граждан страны желание трудиться в сельской местности. Установлено, что, вопреки полезности для фиксированного числа граждан страны, профильные правительственные программы по «ре-крестьянизации» и «аграризации» населения не способствовали существенному увеличению площади культивируемых земель, а также не спровоцировали ожидаемый рост производительности растительных культур. Доказывается, что дефицит отечественных продуктов питания, возросший ввоз продовольствия и демографическая диспропорция вынудили правительство Венесуэлы отступить от постулатов концепции продовольственного суверенитета в пользу обеспечения продовольственной безопасности страны «любимыми доступными средствами».

Ключевые слова: Венесуэла, Латинская Америка, продовольственный суверенитет, продовольственная безопасность, глобализация, международные отношения, мировая политика

Для цитирования: Malov A.V. Food sovereignty policy. “The Venezuelan experiment” // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 89–102. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-89-102

Introduction

One of the fundamental and extremely negative circumstances for the present and future of humanity is the deterioration of the food problem in the world, leading to such a devastating humanitarian disaster

as famine. Today, despite scientific and technological progress, about 800 million inhabitants of our planet still suffer from chronic malnutrition¹. The problem of food shortages is also relevant for 57 million residents of such a dynamically developing historical and geographical region as Latin America and the Caribbean². The leader State of this negative trend in this region is the Bolivarian Republic of Venezuela, a quarter of whose population suffers from food shortages today³. The authorities decided to use the concept of Food sovereignty [Малов 2018, с. 137; Чургов, Малов 2019, с. 668] as a strategy capable of qualitatively changing the situation in the agricultural sector of the country. This article is devoted to the study of the main details of this management event, entitled as the “The Venezuelan Experiment”.

Food sovereignty in Venezuela: political context

To understand why such an oil-rich country as Venezuela decided on such an ambitious experiment to introduce food sovereignty into its constitution, it is important to clarify the basic political context that served as the basis for the spontaneous uprising known as “Caracazo”. The slums that densely cover the hilly terrain of the Venezuelan capital have become a symbol of the state that has changed the domestic agri-food industry to the booming oil industry [Schiavoni 2017, p. 7]. The discovery of “black gold” deposits at the beginning of the 20th century devalued government interest in the domestic agricultural sector, investments in which were significantly reduced. Since then, the slogan “sowing oil”, meaning a government promise to use the revenues of the oil industry to diversify the country’s economy, has been firmly entrenched in political discourse, and the lack of financing for rural areas has provoked the migration of peasants to cities, especially to Caracas [Clark 2010, pp. 135–136; Hellinger, Spanakos 2017, pp. 7–8]. Unemployment, poverty and hunger sent many Venezuelans into the category of surplus populations [Li 2010, pp. 66–77]. Moreover, due to the neglect of the domestic agricultural sector, Venezuela is not only one of the most urbanized countries in Latin America (Figure 1), but is also a gross exporter of energy (today, 70% of its revenues the state re-

¹ FAO. The State of Food and Agriculture 2021. Making agri-food systems more resilient to shocks and stresses. Rome: FAO. P. 34.

² FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable. Rome: FAO UN. P. 10.

³ Ibid. P. 144.

ceives from the export of fossil fuels⁴) and a net importer of food (since 2017, the national agri-food sector the country provides only 30% of its population with food⁵).

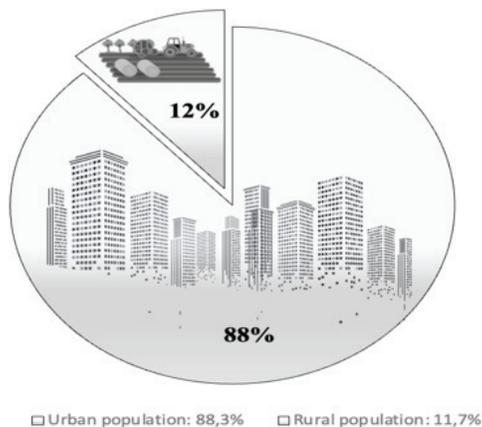

Figure 1. The proportion of urban and rural population in The Bolivarian Republic of Venezuela in 2021

Note: Compiled by the author.

Source of information: FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database (FAOSTAT). URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#country/236> (Accessed 23 June 2023).

The Bolivarian revolution – the beginning of the food sovereignty experiment

The election of Hugo Chavez as President of Venezuela in December 1998, which took place on a wave of social indignation, represented a new era in Latin American politics [Wilpert 2014, pp. 1–2]. Chavez

⁴ ATLAS of economic complexity. Center for International Development at Harvard University. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/explore?country=236&product=undefined&year=2017&productClass=HS&tradeFlow=Net&target=Product&partner=undefined&startYear=undefined> (Accessed 24 June 2023).

⁵ Invertalia. Venezuela only produces 30% of the food needed to maintain its population. 11 Dec. 2017. URL: <https://nz.invertalia.net/news/venezuela-produces-only-30-of-the-food-needed-to-maintain-its-population-13013> (Accessed 24 June 2023).

came to power on an anti-neoliberal and populist platform, launching reforms aimed at changing both the political and agricultural food system of the country [Orhangazi 2014, p. 223; Wilpert 2014, pp. 1–2; Enríquez, Newman 2016, p. 595].

Despite the fact that the “Organic Law on Food Security and Sovereignty of Venezuela” was approved only in 2008⁶, elements of food sovereignty already appeared in the new Constitution of the Bolivarian Republic of 1999 (in particular articles No. 305, 306 and 307⁷). After integrating aspects of food sovereignty into the Constitution of the State, the Bolivarian Government has launched a number of initiatives aimed at transforming the country’s agri-food system. The primary administrative action aimed at modifying the agricultural situation of the state was the ratification of the “Law of the Land and Agrarian Development”⁸, which signaled the beginning of the war against Latifundism [Wilpert 2014, p. 4; Enríquez, Newman 2016, p. 604].

According to the Venezuelan authorities, the elimination of asymmetry in the land tenure system was supposed to reduce social inequality, as well as raise the level of domestic food production [Orhangazi 2014, p. 229]. However, similar pro-government beliefs have caused discontent among the country’s rural elite, mobilizing opposition forces to overthrow the Chavez regime. Attempted coup d’etat by sabotaging the energy industry led to the mass closure of supermarkets, provoking a shortage of food products and, as a result, an increase in the number of malnourished citizens [Wilpert 2014, p. 4].

Chavez, in connection with these events, on the air of the TV show “Aló Presidente”, explained that the lack of food sovereignty (dependence on food imports and large international corporations) is a huge danger for his country [Rosset 2009a, p. 16]. The humanitarian project “Mission Mercal” was the response of the Chavez government to the food shortage formed during the corporate boycott [McKay, Nehring, Walsh-Dilley 2014, p. 1177].

⁶ Ley Orgánica de Seguridad y Soberanía Agroalimentaria de la República Bolivariana de Venezuela. No. 5.891, de 31 de julio de 2008. URL: http://www.fao.org/pgdfa-gpa-archive/ven/ley_soberania.pdf (Accessed 26 June 2023).

⁷ Constitución de la República Bolivariana de Venezuela. No. 36.860. Publicada en Gaceta Oficial del jueves 30 de diciembre de 1999. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Venezuela/ven1999.html> (Accessed 26 June 2023).

⁸ Ley de tierras y desarrollo agrario. Decreto No. 1.546/01, de 9 de noviembre de 2001. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/es/c/LEX-FAOC028661> (Accessed 26 June 2023).

*National food program “mercal”:
pros and cons*

Mission Mercal (Span. – *Mercados de Alimentos*) is a network of state-subsidized grocery stores that provide low-income citizens with basic food necessities [Morales 2009, p. 128]. At the same time, the prices for the entire basic grocery set (meat, fish, eggs, milk, cheese, bread, cereals, pasta, rice, flour, tomato sauce, fruit, coffee, margarine, butter, sugar and salt) were 40% cheaper than in the conventional supermarkets. The low cost was achieved through the direct purchase of food from domestic producers (small and medium-sized), as well as the profitable import of that category of goods that are not produced in Venezuela. The state has created large warehouses, logistics centers and transport networks against the dangerous speculations of compradors. Since 2010, there have been 16,600 stylized retail outlets in Venezuela, which were visited by two-thirds of the population, and where about 85,000 employees worked [McKay, Nehring, Walsh-Dilley 2014, p. 1183]. Moreover, since 2004, the Mission Mercal has established more than six thousand Food banks, providing free meals to about one million Venezuelans [Purcell 2017, p. 302; Schiavoni, Camacaro 2009, p. 129].

However, Mission Mercal had a palliative effect, despite the high humanitarian significance and positive feedback from the international community. The vulnerability was that the country's authorities continued to pay great attention to imports, and large domestic distributors simply shifted the vector of food dependence from the United States and Colombia (the main geopolitical opponents of their country) towards Argentina and Brazil [Kappeler 2013, p. 10]. As a result, the energy sector of the Venezuelan economy continued to play the role of the main source of financing for food imports. This scheme has ruined domestic agriculture, because the import of food is easier and more affordable than the development and implementation of national production practices. At the same time, receiving government food aid and subsidized food products stimulated the majority of Venezuelans unwillingness to retrain as peasants and return to work in the field. Subsequently, positive government actions evolved into a curious socio-cultural phenomenon known as *Bachaqueo* – resale of government-subsidized food products for profit [Kappeler 2017, p. 259; Purcell 2017, p. 297]. The practice of *Bachaqueo* is popular in the country, as a result of which many Venezuelans willingly devote their entire working week to standing in queues for the purchase and resale of subsidized goods (especially food). The former chairman of the National Assembly D. Cabello, recognized this phenomenon as “a plague” that harms the people, and the

current President of the country, N. Maduro, adopted amendments to the criminal law of the country providing for punishment in the form of imprisonment for up to 5 years. However, the tightening of the legislative system was not able to eradicate the activities of *Bachaqueo*, since every Venezuelan, upon presentation of an identity card, could still purchase a quota number of essential products at fixed prices and independently dispose of their appointment.

National food program “Zamora”: competitive advantages

Along with the food support of the population of the Mission Mercal, the Venezuelan government initiated another Agri-food program, known as the Mission Zamora. The purpose of this program was the process of democratization of agricultural lands – the dismantling of *latifundia* and the fair redistribution of land resources [Wilpert 2007, p. 111]. The Zamora mission was designed both for landless peasants and for those who left the village in search of “a better life”. Thus, the Venezuelan Government initiated the process of *deurbanization* of the population (Span. – *Vuelta al campo*), giving slum residents the opportunity to feed themselves and their families through the provision of loans and subsidies, specialized training and technical support [Page 2010, p. 251; Morales 2016, p. 18; Purcell 2017, p. 299; Wilpert 2014, p. 4].

A fund program (Span. – *Fundo Zamorano*) was developed for the development of the Zamora Mission. The purpose of the special program was to consolidate the production activities of dozens of peasant families on the basis of collective ownership and the principles of cooperative management [Loyda 2006, p. 60]. It should be added that the implementation of the *Fundo Zamorano* project was made possible due to the general trend of Venezuela’s transition from representative to participatory democracy. One of the main mechanisms of such transit were Community Councils – local government bodies through which communities could articulate their interests, form a budget and interact with the government [McKay, Nehring, Walsh-Dilley 2014, p. 1184; Marcano 2009, p. 75; Schiavoni 2015, p. 470]. A relevant example of community control in the process of food supply and their proportional distribution is the special Local Committees of Supply and Production (CLAP).

It is necessary to include, that to regulate the process of implementing land reform, the Venezuelan government has created three main governing bodies: the National Institute of Lands (INTI), the Institute of National Rural Development (INDER) and the Venezuelan Agricul-

tural Corporation (CVA). Moreover, The Ministry of Agriculture of Venezuela (MPPAT) has established three institutes responsible for promoting the agrarian model of socialist development based on the principles of food sovereignty: the National Institute of Agricultural Research (INIA), the Foundation for the Development of Science and Technology (Fundacite) and the Educational and Innovation Foundation for the Support of the Agrarian Revolution (CIARA). A wide list of administrative authorities also implied programs for interdepartmental cooperation, in which joint projects aimed at ensuring food security and the sovereignty of the country were organized.

From food sovereignty to food security

The Government's program on Agri-food transformation did not lead to the expected result, even despite the transfer of arable land into the hands of small farmers and investments in rural development that took place by 2006 [Orhangazi 2014, p. 229].

Due to the rapid growth of food imports and a weak rise in the productivity of the domestic agri-food sector, the attention of the authorities turned towards the creation of a new, more advanced Socialist production model [Rosset 2009a, p. 21; Purcell 2017, p. 303]. Consequently, the state created Socialist Production Units (UPS), which took the form of State farms formed on expropriated agricultural land [Enríquez, Newman 2016, pp. 595, 617].

Along with this, the Venezuelan government established special socialist production companies designed to purchase, process and sell agricultural products manufactured at new "UPS-state farms". The emerging trend towards increased state intervention in the commercialization of food production and distribution was supported by three administrative decisions: 1) expansion of credit lines; 2) transformation of more arable land from the latifundios category into large-scale state farms (UPS-state farms); 3) confiscation and nationalization of agro-industrial food processing companies [Orhangazi 2014, p. 223].

However, the logic of state intervention in the agri-food agenda was the intensive ideological propaganda of Socialist humanism⁹. Thus, the process of forming UPS-state farms represented a deviation from the previous strategy of the state to ensure food sovereignty, based on the transfer of agricultural land into the hands of small farmers, cooperatives

⁹ *Ellner S.* Chavismo on the horns of a dilemma: populism and pragmatism in Venezuela. *Venezuelanalysis*. 11 May 2015. URL: <https://venezuelanalysis.com/analysis/11391> (Accessed 26 June 2023).

and Fundos Zamoranos [Enríquez, Newman 2016, pp. 617–618]. The emerging deviation from the previously set course on food sovereignty was officially verified by the Venezuelan authorities in January 2011.

Then, in the context of a low level of food self-sufficiency and permanent dependence on imports, the government presented a new program for the agrarian transformation of the country – Gran Misión Agro Venezuela (GMAV). The main objectives of the established program were: 1) expanding the area of cultivated land; 2) increasing the yield of major crops; 3) promoting the practices of Urban farming. The adoption of new administrative guidelines meant a refusal to further develop the country according to the principles of food sovereignty. As a result, the state initiated a return to the pre-revolutionary policy of ensuring food security “by any available means”. The consequences of this strategic regression were the non-interference of the state in the business relations of large commercial producers, as well as stimulating the growth of the number of UPS-state farms and industrial enterprises for processing agricultural products [Enríquez, Newman 2016, pp. 616–617].

Thus, the beginning of 2010 can be considered a “point of return” to the pre-revolutionary phase of Venezuela’s agri-food policy. Since that period, the government has radically changed its views on the structure of land ownership, leading to a shift in priority from small peasant farms to large-scale commercial farms and UPS-state farms.

Conclusion

Despite the significant contribution of the personality of H. Chavez to the process of restoring the socio-humanitarian state of society, cardinal changes in the agricultural sector of Venezuela have not occurred. President N. Maduro also failed to achieve significant changes. In particular, fundamental government goals have not been achieved: 1) to cure the country of the Dutch disease [Auty 1993]; 2) to “emancipate” from agricultural imports; 3) to correct the asymmetry in the structure of land ownership¹⁰; 4) to reduce the critical level of urbanization (Figure 1). The introduction of the idea of food sovereignty into the constitution of the State, reflected in two government initiatives (Mision Mercal and Mision Zamora), failed to stabilize the flawed situation, leading to extremely contradictory consequences.

¹⁰ Hungry for land: small farmers feed the world with less than a quarter of all farmland. GRAIN. 2014. URL: <https://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/284666/> (Accessed 26 June 2023).

The mission of Mision Mercal was to reduce food imports by creating a state-owned network of specialty stores that supply the population with food at reasonable prices. Food production was assigned to the domestic agricultural sector, relying primarily on small producers. However, a colossal demographic disparity (in favor of the urban population) prevented the peasantry from carrying out the government's instructions, which increased the country's dependence on agri-food imports.

The Government presented the Mision Zamora initiative to eliminate the demographic imbalance, inventory of agricultural lands and their transfer into the hands of peasants. With the help of the ruralization and re-peasantization programs, the Venezuelan government decided to achieve a numerical increase in campesinos. Despite the fact that the "Vuelta al campo reforms" have benefited more than one million people, they have not led to a significant increase in the area of cultivated land [Gutiérrez 2015, p. 40; Morales 2016, p. 18; Purcell 2017, pp. 299–300], nor have they provoked the expected increase in crop productivity¹¹.

The main obstacle to re-peasantization was 1) the loss of communication between generations; 2) the transfer of traditional knowledge about farming in a tropical climate [Page 2010, p. 251]. The new peasants, unaccustomed to intensive physical labor, were unprepared to face the inevitable difficulties that forced them to return to the urban slums. The creation of a wide range of institutions designed to provide qualified assistance to newly-minted farmers provoked bureaucratic confusion, providing opportunities for corruption [Rosset 2009b, p. 119; Purcell 2017, p. 308; McKay, Nehring, Walsh-Dilley 2014, p. 1189]. The government was obliged to adjust the agri-food policy due to the shortage of domestic food products, the growth of imports and the lack of demographic balance. Ultimately, this led to a paradoxical situation – since the official adoption of the "Organic Law on Agri-Food Security and Sovereignty", Venezuela has begun to retreat from the postulates of food sovereignty. Confirmation of the change in the agri-food course was the ratification of the Gran Mision Agro Venezuela program, which heralded the country's return to the policy of ensuring food security "by any available means". Since then, Venezuela has returned to neoliberal ideas shared by large industrial monopolies and multinational corporations. However, the completion of the Venezuelan experiment on the introduction of food sovereignty and the subsequent reversal of the neoliberal model of ensuring food security did not contribute to the emergence of a new welfare

¹¹ FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database (FAOSTAT). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data> (Accessed 26 June 2023).

state in the Latin American region. Vice versa, Venezuelan citizens, who had previously discussed the prices of sports shoes, cars and household appliances, henceforth started talking about the shortage and about food prices [Kappeler 2017, pp. 258–259]. The depressive mood “enveloping” modern Venezuelan society, and the aggravation of the machinations of Bachaqueo in it, speak of a new socio-political crisis. In the process of developing programs to overcome a potential (present) crisis, the government needs to take into account the mistakes of past reforms and tighten measures to combat bureaucracy and inefficiency of officials.

Литература

- Малов 2018 – *Малов А.В.* Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 127–147.
- Чугров, Малов 2019 – *Чугров С.В., Малов А.В.* Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2019. № 4. С. 665–677.
- Auty 1993 – *Auty R.* Sustaining development in mineral economies. L.: Routledge, 1998. 288 p.
- Clark 2010 – *Clark P.* Sowing the oil? The Chavez government’s policy framework for an alternative food system in Venezuela // Humboldt Journal of Social Relations. 2010. Vol. 33. No. 1/2. P. 135–165.
- Enríquez, Newman 2016 – *Enríquez L., Newman J.S.* The conflicted state and agrarian transformation in pink tide Venezuela // Journal of Agrarian Change. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 594–626.
- Gutiérrez 2015 – *Gutiérrez A.* El sistema alimentario venezolano (SAV): Evolución reciente, balance y perspectivas // Agroalimentaria. 2015. Vol. 21. No. 40. P. 19–60.
- Hellinger, Spanakos 2017 – *Hellinger D., Spanakos A.P.* The legacy of Hugo Chavez // Latin American Perspectives. 2017. Vol. 44. No. 1. P. 4–16.
- Kappeler 2013 – *Kappeler A.* Perils of peasant populism. Why redistributive land reform and Food sovereignty can’t feed Venezuela // Yale University. Food sovereignty: a critical dialogue, International conference, September 14–15, 2013. Conference paper no. 65. URL: <https://www.tni.org/en/briefing/perils-peasant-populism> (Accessed 26 June 2023).
- Kappeler 2017 – *Kappeler A.* From reactionary modernization to endogenous development. The revolution in hydroelectricity in Venezuela // Dialectical Anthropology. 2017. Vol. 41. No. 3. P. 241–262.
- Li 2010 – *Li T.* To make live or let die? Rural dispossession and the protection of surplus populations // Antipode. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 66–93.
- Loyda 2006 – *Loyda C.* Analisis del cooperativismo Agrícola en Venezuela a partir de 1960: Una modalidad para elevar el Bienestar social del Productor Agrícola // AGORA – Trujillo. 2006. No. 17. P. 45–83.

- Marcano 2009 – *Marcano L.C.* From the neo-liberal barrio to the socialist commune // *Human Geography: A New Radical Journal*. 2009. Vol. 2. P. 75–88.
- McKay, Nehring, Walsh-Dilley 2014 – *McKay B., Nehring R., Walsh-Dilley M.* The ‘state’ of food sovereignty in Latin America. Political projects and alternative pathways in Venezuela, Ecuador and Bolivia // *The Journal of Peasant Studies*. 2014. Vol. 41. No. 6. P. 1175–1200.
- Morales 2009 – *Morales A.* La cuestión agroalimentaria en Venezuela // *Nueva Sociedad*. 2009. No. 223. P. 128–145.
- Morales 2016 – *Morales A.* El abastecimiento agroalimentario y la corrupción desde la perspectiva neoinstitucional // *Agroalimentaria*. 2016. Vol. 22. No. 42. P. 18–38.
- Orhangazi 2014 – *Orhangazi O.* Contours of alternative policy making in Venezuela, review of radical political economics. 2014. Vol. 46. No. 2. P. 221–240.
- Purcell 2017 – *Purcell T.F.* The political economy of rentier capitalism and the limits to agrarian transformation in Venezuela // *Journal of Agrarian Change*. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 296–312.
- Page 2010 – *Page T.L.* Can the state create campesinos? A comparative analysis of the Venezuela and Cuban repeasantization programs // *Journal of Agrarian Change*. 2010. Vol. 10. No. 2. P. 251–272.
- Rosset 2009a – *Rosset P.* Food sovereignty in Latin America. Confronting the ‘new’ crisis // *NACLA Report on the Americas*. 2009. Vol. 42. P. 16–21.
- Rosset 2009b – *Rosset P.* Fixing our global food system. Food sovereignty and redistributive land reform // *Monthly review*. 2009. Vol. 61. No. 3. P. 114–128.
- Schiavoni 2017 – *Schiavoni M.C.* The contested terrain of food sovereignty construction. Toward a historical, relational and interactive approach // *The Journal of Peasant Studies*. 2017. Vol. 44. No. 1. P. 1–32.
- Schiavoni, Camacaro 2009 – *Schiavoni M.C., Camacaro W.* The Venezuelan effort to build a new food and agriculture system // *Monthly Review*. 2009. Vol. 61. No. 3. P. 129–141.
- Schiavoni 2015 – *Schiavoni M.C.* Competing sovereignties, contested processes. Insights from the Venezuelan food sovereignty experiment // *Globalizations*. 2015. Vol. 12. No. 4. P. 466–480.
- Wilpert 2007 – *Wilpert G.* Changing Venezuela by taking power. The history and policies of the Chavez government. L.: Verso, 2007. 312 p.
- Wilpert 2014 – *Wilpert G.* Chavez’s legacy land reform for Venezuela // *Review of Agrarian Studies*. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 1–13.

References

- Auty, R. (1993), *Sustaining development in mineral economies*, Routledge, London, UK.
- Chugrov, S.V. and Malov, A.V. (2019), “Food sovereignty and education. A Japanese type of harmonization”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 4, pp. 665–677.

- Clark, P. (2010), “Sowing the oil? The Chavez government’s policy framework for an alternative food system in Venezuela”, *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 33, no. 1/2, pp. 135–165.
- Enríquez, L. and Newman, J.S. (2016), “The conflicted state and agrarian transformation in pink tide Venezuela”, *Journal of Agrarian Change*, vol. 16, no. 4, pp. 594–626.
- Gutiérrez, A. (2015), “El sistema alimentario venezolano (SAV): Evolución reciente, balance y perspectivas”, *Agroalimentaria*, vol. 21, no. 40, pp. 19–60.
- Hellinger, D. and Spanakos, A.P. (2017), “The legacy of Hugo Chavez”, *Latin American Perspectives*, vol. 44, no. 1, pp. 4–16.
- Kappeler, A. (2013), “Perils of peasant populism. Why redistributive land reform and Food sovereignty can’t feed Venezuela”, in *Yale University. Food sovereignty: a critical dialogue, International conference*, September 14–15, 2013, Conference paper no. 65, available at: <https://www.tni.org/en/briefing/perils-peasant-populism> (Accessed 26 June 2023).
- Kappeler, A. (2017), “From reactionary modernization to endogenous development. The revolution in hydroelectricity in Venezuela”, *Dialectical Anthropology*, vol. 41, no. 3, pp. 241–262.
- Li, T. (2010), “To make live or let die? Rural dispossession and the protection of surplus populations”, *Antipode*, vol. 41, no. 1, pp. 66–93.
- Loyda, C. (2006), “Análisis del cooperativismo Agrícola en Venezuela a partir de 1960: Una modalidad para elevar el Bienestar social del Productor Agrícola”, *AGORA – Trujillo*, no. 17, pp. 45–83.
- Malov, A.V. (2018), “International food regime”, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 58, no. 1, pp. 127–147.
- Marcano, L.C. (2009), “From the neo-liberal barrio to the socialist commune”, *Human Geography: A New Radical Journal*, vol. 2, pp. 75–88.
- McKay, B., Nehring, R. and Walsh-Dilley, M. (2014), “The ‘state’ of food sovereignty in Latin America. Political projects and alternative pathways in Venezuela, Ecuador and Bolivia”, *The Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no. 6, pp. 1175–1200.
- Morales, A. (2009), La cuestión agroalimentaria en Venezuela, *Nueva Sociedad*, no. 223, pp. 128–145.
- Morales, A. (2016), El abastecimiento agroalimentario y la corrupción desde la perspectiva neoinstitucional, *Agroalimentaria*, vol. 22, no. 42, pp. 18–38.
- Orhangazi O. (2014), “Contours of alternative policy making in Venezuela, review of radical political economics”, *Review of Radical Political Economics*, vol. 46, no. 2, pp. 221–240.
- Purcell, T.F. (2017), “The political economy of rentier capitalism and the limits to agrarian transformation in Venezuela”, *Journal of Agrarian Change*, vol. 17, no. 2, pp. 296–312.
- Page, T.L. (2010), “Can the state create campesinos? A comparative analysis of the Venezuela and Cuban re-peasantization programs”, *Journal of Agrarian Change*, vol. 10, no. 2, pp. 251–272.

- Rosset, P. (2009), "Food sovereignty in Latin America. Confronting the 'new' crisis", *NACLA Report on the Americas*, vol. 42, pp. 16–21.
- Rosset, P. (2009), "Fixing our global food system. Food sovereignty and redistributive land reform", *Monthly review*, vol. 61, no. 3, pp. 114–128.
- Schiavoni, M.C. (2017), "The contested terrain of food sovereignty construction. Toward a historical, relational and interactive approach", *The Journal of Peasant Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 1–32.
- Schiavoni, M.C. and Camacaro, W. (2009), "The Venezuelan effort to build a new food and agriculture system", *Monthly Review*, vol. 61, no. 3, pp. 129–141.
- Schiavoni, M.C. (2015), "Competing sovereignties, contested processes. Insights from the Venezuelan food sovereignty experiment", *Globalizations*, vol. 12, no. 4, pp. 466–480.
- Wilpert, G. (2007), *Changing Venezuela by taking power. The history and policies of the Chavez government*, Verso, London, UK.
- Wilpert, G. (2014), "Chavez's legacy land reform for Venezuela", *Review of Agrarian Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 1–13.

Information about the author

Aleksandr V. Malov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; malov.pvo@gmail.com

Информация об авторе

Александр В. Малов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; malov.pvo@gmail.com

Особенности выборов в саамские парламенты в Норвегии, Швеции и Финляндии

Маргарита В. Буковска

Северный (Арктический) федеральный университет

им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

likova.m@edu.narfu.ru

Аннотация. В Докладе Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов от 2011 г. саамские парламенты впервые были названы важными моделями самоуправления коренного народа и его участия в принятии политических решений. Более того, в докладе отмечалось, что другие страны могут брать пример со Скандинавских стран, а именно с Норвегии, Швеции и Финляндии, и развивать похожие институты. Чтобы понять, почему саамские парламенты являются одной из лучших современных моделей политического представительства коренного народа, необходимо проанализировать эту модель с разных сторон. В статье рассматриваются следующие вопросы: кто имеет право голоса, какой уровень явки наблюдается на выборах, как сформирована система избирательных округов, кто может принимать и принимает участие в выборах в качестве кандидатов, кто представлен в парламентах, кем осуществляется контроль за отбором представителей и, наконец, расширяет или ограничивает подобная система выборов возможности саамского народа по политическому участию. Автор приходит к выводу, что система выборов в саамские парламенты способствует повышению политического участия саамов благодаря облегченному доступу к регистрации в реестре избирателей. При этом система выборов в Саамский парламент в Норвегии является наиболее эффективной как с точки зрения уровня политического вовлечения саамов, так и с точки зрения уровня репрезентативности, что связано с наиболее либеральными критериями к регистрации в реестре избирателей и с особой организацией системы избирательных округов.

Ключевые слова: коренные народы, саамы, саамские парламенты, выборы в саамские парламенты, политическое представительство саамов

Для цитирования: Буковска М.В. Особенности выборов в саамские парламенты в Норвегии, Швеции и Финляндии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 103–119. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-103-119

© Буковска М.В., 2024

Features of elections to the Sámi parliaments in Norway, Sweden and Finland

Margarita V. Bukovska

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia,
likova.m@edu.narfu.ru*

Abstract. The 2011 Report of the UN Special Rapporteur on the situation concerning human rights and fundamental freedoms of indigenous peoples for the first time identified Sámi parliaments as important models of the indigenous people's self-governance and participation in political decision-making. Moreover, in the report it was noted that other countries could take the example of the Scandinavian countries, namely Norway, Sweden, and Finland, and develop similar institutions. To understand why the Sámi parliaments are of the best modern models for indigenous people's political representation, it is necessary to analyse the model from different angles. Thus, the article deals with the formation of representative bodies of the Sámi through elections. The article addresses the following questions: who has the right to vote, what level of turnout occurs is observed in elections, how the system of constituencies is formed, who can and does take part in elections as candidates, who is represented in the parliaments, who controls the selection of representatives, and, finally, does such an electoral system expand or limit the opportunities for political participation of the Sámi people? The author concludes that the system of elections to the Sami Parliaments contributes to increasing the political participation of the Sami due to easier access to registration in the voter register. At the same time, the system of elections to the Sami Parliament in Norway is the most effective both in terms of the level of political involvement of the Sami and in terms of the level of representativeness, which is associated with the most liberal criteria for registration in the voter register and with the special organization of the constituency system.

Keywords: indigenous peoples, Sámi, Sámi parliaments, elections to Sámi parliaments, political representation of the Sámi

For citation: Bukovska, M.V. (2024), "Features of elections to the Sámi parliaments in Norway, Sweden and Finland", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 103–119, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-103-119

Введение

Долгое время права саамов, коренного народа, проживающего в регионе Северной Европы, были ограничены. Саамы Норвегии, Швеции и Финляндии активно подвергались ассимиляционной

политике и были на грани потери своей идентичности, языка и культуры. Тем не менее начиная со второй половины XX в. произошел радикальный разворот в этно-национальной политике стран по отношению к саамам. Преступления Второй мировой войны вызвали большой резонанс во всем мире, и с тех пор, в частности после введения универсальных прав человека, принудительно-ассимиляционная политика стала считаться неприемлемой, особенно в наиболее развитых государствах [Гарипов 2013, с. 46]. Более того, после Второй мировой войны усилилось движение коренных народов за восстановление в своих правах. Наиболее успешным было саамское движение в Норвегии, Швеции и Финляндии, где коренному народу удалось добиться значительных уступок со стороны центральных властей [Юдин 2011, с. 165].

В данный период в Норвегии, Швеции и Финляндии восприятие отношений между большинством и меньшинством, как и понимание представительства посредством выборов, начало меняться, поскольку была осознана проблема нахождения меньшинства во власти большинства в мультикультурных обществах при соблюдении принципа равного веса избирательных бюллетеней. Поскольку саамы являются меньшинством, им довольно затруднительно добиться адекватного уровня представительства в политических структурах своих стран. К тому же некоторые представители данного коренного народа все еще ведут традиционный образ жизни, что также не позволяет им в полной мере быть «активными горожанами» и, так же, как и остальным, активно участвовать в политике [Ануфриев, Минин 2018, с. 38]. Таким образом, в Норвегии, Швеции и Финляндии были найдены такие формы политического представительства, которые позволили саамам более активно участвовать в политической жизни и выражать свою позицию. В конце XX в. были учреждены саамские парламенты во всех трех странах: в 1973 г. в Финляндии, в 1989 г. в Норвегии и в 1993 г. в Швеции [Юдин 2011, с. 165]. Парламенты были учреждены на основании принятого в каждой из стран закона о Саамском парламенте, в котором были определены принципы деятельности данных органов, в частности, правила проведения выборов представителей.

Модели органов самоуправления саамов важно изучать, поскольку они являются одними из наиболее успешных моделей самоуправления коренных народов в мире. Это подтверждается как исследователями, так и экспертами, работающими в сфере обеспечения прав коренных народов. В частности, это было подтверждено в Докладе Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов от 2011 г., где саамские парламенты впервые были названы

важными моделями самоуправления коренного народа и его участия в принятии политических решений¹. Более того, в докладе отмечалось, что другие страны могут брать пример со Скандинавских стран и развивать похожие институты. Чтобы понять, почему саамские парламенты являются одной из лучших современных моделей политического представительства коренного народа, необходимо проанализировать феномен саамской демократии с разных сторон. Так, в статье рассматривается формирование представительных органов саамов посредством выборов в трех странах: Норвегии, Швеции и Финляндии.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа формирования представительных органов саамов посредством выборов в Норвегии, Швеции и Финляндии. Исходя из поставленной цели, были определены следующие задачи: обозначить причины создания саамских парламентов, а также их текущие полномочия и функции; выявить, кто имеет право участвовать в качестве избирателей и кандидатов в выборах в саамские парламенты; определить уровень явки на соответствующих выборах; проанализировать то, как сформирована система избирательных округов; выяснить, кто представлен в парламентах; рассмотреть, кем осуществляется контроль за отбором представителей, и, наконец, ответить на вопрос, расширяет или ограничивает подобная система выборов возможности саамского народа по политическому участию.

Исследование базируется в основном на результатах иностранных исследований, поскольку ни одно русскоязычное исследование не рассматривает полноценно данный вопрос. Можно выделить лишь несколько отечественных исследователей, которые в той или иной степени осветили в своих работах тему саамской демократии. К ним можно отнести М.С. Куропятник, И.А. Казнину, М.О. Голованова, У.В. Прокину, Н.Н. Васильева и других.

Наиболее подробно вопросы саамов, их политическое представительство и особенности выборов в собственные парламенты рассматриваются скандинавскими исследователями: Б. Бьеркли, П. Селле, Е. Йозефсен, У. Мёркенстам, Р. Нильссон, Ю. Саглие, К.В. Сиркка, А.Ю. Семб, К. Стрёмснес, О.Д. Нурдэ и другими. Так, стоит отметить такие научные труды, как «Развитие саамской политики» и «Один народ, разные выборы. Выборы в Саамский пар-

¹ Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights and fundamental freedoms of indigenous people, James Anaya. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/FAD/Vedlegg/SAMI/Anaya_rapport.pdf (дата обращения 8 июня 2023).

ламент в Норвегии и Швеции». Хотя в работе «Развитие саамской политики» в основном рассматриваются проблемы норвежских саамов, одна из глав тем не менее посвящена анализу выборов в саамские парламенты в четырех странах: Норвегии, Швеции, Финляндии и России [Berg-Nordlie 2015]. Авторами отмечается, что в Скандинавских странах выборы являются главным средством формирования представительных органов саамов, тогда как в консультативный орган саамов в России такие выборы не проводятся. В одной из глав в работе «Один народ, разные выборы. Выборы в Саамский парламент в Норвегии и Швеции» авторы, в свою очередь, рассматривают выборы в органы политического представительства саамов в Норвегии и Швеции [Josefsen, Mörkenstam, Saglie 2017]. Отмечается, что в обеих странах система выборов в Саамский парламент обеспечивает географическую репрезентативность саамов, что важно в условиях рассредоточения коренного народа на большой территории.

В исследовании используются такие качественные методы, как институциональный метод и метод сравнительного анализа. Метод институционального анализа используется для рассмотрения саамских парламентов и выборов в них как основных институтов саамской демократии. Метод сравнительного анализа используется для сравнения особенностей избирательных кампаний в саамские парламенты в трех странах. Более того, автором используется также и такой количественный метод, как анализ электоральной статистики.

В работе систематизированы имеющиеся сведения о системах выборов в саамские парламенты, в том числе требования к регистрации избирателей и кандидатов, уровень явки избирателей на выборах, особенности формирования избирательных округов, итоговый состав парламентов после выборов, а также уровень государственного контроля за формированием состава парламентов.

Научная новизна исследования заключается в комплексности представления основных аспектов формирования саамских парламентов посредством выборов при использовании новых эмпирических данных.

Саамские парламенты как выборные органы

Прежде всего, стоит отметить, что саамские парламенты являются, по большому счету, консультативными органами и находятся под кураторством определенных министерств. Основными функциями парламентов являются осуществление справедливого

диалога саамского народа с населением своей страны, достижение равных политических, экономических, социальных и культурных прав, а также сохранение саамских языков, культуры и традиционного образа жизни [Задорин 2012, с. 23]. При этом полномочия парламентов в целом аналогичны. К ним, прежде всего, относятся: официальное представительство коренного народа, распределение, исходя из своих целей, финансовых ресурсов, предоставляемых национальными правительствами, принятие мер по вопросам саамского образования и языка, информирование о проблемах саамского населения, предоставление органам власти рекомендаций, касающихся вопросов социального планирования, а также участие в парламентских слушаниях [Максименко 2018, с. 483]. Стоит отметить, что Саамский парламент Норвегии обладает также особым правом осуществлять контроль за использованием части земель, входящих в ареал традиционного расселения саамов, поскольку в Норвегия в 2005 г. был принят Закон о Финнмарке². Согласно данному закону, Саамский парламент получил право направлять трех своих представителей в совет директоров, который был сформирован для управления земельными и внутренними водными ресурсами в норвежской провинции Финнмарк [Мороз 2021, с. 44].

Схожесть институтов политического представительства саамов, как и их полномочий и направлений деятельности, можно объяснить с помощью теории диффузии, согласно которой политика одной страны распространяется за ее пределами, особенно в соседних дружественных государствах. Так, учреждение первого представительного органа саамов в Финляндии в 1973 г. являлось по своей сути созданием первой модели самоуправления для данного коренного народа, которую в последующем переняли в Норвегии в 1989 г., а затем и в Швеции в 1993 г. Создание первого представительного органа саамов стимулировало саамское движение и соответственно усиливало давление на власть в Норвегии и Швеции, которые в последующем переняли изначальную модель Саамского парламента [Eriksson 1997, p. 240]. Тот факт, что страны имели изначально схожие ориентиры по развитию саамской политики, объясняет схожесть современных институтов политического представительства саамов.

Тем не менее заимствование такой модели самоуправления вовсе не означает, что Норвегия и Швеция заимствовали в полной мере политический опыт Финляндии. В дальнейшем страны

² Act relating to legal relations and management of land and natural resources in Finnmark // Lovdata. 2005. URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-06-17-85> (дата обращения 9 июня 2023).

пошли несколько разными путями, что, в свою очередь, объясняет различия саамских парламентов. В западных социально-гуманитарных исследованиях используют концепцию зависимости от предшествующего пути развития, с помощью которой описывают в том числе и развитие институтов, которые, имея изначально одинаковые ориентиры развития, развиваются в последующем разными путями [Goodin 1996, pp. 27–34].

Таким образом, страны выбрали собственные модели организации выборов, которые, несмотря на наличие некоторого сходства, имеют также и различия. В статье используются следующие критерии для сравнения особенностей формирования представительных органов коренного народа: доступ к праву избирать и быть избранным в Саамский парламент; процент избирателей, принимавших участие в выборах на протяжении всего существования рассматриваемых парламентов; организация системы избирательных округов и уровень репрезентативности в рамках данной системы; тип организаций, входящих по итогам выборов в состав парламентов; уровень контроля со стороны центральных властей за отбором представителей.

В выборах в саамские парламенты в Норвегии, Швеции и Финляндии могут участвовать только представители саамского народа. Этническая принадлежность саамов не регистрировалась в национальных переписях со времен Второй мировой войны, поэтому создание саамских парламентов создало потребность в проведении этнических границ: кто может иметь право голоса? Во всех трех странах был создан специальный реестр, где саамы получили возможность добровольно регистрироваться в качестве избирателей. Однако, чтобы быть включенным в данный реестр, необходимо подтвердить свою принадлежность к саамскому народу. В странах были установлены специальные критерии, определяющие, кто может иметь право голоса. Критерии довольно схожи и базируются на генеалогической и языковой принадлежности к саамскому народу. Те, кто регистрируется в реестре, должны достичь избирательного возраста 18 лет, добровольно заявить о своей саамской идентичности, а также подтвердить, что саамский язык является родным либо для самого избирателя, либо для одного из его родителей, либо для кого-нибудь одного из бабушек или дедушек [Berg-Nordlie 2015, p. 394]. Стоит отметить, что в Норвегии возможности для регистрации в реестре избирателей расширены, поскольку достаточно в родословной иметь прабабушку или прадедушку, саамский язык для которой или которого являлся родным.

В Финляндии же, напротив, критерии являются наиболее строгими, так как для включения в реестр избирателей помимо язы-

ковых требований необходимо также подтвердить, что по крайней мере один из родителей потенциального избирателя либо был зарегистрирован ранее в реестре, либо по всем параметрам подходил под критерии для регистрации в нем [Семерина 2018, с. 87].

Хотя данный реестр служит прежде всего для регистрации избирателей, желающих участвовать в выборах в саамские парламенты, некоторые саамы регистрируются в нем лишь для декларации своей саамской идентичности. Особенно очевидным это является в Финляндии, где около половины зарегистрированных в реестре не принимают участие в выборах.

Необходимо также добавить, что далеко не все представители саамского народа могут зарегистрироваться в данном реестре. Некоторым саамам может быть сложно доказать свою принадлежность, например если в семье был утрачен язык в результате проводившейся в прошлом ассимиляционной политики. Э. Сариваара, финский исследователь, известная в саамских кругах благодаря своей докторской диссертации, предложила концепцию «саама без статуса». Согласно Э. Сариваара, «саамы без статуса» также должны получить возможность участвовать в саамской демократии, в том числе через получение доступа к регистрации в реестре избирателей [Sarivaara 2012]. М. Берг-Нордли, норвежский ученый, занимающийся исследованиями в области коренных народов, предлагает следующий вариант решения проблемы: «саамам без статуса», в семье которых был утрачен язык, необходимо выучить один из саамских языков и научить ему своих детей так, чтобы их дети могли говорить на этом языке как на родном и соответственно могли быть уже включены в реестр избирателей [Berg-Nordlie 2015, p. 397].

Тем не менее, несмотря на некоторые сложности, за последние годы все больше и больше саамов регистрируются в реестре и принимают участие в выборах, которые во всех трех странах проходят раз в четыре года.

Во время последних выборов в Саамский парламент Норвегии в 2021 г. 20 543 саама имели право голоса, и из них в выборах участвовало 14 084 человека. Явка избирателей на выборах за последние годы остается стабильной и составляет от 67% до 70%. Так, в 2021 г. явка избирателей на выборах в Саамский парламент Норвегии составила 68,6%³.

В Швеции во время последних выборов в 2021 г. право голоса имели 9226 саамов, из них в выборах участвовали 5997 человек.

³ Sami parliament election // Valgdirektoratet. 2021. URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения 9 июня 2023).

При этом явка за последние годы выросла на целых 10%: в 2013 г. она составила 54%, а в 2021 г. – 64,8%⁴.

В Финляндии, напротив, явка избирателей на выборах в Саамский парламент упала на 7% к 2019 г., несмотря на рост числа саамов, участвующих в выборах. Это объясняется тем, что количество зарегистрированных в реестре растет быстрее, чем количество тех саамов, которые реально принимают участие в выборах. Во время выборов в Саамский парламент Финляндии в 2019 г. уровень явки избирателей составил 48,58%, тогда как в 2007 – 55,8%⁵. Снижение явки ниже 50%, по мнению М. Берг-Нордли, указывает на кризис Саамского парламента Финляндии [Berg-Nordlie 2015, p. 400]. Однако на последних выборах в 2023 г. данный показатель повысился до 51,6%⁶. Из 6060 человек, зарегистрированных в избирательном реестре, проголосовало 3129 человек.

То, что в Норвегии наблюдается наиболее высокий уровень участия саамов в выборах в Саамский парламент, может быть объяснено не только наличием более либеральных критериев к регистрации в реестре избирателей, но и применением пропорциональной системы, в рамках которой кандидаты в Саамский парламент избираются из нескольких избирательных округов, которые охватывают всю страну. Выборы в Саамский парламент Норвегии проходят в 7 избирательных округах, которые сформированы таким образом, чтобы саамы были не только географически разнообразно представлены, но и чтобы в выборах могли участвовать представители разных культурных подгрупп саамского народа. Тот факт, что избирательные округа охватывают всю страну, указывает на то, что в выборах могут принимать участие и те саамы, которые мигрировали с территорий своего традиционного расселения (Лапландии) в другие регионы. Несмотря на то что северная часть Норвегии является территорией традиционного расселения саамов, большая часть коренного народа в настоящее время рассредоточена по всей территории государства [Selle, Semb, Strømsnes 2015, p. 237]. Таким образом, данная система избирательных округов позволяет саамам участвовать в выборах из любого региона страны.

⁴ Valresultat 2021 // Valmyndigheten. 2023. URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения 9 июня 2023).

⁵ Vaalit // Samediggi. 2019. URL: <https://dokumentit.solinum.fi/samediggi/?f=dokumenttipankki/vaalit/suomeksi> (дата обращения 9 июня 2023).

⁶ Saamelaiskäräjävaaalien tulos // Samediggi. 2023. URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2023/10/Saamelaiskarajavaalin-tulokset-2023-1.pdf> (дата обращения 9 декабря 2023).

Всего в Саамский парламент Норвегии избираются 39 представителей. Каждый избирательный округ направляет определенное количество представителей, которое высчитывается в соответствии с числом зарегистрированных избирателей, проживающих в округе [Selle, Semb, Strømsnes 2015, p. 159]. Таким образом, чем большее число избирателей зарегистрировано в округе, тем большее число представителей от него будет выбрано.

В Швеции выборы также проходят по всей стране, что равным образом позволяет принимать участие в выборах тем саамам, которые более не проживают в местах своего традиционного расселения. Однако выборы проходят только в рамках одного избирательного округа. Голосовать на выборах можно либо за партию, либо за одного конкретного кандидата от партии. Всего в Саамский парламент Швеции избирается 31 представитель. Места в парламенте получают те партии, которые набрали наибольшее количество голосов (система относительного большинства) [Berg-Nordlie 2015, p. 400].

В Финляндии, как и в Швеции, выборы проходят в рамках одного избирательного округа, однако данный избирательный округ охватывает не всю страну, а только регион традиционного расселения саамов. В рамках него существует спецификация с выделением 4 муниципалитетов, которая учитывают культурные подгруппы саамского населения. От каждого такого муниципалитета должно быть избрано минимум 3 кандидата. В целом от округа также избираются несколько кандидатов. Всего же в Саамский парламент Финляндии избирается 21 представитель [Berg-Nordlie 2015, p. 401]. Несмотря на выделение муниципалитетов в рамках избирательного округа, в выборах не могут участвовать те саамы, которые проживают за его пределами, что является минусом системы выборов в Саамский парламент в Финляндии.

Анализируя особенности выборов в саамские парламенты, важно учитывать не только избирателей, но также и кандидатов, которые выдвигают свои кандидатуры на выборах. Как и избирателям, им необходимо соответствовать тем же критериям для подтверждения своей принадлежности к саамскому народу. Саамские парламенты трех стран отличаются в вопросе того, кто принимает участие в выборах в качестве кандидатов, и эти отличия также необходимо рассмотреть.

Больше всего кандидатов участвуют в выборах в Саамский парламент Норвегии: в выборах участвуют как саамские партии и организации, так и самовыдвиженцы, оленеводческие общины саамов и национальные партии Норвегии. Практика включения саамов в избирательные бюллетени от имени национальных норвежских

партий является отличительной чертой норвежской системы формирования Саамского парламента. За последнее время все больше организаций и партий начинают участвовать в выборах в Саамский парламент Норвегии. На последних выборах в 2021 г. места получили 7 организаций⁷. За все годы, начиная с первых выборов в парламент в 1989 г., лидером по количеству полученных голосов стабильно является Ассоциация саамов Норвегии (Norske Samers Riksforbund), являющаяся крупнейшей ассоциацией саамов в стране. Кандидаты от победившей организации формируют исполнительный совет (Sámediggerádis) и назначают президента и вице-президента парламента [Анисимов, Толмачев, Широкова 2014, с. 83].

Второе место на выборах в 2021 г. получила саамская партия «Люди Северного Калотта» (Nordkalottfolket), которая за последние годы стремительно набрала популярность. Если на выборах в 2013 г. партия получила 4,3% голосов, в 2017 г. – 6,6% голосов, то в 2021 г. данная саамская партия завоевала 18,3% голосов, обогнав при этом Рабочую партию Норвегии (Arbeiderpartiet), которая в последние годы занимала второе место на выборах в Саамский парламент Норвегии. Стоит отметить, что Рабочая партия долгие десятилетия является крупнейшей партией в Стортинге и в последнее время принимает активное участие в саамской демократии. Остальными организациями, которые получили места в парламенте в 2021 г., являются 2 национальные норвежские партии, а именно Партия центра (Senterpartiet) и Партия прогресса (Fremskrittspartiet), а также Саамская народная партия (Samefolkets Parti) и оленеводческая организация (Ávjovárgi Johttisápmelaččaid listu)⁸.

В выборах в Саамский парламент Швеции принимают участие саамские партии и организации, оленеводческие общины и самовывдвиженцы. Однако, в отличие от Норвегии, саамы Швеции не участвуют в деятельности национальных партий и соответственно не выдвигают свои кандидатуры от этих партий [Sirikka 2017, р. 24]. Отказ саамов Швеции, как и саамов Финляндии, от членства в национальных политических партиях страны связан с тем, что коренной народ стремится не допустить, чтобы на Саамский парламент оказывали влияние организации, где большинство не является саамами.

Начиная с выборов в 2005 г. наибольшее количество голосов стабильно получает крупнейшая саамская партия Швеции «Охот-

⁷ Sami parliament election // Valgdirektoratet. 2021. URL: <https://valgresultat.no/?type=sa&year=2021> (дата обращения 9 июня 2023).

⁸ Ibid.

ничьи и рыболовные общины» (Jakt- och fiskesamerna). На втором месте по количеству полученных голосов в последние годы оказывается вторая крупнейшая партия саамов Швеции «Самеленд» (Samelandspartiet). В настоящее время в Саамский парламент Швеции входит семь организаций, к которым, помимо указанных партий, также относятся саамские политические партии «Утренняя звезда» (Guovssonásti), «Лесные саамы» (Skogssamerna), «Шведская саамская национальная партия» (Landspartiet Svenska Samer), «Саамы» (Samerna) и «Наш путь» (Min Geaidnu)⁹.

В Финляндии саамские организации и партии не участвуют в выборах в Саамский парламент в отличие от саамских парламентов Норвегии и Швеции. Выборы проходят как голосование за отдельных кандидатов-самовыдвиженцев. В целом в Финляндии наблюдается низкий уровень самоорганизации саамов с отсутствием саамских партий. В Финляндии действует только одна крупная организация саамов – Центральная ассоциация саамов Финляндии (Suoma sámiiid guovddášsearvi).

М. Берг-Нордли отмечает, что хотя саамские парламенты во многом независимы, они все еще находятся под контролем государства [Berg-Nordlie 2015, p. 392]. Такой контроль со стороны государства за представительным органом коренного народа он называет «метауправлением». «Метуправление» может иметь четыре уровня:

- 1) определение сфер ответственности представительного органа коренного народа;
- 2) обеспечение его экономического основания;
- 3) участие в отборе представителей;
- 4) активное вмешательство в деятельность данного органа.

В Норвегии, Швеции и Финляндии «метауправление» осуществляется на двух первых уровнях, поскольку именно государство определяет сферы ответственности саамских парламентов, а также финансирует их деятельность. Отбор представителей в саамские парламенты, в свою очередь, осуществляется непосредственно Саамским парламентом без вмешательства властей, помимо одного исключения: председатель Саамского парламента Швеции назначается непосредственно шведским правительством по предложению Саамского парламента. При этом кандидатура председателя, предложенная Саамским парламентом Швеции, еще ни разу не была отвергнута шведским правительством.

⁹ Valresultat 2021 // Valmyndigheten. 2023. URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения 9 июня 2023).

Заключение

Таким образом, в статье были рассмотрены различные аспекты избирательного процесса в саамские парламенты. Можно сделать вывод о том, что система выборов в данные парламенты способствует повышению политического участия саамов. Большую роль в этом играет облегченный доступ к регистрации в реестре избирателей. Критерии, которым избиратель должен соответствовать, чтобы подтвердить свою принадлежность к саамскому народу и получить возможность голосовать на выборах, являются достаточно либеральными, поскольку базируются исключительно на генеалогической и языковой принадлежности и не требуют от избирателя постоянного проживания в местах традиционного расселения и сохранения традиционного уклада жизни. Плюсом такой либеральной системы критериев к избирателям является широкое вовлечение представителей саамов в саамскую демократию, учитывая, что большая часть саамского народа в настоящее время проживает за пределами Лапландии. Хотя стоит отметить, что все еще является нерешенной проблема «саамов без статуса».

С момента создания саамских парламентов все больше и больше саамов регистрируются в избирательном реестре и принимают участие в выборах. В Швеции и Норвегии саамы объединяются в собственные партии и организации для выдвижения своих кандидатов на выборах. Более того, в Норвегии кандидаты выдвигаются также и от лидирующих национальных партий, что позволяет саамам получить значительную поддержку от них во время предвыборной кампании. В Швеции и Финляндии, напротив, большинство саамов отказались от членства в национальных партиях, поскольку опасаются, что саамские парламенты будут зависеть от организаций, где большинство не саамы. При этом стоит отметить, что в Финляндии уровень самоорганизации саамов является наиболее низким по сравнению с соседними Швецией и Норвегией, поскольку саамы не объединяются даже в собственные партии и выборы в Саамский парламент проходят исключительно как голосование за отдельных кандидатов-самовыдвиженцев.

Все три саамских парламента формируются в процессе выборов при отсутствии регулирования со стороны государства. Государство определяет лишь сферы ответственности парламентов и обеспечивает их экономическую основу, но не контролирует процесс отбора представителей, за исключением председателя Саамского парламента Швеции. Таким образом, выборы в саамские парламенты проходят независимо от государственной власти.

В целом можно утверждать, что в Норвегии система выборов в Саамский парламент является наиболее эффективной как с точки зрения уровня политического вовлечения саамов, так и с точки зрения уровня репрезентативности. Норвегия обладает наиболее либеральными критериями регистрации в реестре избирателей. К тому же в Норвегии выборы проходят на территории всей страны, а избирательные округа сформированы таким образом, чтобы учитывались голоса разных культурных подгрупп саамов.

Сходство саамских парламентов, в том числе определенных аспектов системы организации выборов в них, может быть объяснено тем, что страны имели изначально схожие ориентиры по развитию саамской политики. Опыт создания первой модели самоуправления для саамов в Финляндии был перенят сначала в Норвегии, а затем и в Швеции. Тем не менее такое заимствование вовсе не означало перенятия в полной мере чужого политического опыта. В последующем каждая страна пошла своим путем развития данных институтов. Более того, на развитие саамских парламентов повлияли взаимоотношения коренного народа с центральной властью. Именно в Норвегии власть пошла на большие уступки, учитывая хотя бы те факты, что страна наделила Саамский парламент правом осуществлять контроль за частью своих исконных земель, проводит наиболее успешную политику по сохранению саамских языков и культуры, а также определила наиболее либеральные критерии для регистрации в реестре избирателей. Такие уступки властей позволили большему количеству саамов признать свою саамскую идентичность и более активно участвовать в саамской демократии, что объясняет более высокий уровень явки избирателей, по сравнению с соседними Швецией и Финляндией.

То, что власть в Норвегии пошла на бóльшие уступки по сравнению с соседними странами, вовсе не означает, что ей удалось завоевать абсолютное доверие у коренного народа. Саамы все еще ощущают на себе последствия проводимой в прошлом политики ассимиляции и дискриминации, и нередко их интересы противоречат интересам государства, которому чаще важнее получить доходы от ресурсодобывающих проектов, чем развивать к себе доверие у коренного народа. В Швеции и Финляндии существует еще больше скептицизма относительно того, чтобы пойти саамам на определенные уступки. В данных странах коренной народ имеет меньше доверия к властям, в том числе к партийной политике, что объясняет нежелание большинства саамов участвовать в выборах от имени национальных партий. Саамы Швеции и Финляндии стремятся закрыть так называемый черный вход, через который на

саамские парламенты могут оказывать влияние организации, где саамы не являются большинством.

Таким образом, несмотря на то что степень политического участия саамов значительно возросла после учреждения саамских парламентов, в Норвегии, Швеции и Финляндии все еще остаются проблемы, препятствующие полноценному вовлечению коренного народа в процессы самоуправления.

Литература

- Анисимов, Толмачев, Широкова 2014 – *Анисимов С.А., Толмачев В.П., Широкова А.И.* Особенности организации Саамского парламента как выборного представительного органа в государстве на примере Норвегии // Евразийский союз ученых. 2014. № 8. Ч. 2. С. 82–83.
- Ануфриев, Минин 2018 – *Ануфриев В.А., Минин А.И.* Социально-политические различия в жизни саамов, проживающих на территории Фенноскандии // Вестник современных исследований. 2018. № 7.3 (22). С. 36–39.
- Гарипов 2013 – *Гарипов Р.Ш.* Эволюция прав коренных народов в международном праве: от геноцида до декларации ООН // История государства и права. 2013. № 7. С. 45–48.
- Задорин 2012 – *Задорин М.Ю.* Формы самоопределения коренных народов: на примере саамов // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2012. № 4. С. 22–25.
- Максименко 2018 – *Максименко А.С.* Этнополитическое движение саамов в арктическом регионе: вызовы современности // Притяжение Севера: язык, литература, социум: Материалы I Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Петрозаводск: Петрозаводский государственный ун-т, 2018. С. 482–489.
- Мороз 2021 – *Мороз Е.Н.* Реализация прав коренных народов на примере политики Норвегии в отношении саамского населения // Политика и общество. 2021. № 1. С. 41–49.
- Семерина 2018 – *Семерина О.А.* Правовое положение саамов Финляндии: угроза национальной идентичности // Международные отношения и диалог культур. 2018. № 6. С. 78–91.
- Юдин 2011 – *Юдин В.И.* Государственная политика стран Северной Европы в отношении народа саами // Власть. 2011. № 10. С. 164–168.
- Berg-Nordlie 2015 – *Berg-Nordlie M.* Representativitet i Sápmi. Fire stater, fire tilnærmingar til inklusjon av urfolk // Samepolitikkenes utvikling / Ed. by B. Bjerkli, P. Selle. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 2015. P. 388–418.
- Eriksson 1997 – *Eriksson J.* Partition and redemption. A Machiavellian analysis of Sami and Basque patriotism. Umeå: Department of Political Science, Umeå University, 1997. 296 p.

- Goodin 1996 – *Goodin R.E.* The theory of institutional design. Canberra: Australian National University, 1996. 288 p.
- Josefsen, Mörkenstam, Saglie 2017 – *Josefsen E., Mörkenstam U., Saglie J.* Sametingene – institusjoner for selvbestemmelse? // Ett folk, ulike valg: Sametingsvalg i Norge og Sverige / Ed. by E. Josefsen, U. Mörkenstam, R. Nilsson, J. Saglie. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 2017. P. 24–55.
- Sarivaara 2012 – *Sarivaara E.K.* Sámi without status. Locations on the borders of Sámi perspectives. Ph.D. Thesis. Rovaniemi: University of Lapland, 2012. 170 p.
- Selle, Semb, Strømsnes, Nordø 2015 – *Selle P., Semb A.J., Strømsnes K., Nordø Å.D.* Den samiske medborgeren. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 2015. 319 p.
- Sirkka 2017 – *Sirkka K.-W.* Fra idé til faktura. Fra samepolitikk til politikk for Sametinget. Oslo: Kolofon, 2017. 265 p.

References

- Anisimov, S.A., Tolmachev, V.P. and Shirokova, A.I. (2014), “Features of the Organization of the Saami Parliament as an elected representative body in the state on the example of Norway”, *Eurasian Union of Scientists*, no. 8, part 2, pp. 82–83.
- Anufriev, V.A. and Minin, A.I. (2018), “Socio-political distinctions in the life of the Sami living in Fennoscandia”, *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, vol. 22, no. 7.3, pp. 36–39.
- Berg-Nordlie, M. (2015), “Representation in Sápmi. Four States, Four Approaches to Indigenous Inclusion”, in Bjerkli, B. and Selle, P., ed., *Samepolitikkenes utvikling*, Gyldendal Norsk Forlag, Oslo, Norway, pp. 388–418.
- Eriksson, J. (1997), *Partition and redemption. A Machiavellian analysis of Sami and Basque patriotism*, Department of Political Science, Umeå University, Umeå, Sweden.
- Garipov, R.Sh. (2013), “Evolution of indigenous rights in international law. From genocide to UN Declaration”, *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 7, pp. 45–48.
- Goodin, R.E. (1996), *The theory of institutional design*, Australian National University, Canberra, Australia.
- Josefsen, E., Mörkenstam, U. and Saglie, J. (2017), “Sametingene – institusjoner for selvbestemmelse?”, in Josefsen, E., Mörkenstam, U., Nilsson, R. and Saglie, J., ed., *Ett folk, ulike valg: Sametingsvalg i Norge og Sverige*, Gyldendal Norsk Forlag, Oslo, Norway, pp. 24–55.
- Maksimenko, A.S. (2018), “Ethnopolitical movement of the Sami in the Arctic region. Challenges of our time”, in *Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference “The Attraction of the North: Language, Literature, Society”*, part 1, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, pp. 482–489.
- Moroz, E.N. (2021), “Exercise of rights of the indigenous peoples on the example of Norway’s policy towards Sami population”, *Politika i obshchestvo*, no. 1, pp. 41–49.

- Sarivaara, E.K. (2012), *Sámi without status. Locations on the borders of Sámi' perspectives*. Ph.D. Thesis, University of Lapland, Rovaniemi, Finland.
- Selle, P., Semb, A.J., Strømsnes, K. and Nordø, Å.D. (2015), *Den samiske medborgeren*, Gyldendal, Oslo, Norway.
- Semerina, O.A. (2018), "Legal status of the Sami in Finland. Threat to national identity", *International Relations and the Dialogue of Cultures*, no. 6, pp. 78–91.
- Sirkka, K.-W. (2017), *Fra idé til faktura. Fra samepolitikk til politikk for Sametinget*, Kolofon, Oslo, Norway.
- Yudin, V.I. (2011), "State policy of the Nordic countries towards the Sami people", *Vlast'*, no. 10, pp. 164–168.
- Zadorin, M.Yu. (2012), "Forms of self-determination of indigenous peoples. Example of the Sami", *Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudentsii*, no. 4, pp. 22–25.

Информация об авторе

Margarita V. Bukovska, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия; 163002, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; likova.m@edu.narfu.ru

Information about the author

Margarita V. Bukovska, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia; 17, Severnoi Dviny Emb., Arkhangelsk, Russia, 163002; likova.m@edu.narfu.ru

Современный Казахстан:
внутриполитическая обстановка
и интересы внешних политических сил

Алексей В. Веснин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bernanke@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается как внутриполитическая обстановка, так и интересы других стран в Казахстане. Автором высказывается мнение, что после январских событий 2022 г. действующий президент Казахстана начал избавляться от политического влияния первого президента республики. Сейчас вся власть в стране сконцентрирована в руках президента Токаева. Но с новой властью поменялся и политический курс Казахстана, который характеризуется охлаждением отношений с Россией.

Отмечается, что Казахстан является объектом особого интереса сразу четырех цивилизаций: российской, западной (США), ближневосточной (Турция), восточной (Китай). Если Россия и Китай хотят видеть Казахстан стабильным, независимым и развивающимся партнером, то США рассматривают Казахстан как средство достижения своих геополитических целей, который в будущем вполне может стать жертвой американской «демократии» в борьбе против России. Турция же стремится объединить тюркские государства под своим началом, поэтому рассматривает Казахстан как средство увеличения своих геополитических возможностей.

В заключении делается предположение о том, что в случае дальнейшего охлаждения отношений с Россией существует опасность превращения Казахстана в сателлита США, последствием этого может стать потеря его государственного суверенитета.

Ключевые слова: Республика Казахстан, Турция, США, Китай, трансформация постсоветского пространства, геополитическое противостояние, государственный суверенитет

Для цитирования: Веснин А.В. Современный Казахстан: внутриполитическая обстановка и интересы внешних политических сил // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 120–132. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-120-132

Modern Kazakhstan.
Internal political situation
and interests of external political forces

Aleksei V. Vesnin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bernancke@yandex.ru*

Abstract. The article considers both the internal political situation and the interests of other countries in Kazakhstan. The author expresses an opinion that after the January events of 2022, the current president of Kazakhstan began to get rid of the political influence of the first president of the republic. Now all the power in the country is concentrated in the hands of President Tokayev. But with the new government, the political course of Kazakhstan has also changed, which is characterized by a cooling of relations with Russia.

The author also notes that Kazakhstan is an object of special interest for four civilizations at once: Russian, Western (USA), Middle Eastern (Turkey), Eastern (China). If Russia and China want to see Kazakhstan as a stable, independent and developing partner, then the United States considers Kazakhstan as a means to achieve its geopolitical goals, which in the future may well become a victim of American “democracy” in the fight against Russia. Turkey, on the other hand, seeks to unite the Turkic states under its leadership, therefore, considers Kazakhstan as a means to increase its geopolitical capabilities.

In conclusion, the assumption is made that in case of further cooling of relations with Russia, there is a danger of Kazakhstan becoming a satellite of the United States, the consequence of that may be the loss of its state sovereignty.

Keywords: Republic of Kazakhstan, Turkey, USA, China, transformation of the post-Soviet space, geopolitical confrontation, state sovereignty

For citation: Vesnin, A.V. (2023), “Modern Kazakhstan. Internal political situation and interests of external political forces”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 120–132, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-120-132

Введение

По историческим меркам Республика Казахстан является молодым государством, образовавшимся и получившим свой суверенитет в результате распада СССР. Пришедшие в Среднюю Азию в середине XIX в. сибирские казаки и образовавшие там города, в том

числе город Верный (будущая столица Казахской ССР Алма-Ата), дали начало Казахстану как части Российской империи. В советский период в Казахстане была построена сильная экономика и развитая промышленность, сформирована система управления республикой, благодаря чему суверенный Казахстан стал стабильно развиваться в новых геополитических условиях.

В условиях отсутствия значимых внутриэлитных противоречий возглавить вновь образованное государство удалось первому секретарю ЦК Коммунистической партии Казахстана Н. Назарбаеву [Борисов 2016, с. 7]. Избрание Н. Назарбаева первым президентом Казахстана обуславливалось также определенным доверием к нему со стороны русского населения Казахстана. На момент распада СССР лишь 39,5% населения Казахстана являлись этническими казахами¹, примерно такое же количество граждан являлись русскими. Более того, среди бывших советских республик, получивших суверенитет, Казахстан занимал последнее место по показателю численности титульной нации, поэтому развитие вновь образованного казахского государства должно было идти с учетом интересов русскоязычного населения.

Вместе с тем нарастающие казахские националистические движения, начавшиеся с беспорядков этнических казахов в Алма-Ате в декабре 1986 г., только усиливали необходимость защиты интересов русских в Казахстане. Н. Назарбаев, декларировавший себя определенным сторонником многонационального государства и приверженцем сохранения и развития отношений с Россией, в глазах избирателей стал гарантом безопасности русскоязычного населения республики.

Как показала история, в период президентства Назарбаева для русскоязычного населения Казахстан стал менее привлекательной страной для проживания [Kosmarskaya, Savin 2021]. Начавшийся в 1990-х гг. процесс формирования новой казахской идентичности, другими словами, процесс «казахстанизации», заключавшийся в принудительном навязывании казахского языка, массовых переименованиях улиц и населенных пунктов с целью ликвидации русских названий, конструировании образов новых национальных героев [Ключарева 2022], занятии руководящих постов власти разных уровней в подавляющем большинстве этническими казахами, а также в усилении казахских националистических сил и росте радикального религиозного экстремизма [Грозин 2019], привел к массовой эмиграции русскоязычного населения из Казахстана. По

¹ См.: Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

данным переписи населения на 2021 г., доля этнических казахов уже составила более 70%, в то время как число русских сократилось до 15,5%².

Очевидна параллель с процессами «украинизации», которые проходили по схожему сценарию. Объясняется тем, что «сценарист» в обоих случаях один и тот же. Так же, как и Украина, Казахстан был и остается подверженным влиянию США и их колониальной политике, проводимой, как правило, тайно, через различные аффилированные фонды. Кроме того, прослеживается сходство и в источнике националистических движений: подобно тому как Польша со своими амбициями по воссозданию новой Речи Посполитой внедряет националистическую идеологию в сознание украинского народа, так и Турция, используя национальные и религиозные связи с Казахстаном, стремится реализовать свои «неосманские» амбиции.

Внутриполитическая обстановка в Казахстане

Президент Н. Назарбаев в период своего правления, несмотря на проводимую многовекторную внешнюю политику, давал приоритет поддержанию и развитию отношений с Москвой, и именно поэтому развитие торговых отношений осуществлял в рамках Таможенного союза, а военную безопасность Казахстана обеспечивал в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Его преемник К.-Ж. Токаев занимает более радикальную позицию и считает, что «Казахстану, находящемуся в центре животворных артерий Евразии, сама судьба предназначала вести так называемую многовекторную политику. Замыкаться на одной стране, пусть очень крупной или влиятельной, для нас было бы неразумно и попросту контрпродуктивно, ибо противоречило бы нашим стратегическим интересам. Казахстан настолько огромен в географическом отношении и важен с точки зрения геополитики, что одномерная внешняя политика была бы совершенно неадекватной его потенциалу» [Токаев 2008, с. 196].

Для молодого государства, получившего суверенитет в результате распада СССР, ведение многовекторной политики между

² Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, «Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан», URL: https://stat.gov.kz/for_users/national/2020 (дата обращения 25 марта 2023).

лидирующими мировыми державами является опрометчивым и даже опасным решением, которое рано или поздно может привести страну к потере суверенитета. Страна должна определиться, с кем в конечном итоге иметь стратегическое партнерство. Подобный путь прошла Белоруссия, которая в свое время также вела многовекторную политику, пока не столкнулась с реальной угрозой потери государственного суверенитета в 2020 г. под воздействием «цветной» революции, руководимой западными кураторами. Этот политический кризис только усилил связи Белоруссии с Россией и укрепил устойчивость ее политической системы.

Подобным политическим кризисом для Казахстана стали январские события 2022 г. Несмотря на мнение некоторых исследователей о том, что устойчивость политической системы Казахстана только возрастает [Гаджиев, Семченков 2021], организованный внешними силами государственный переворот показал неустойчивость политической системы республики. Если бы не вмешательство российских сил ОДКБ, легитимный президент страны мог бы потерять свою власть, а значит, и суверенитет Казахстана оказался бы под вопросом. Однако вместо укрепления связей на этом фоне, Астана, напротив, демонстрирует политику охлаждения отношений с Москвой. Казахстан отказался поддерживать действия России по проведению специальной военной операции, намерен соблюдать введенный коллективным Западом санкционный режим против России, а также стал искать себе новых военных союзников в лице Турции и Китая.

Кроме того, современное руководство Казахстана также демонстрирует противоречивость и непоследовательность и во внутренней политике. Став президентом страны как преемник Н. Назарбаева, К. Токаев после январских событий стал последовательно избавляться от политического наследия своего предшественника. Так, например, президент К. Токаев подписал указ, в котором признал утратившим силу закон «О первом президенте Республики Казахстан – Елбасы», давший привилегии Н. Назарбаеву, столица, ранее по инициативе К. Токаева переименованная в Нурсултан, вновь стала Астаной. Сменилась политическая элита страны: сторонники Н. Назарбаева уходят в прошлое, а на их место приходят сторонники нового президента.

В современном Казахстане роль президента как абсолютного центра всей и всяческой власти в стране подчеркивается как де-юре, так и де-факто [Искаков 2018, с. 253]. Принятие в 2022 г. новой Конституции Казахстана, которую президент К. Токаев декларировал как переход от «сверхпрезидентской» республики к умеренно президентской, в итоге привело к тому, что власть в республике

только укрепились в его руках, в том числе за счет исключения из конституции упоминаний о первом президенте Казахстана.

Также президент К. Токаев укрепил свою власть и в парламенте страны. Распустив его 19 января 2023 г., президент избавился от сторонников политики Н. Назарбаева. Новый парламент стал более националистическим и русофобским, а возглавила его обновленная пропрезидентская партия «Аманат» (53,46% голосов избирателей).

Интересы США в Казахстане

В рамках концепции создания пояса нестабильности вокруг России Казахстан, как и Украина, вызывает особый интерес у США. Более того, Казахстан, являясь еще и центром сосредоточения интересов таких государств, как Китай и Турция, является стратегической целью для Соединенных Штатов, так как контроль над Казахстаном позволит ослабить сразу три мировые державы [Аватков, Ерманалиева 2024].

Особый интерес для США заключается в блокировании развития китайского проекта «Один пояс – один путь», торгового пути, связывающего Европу с Китаем через Казахстан. Контроль США над Казахстаном позволит, таким образом, лишить Китай, Турцию и европейские страны крупного товарооборота, и тем самым затормозить развитие экономик этих стран. В этом плане США реализуют свою политику по ослаблению евразийских стран путем купирования товарооборота между Европой и востоком Евразии.

После неудавшейся «цветной» революции в январе 2022 г. Соединенные Штаты усиливают свое влияние в Казахстане. Послом США в Казахстане назначается Дэниел Розенблюм, ранее руководивший американскими неправительственными организациями во многих других странах мира.

В Казахстане и других странах Центральной Азии с 2020 г. работает американская программа MediaCAMP, рассчитанная на 5 лет и финансируемая неправительственной организацией Internews Network через USAID (Агентство США по международному развитию). На ее реализацию Государственный департамент США выделил 290 млн долларов. Задачи, которые ставятся перед подобными организациями, заключаются в раскачивании «революционных» тем: защита этнических казахов, защита прав заключенных, потеря суверенитета Казахстана в ЕАЭС, ОДКБ и т. д. Цель работы американских НПО остается неизменной – сделать Казахстан сателлитом США.

Не менее существенное влияние США оказывают и на финансово-экономический сектор Казахстана. По состоянию на 2022 г. в Казахстане насчитывается 695 предприятий с американским капиталом, в том числе 658 малых, 15 средних и 22 крупных³. Американский бизнес в Казахстане представлен такими компаниями, как Chevron, ExxonMobil, S&P Global, Boeing, GE International Markets, Honeywell UOP, Philip Morris, Procter & Gamble, Baker Hughes, Halliburton, PepsiCo, MasterCard, Citi, Coursera, StartX, DoorDash, Amazon, Pfizer, Medtronic и Netflix. Основным интересом США вызывает нефтяная и горнодобывающая промышленность Казахстана.

В соответствии с отчетом Казахского института экономических исследований от 19 сентября 2022 года США входят в тройку крупнейших инвесторов в экономику Казахстана. Общий объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из США составил почти 50 млрд долларов США, что составляет 13,5% от общего объема ПИИ, привлеченных в страну. По данным того же источника, валовой поток ПИИ из РФ с 2005 г. составляет порядка 18,7 млрд долларов США, из Нидерландов – 108,2 млрд, из США – 50,1 млрд и из Китая – 22,4 млрд⁴.

Влияние Соединенных Штатов на Казахстан настолько велико, что даже после неудавшейся «цветной» революции в январе 2022 г. [Чаевич 2022], которая, вероятно всего, была устроена американскими неправительственными организациями, президент К. Токаев в сентябре того же года отправился в США, где провел встречу с представителями американского истеблишмента, на которой заявил о надежде укрепления стратегического партнерства между США и Казахстаном.

Более того, накануне поездки в США К. Токаев отказался от получения Ордена Александра Невского за сотрудничество с Россией. Если бы этот жест со стороны России был определенной проверкой для К. Токаева на приверженность дружеским отношениям, то она оказалась бы пройденной. Несмотря на то что именно

³ The Astana Times (2022), “US Ranks Among Top Three Investors in Kazakhstan’s Economy”, URL: <https://astanatimes.com/2022/09/us-ranks-among-top-three-investors-in-kazakhstan-economy/> (дата обращения 17 марта 2023).

⁴ АО «Институт экономических исследований (2022), «Национальный доклад по конкурентоспособности Казахстана», URL: https://economy.kz/documents/Analiz_konkurentospos/Doklads/2022_god._Nacionalnyj_doklad_po_konkurentosposobnosti_Kazahstana.pdf / (дата обращения 17 марта 2023).

Россия в рамках ОДКБ не позволила случиться государственному перевороту в Казахстане, президент К. Токаев продемонстрировал изменение внешнеполитического курса Казахстана в пользу Соединенных Штатов.

Существующее мнение о том, что отношения Вашингтона и Астаны являются партнерскими [Адайкызы 2022], представляется ошибочным, ведь партнер не станет «мягкой силой» принуждать другого партнера к исполнению своей политической воли, а продолжение исполнения воли США еще сильнее затянет Казахстан в «политическую кабалу» Вашингтона.

Интересы Китая в Казахстане

Казахстан является одним из наиболее крупных и важных рынков для Китая на пространстве СНГ. Торгово-экономические отношения Пекина и Астаны характеризуются динамичным развитием [Рахметулина, Карипова 2019, с. 1616]. Китай является одним из основных торговых партнеров Казахстана, доля КНР в общем объеме товарооборота Казахстана по состоянию на 2022 г. составляет 18–19%. Китай нуждается в дешевых энергоресурсах, поэтому активно инвестирует в нефтедобывающие и газовые компании Казахстана. Еще в 2009 г. Китай инвестировал около 9 млрд долларов США на строительство нефтепровода и газопровода. Постепенно под контролем китайских инвесторов оказалась вся добыча нефти в Актюбинской области.

Кроме того, одним из крупнейших проектов Китая в Казахстане является компания «Казахмыс», являющаяся монополистом добычи меди, золота, цинка, никеля, хрома, алюминия в стране. Соответственно более 80% продукции компании идет на экспорт в КНР. Около половины экспорта казахского урана также приходится на Китай. Китай – инвестор для Казахстана, который готов инвестировать в развитие инфраструктурных проектов. В рамках реализации торгового проекта «Один пояс – один путь» в 2019 г. был подписан договор о реализации 55 проектов в Казахстане на сумму 27,6 млрд долларов США.

Помимо экономических интересов, для Китая важна стабильность в регионе. Одной из проблемных территорий Китая является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), непосредственно граничащий с Казахстаном. СУАР наполовину населен уйгурами, которые исповедуют ислам и по этническому происхождению принадлежат, как и казахи, к тюркским народам. Для Китая СУАР является в определенном плане неблагополучной провинцией, так

как экономически регион менее развит, чем восточный Китай, имеются проявления сепаратизма, экстремизма и терроризма из-за национальных и религиозных особенностей населения. Стабильное социально-экономическое развитие и спокойная военно-политическая обстановка в Казахстане нужны Китаю для обеспечения стабильности и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, развития его экономики и недопущения экстремистских и сепаратистских проявлений.

Китай уделяет большое внимание отношениям с Казахстаном. Несмотря на меняющуюся международную конъюнктуру, КНР поддерживает защиту независимости Казахстана, его территориальной целостности и суверенитета, а также выступает против внешнего вмешательства во внутренние дела государства.

Интересы Турции в Казахстане

Распад СССР и появление в результате этого новых тюркских государств стало для Турции привлекательной перспективой по воссозданию «неоосманской империи». Движимая этими амбициями и рассматривая Казахстан как средство для достижения своего геополитического могущества, Турция наращивает усилия по укреплению связей с Казахстаном и влиянию на его политику. Анкару и Астану сейчас связывают этнические, культурные, религиозные и экономические связи, которые в основном формализованы такими организациями, как Организация тюркских государств и Организация исламских государств. Вместе с тем экономика, решение проблем безопасности, религия, образование являются в то же самое время и инструментами «мягкой силы» по продвижению Турцией своих политических интересов в Казахстане [Желдыбаева 2018].

Интерес Турции также связан со строительством транспортного маршрута между Востоком и Западом. В интересах реализации Транскаспийского международного транспортного маршрута, берущего начало в Китае и идущего через всю территорию Казахстана, Турция активно инвестирует в экономику Казахстана. Находясь с визитом в Турции в мае 2023 г., президент К. Токаев заявил, что с участием турецких инвестиций в Казахстане реализован 61 крупный проект на сумму более 2 млрд долларов и осуществляется 25 проектов на сумму более 2,5 млрд долларов. На стадии реализации 54 перспективных проекта стоимостью более 1,3 млрд долларов.

Вместе с тем Анкара и Астана также наращивают военное сотрудничество. Договор о военном сотрудничестве между Ка-

заказаном и Турцией был подписан в 2018 г., в рамках которого в турецких военных вузах проходят обучение казахские офицеры и поставляются некоторые виды турецкого вооружения в Казахстан. Страны договорились о производстве в Казахстане турецких беспилотных летательных аппаратов АНКА, что подчеркивает высокий уровень доверия между странами, так как экспорт производства вооружения Турция совершает впервые и первой такой страной стал Казахстан. Кроме того, сейчас военное сотрудничество Турции и Казахстана выходит на новый уровень. В мае 2023 г. между Турцией и Казахстаном подписано еще одно соглашение о военно-техническом сотрудничестве⁵. Такие действия Казахстана свидетельствуют о поиске новых форматов обеспечения своей военной безопасности, альтернативных его участию в ОДКБ.

Заключение

Таким образом, внутривластная обстановка в Казахстане характеризуется укреплением власти президента К. Токаева. Политическое наследие в управлении страной первого президента Казахстана уходит в прошлое, а новое правительство и парламент подконтрольны президенту К. Токаеву. Действующий президент укрепил и централизовал все ветви власти в своих руках, а также нейтрализовал влияние первого президента Казахстана на управление страной. Но с новой властью меняется и политический курс Казахстана. По мнению руководства Казахстана, сотрудничество с Россией становится невыгодным из-за санкций коллективного Запада, в то время как США, продемонстрировавшие свою силу в январе 2022 г. попыткой государственного переворота в Казахстане, еще больше подчинили его руководство своей воле.

Обладая уникальным геополитическим положением, Казахстан является объектом, который представляет интерес сразу для четырех цивилизаций: русской – Россия, западной – США, ближневосточной – Турция, восточной – Китай. Если Россия и Китай хотят видеть Казахстан стабильным, независимым и развивающимся партнером, то США рассматривают Казахстан как средство достижения своих геополитических целей, который в будущем вполне может стать жертвой американской «демократии» в борьбе

⁵ Forbes Kazakhstan (2022), «Турецкие беспилотники начнут поставлять в Казахстан в июне». URL: https://forbes.kz/articles/pervyie_turetskie_bespilotniki_anka_budut_otpravlenyi_v_kazahstan_v_iyune (дата обращения 10 февраля 2023).

против России. Турция же стремится объединить тюркские государства под своим началом, поэтому рассматривает Казахстан как средство для увеличения своих геополитических возможностей.

В таких условиях ведение многовекторной политики для молодого государства, являющегося объектом особого интереса сразу четырех цивилизаций и в условиях меняющегося мира, является недальновидным и опасным решением. Примером этого является современная Украина, которая, став сателлитом США, рискует прекратить свое существование как суверенное государство. Независимость достигается тяжелыми усилиями, и, как правило, ее нужно завоевать. Однако Казахстан обрел ее без революций и войн, в результате развала СССР, и с такой же легкостью может ее потерять. Три десятилетия суверенитет Казахстана поддерживался прочными связями с Россией, однако с приходом к власти нового президента К. Токаева Астана планомерно разрывает эти связи.

Литература

- Аватков, Ерманалиева 2024 – *Аватков В.А., Ерманалиева А.Р.* Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // *Постсоветские исследования.* 2024. № 1. С. 9–19.
- Адайкызы 2022 – *Адайкызы С.* Концептуальные основы развития отношений Казахстана и США // *Постсоветские исследования.* 2022. Т. 5. № 3. С. 330–340. EDN SMURRN
- Борисов 2016 – *Борисов Н.А.* Учреждение института президентства в Казахстане и Таджикистане: стабильность vs конфликты // *Центральная Азия и Кавказ.* 2016. № 1. С. 7–23.
- Гаджиев, Семченков 2021 – *Гаджиев Х.А., Семченков А.С.* Устойчивость политической системы Республики Казахстан // *Полития.* 2021. № 4. С. 115–144.
- Грозин 2019 – *Грозин А.* Казахстан и угрозы исламистского радикализма и экстремизма // *Постсоветский материк.* 2019. № 2. С. 5–22.
- Токаев 2008 – *Токаев К.-Ж. К.* Свет и тень: очерки казахстанского политика. М.: Восток–Запад, 2008. 540 с.
- Искаков 2018 – *Искаков И.Ж.* Трансформация политических систем России и Казахстана (1991–2011). СПб.: Межпарламентская Ассамблея Евразийского экономического сообщества, 2018. 283 с. (Сер. «Евро-Азиатские исследования»)
- Ключарева 2022 – *Ключарева В.В.* От Казахской ССР до «независимого» Казахстана: Учебник по истории как способ формирования национальной идентичности // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета.* 2022. № 2. С. 96–102. DOI: 10.37386/2413-4481-2022-2-96-102.

- Чаевич 2022 – Чаевич А.В. «Цветная революция» в Казахстане как очередная угроза национальной безопасности России // Власть. 2022. № 1. С. 110–115.
- Рахметулина, Карипова 2019 – Рахметулина Ж.Б., Карипова А.Т. Перспективы сотрудничества между Казахстаном и Китаем в процессе развития транспортного коридора Евразии // Экономические отношения. 2019. № 3. С. 1615–1628.
- Желдыбаева 2018 – Желдыбаева А.Т. Стратегия «мягкой силы» как инструмент политики Турции в отношении Казахстана // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2018. № 34. С. 77–83.
- Kosmarskaya, Savin 2021 – Kosmarskaya N., Savin I. Between emotions and pragmatism. The Russian language in Kazakhstan and the “Russian factor” // Politics of the Russian language beyond Russia / Ed. by C. Noack. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. P. 68–91.

References

- Avatkov, V.A. and Ermanalieva, A.R. (2024), “Kazakhstan as the center of the global players’ clash of interests in the post-Soviet space. Russia, China, the United States, and Turkey”, *Postsovetskie issledovaniya*, no. 1, pp. 9–19.
- Adaikyzy, S. (2022), “Conceptual foundations for the development of relations between Kazakhstan and the USA”, *Postsovetskie issledovaniya*, no. 3, pp. 330–340.
- Borisov, N.A. (2016), “Instituting the presidency in Kazakhstan and Tajikistan. Stability vs conflicts”, *Tsentral’naya Aziya i Kavkaz*, no. 1, pp. 7–21.
- Hajiyev, Kh.A. and Semchenkov, A.S. (2021), “Stability of the political system of the Republic of Kazakhstan”, *Politiya*, no. 4, pp. 115–144.
- Grozin, A. (2019), “Kazakhstan and the threats of Islamist radicalism and extremism”, *Postsovetskii materik*, no. 2, pp. 5–22.
- Tokaev, K.-Zh. K. (2008), *‘Svet i ten’: ocherki kazakhstanskogo politika* [Light and Shadow. Essays of a Kazakhstani politician], Vostok-Zapad, Moscow, Russia.
- Iskakov, I. Zh. (2018), *Transformatsiya politicheskikh sistem Rossii i Kazakhstana (1991–2011)* [Transformation of the political systems of Russia and Kazakhstan (1991–2011)], Mezhparlamentskaya Assambleya Evraziiskogo ekonomicheskogo soobshchestva, Saint Petersburg, Russia. (*Evro-Aziatskie issledovaniya*)
- Klyuchareva, V.V. (2022), “From the Kazakh SSR to ‘independent’ Kazakhstan. A textbook on history as a way of forming national identity”, *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 96–102.
- Kosmarskaya, N. and Savin, I. (2021), “Between emotions and pragmatism. The Russian language in Kazakhstan and the ‘Russian factor’”, in: Noack, C., ed., *Politics of the Russian language beyond Russia*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, pp. 68–91.
- Chaevich, A.V. (2022), “‘Color revolution’ in Kazakhstan as another threat to the national security of Russia”, *Vlast’*, no. 1, pp. 110–115.

- Rakhmetulina, Zh.B., and Karipova, A.T. (2019), “Prospects of cooperation between Kazakhstan and China in the development of the transport corridor of Eurasia”, *Ekonomicheskie otnosheniya*, no. 3, pp. 1615–1628.
- Zheldybayeva, A.T. (2018), “The strategy of ‘soft power’ as an instrument of Turkey’s policy towards Kazakhstan”, in *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniï* [Diary of the Altai School of Political Studies], no. 34, pp. 77–83.

Информация об авторе

Алексей В. Веснин, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bernanke@yandex.ru

Information about the author

Aleksei V. Vesnin, Cand. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bernanke@yandex.ru

Исламский фактор на президентских выборах во Франции в XXI в.

Алексей В. Чистяков

*Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Россия,
alfor4@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, способствующие оценке роли мусульманского населения Франции в президентских выборах, проходивших в стране в XXI в. В частности, раскрываются специфические особенности участия избирателей-мусульман в каждой из состоявшихся избирательных кампаний. Обобщается ряд статистических данных, позволяющих количественно и качественно оценить роль «исламского фактора» в выборных процессах Пятой республики. Одновременно с этим в статье демонстрируется динамика отношения кандидатов на пост главы государства и французского народа к «мусульманскому вопросу», необходимость проработки которого тесно связана как с внутренней, так и с внешней политикой страны. Помимо этого, статья обращает внимание исследователей на неоднозначность понимания населением республики (как обывателями, так и политиками) понятия «светскость», которое входит в «набор» базовых республиканских ценностей, демонстрирует основные подходы к пониманию ее сущности. Фактически в рамках работы автором обосновывается необходимость постоянного мониторинга отношения мусульманского населения Франции к избирательным процессам (в особенности – к президентским выборам) в стране с целью возможности «предсказания» результатов голосований и, как следствие, с целью адекватного и оперативного реагирования на итоги избирательных кампаний.

Ключевые слова: Франция, выборы, ислам, мусульмане, религия, светскость

Для цитирования: Чистяков А.В. Исламский фактор на президентских выборах во Франции в XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 3. С. 133–148. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-133-148

The Islamic factor in the French presidential elections of the 21st century

Aleksei V. Chistyakov

*The Institute of Europe of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, alfor4@yandex.ru*

Abstract. The article deals with issues that help assess the role of the Muslim population of France in the presidential elections held in the country in the 21st century. The author demonstrates the specific features of the participation of Muslim voters in each of the election campaigns held. A number of statistical data are brought together into one whole, which allow an objective assessment of the role of the “Islamic factor” in the electoral processes of the Fifth Republic. The author also demonstrates the dynamics in the attitude of the French people and candidates for the post of head of state to the “Muslim question”, the need to study which is closely related to the country internal policy and to the foreign one. In addition, the article draws the researchers’ attention to the ambiguity of understanding by the population of France (both ordinary people and politicians) of the concept of “secularism”, which is included in the set of basic republican values, demonstrates the main approaches to understanding its essence. In fact, the author substantiates the need for constant monitoring the attitude of the Muslim population of France to the electoral processes (mainly to the presidential elections) in the country in order to be able to predict the results of voting and, as a result, to adequately and promptly respond to the results of election campaigns.

Keywords: France, elections, Islam, Muslims, religion, secularism

For citation: Chistyakov, A.V. (2024), “The Islamic factor in the French presidential elections in the 21st century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 133–148, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-133-148

Введение

Считается, что на сегодняшний день Французская Республика (как и большинство современных государств) представляет собой нации граждан, объединенных на неэтнических основаниях в условиях растущей этнокультурной и религиозной неоднородности [Веретевская 2022, с. 13].

В идеале (в рамках существующей в стране парадигмы норм, ценностей и ориентиров) со временем должно происходить мягкое

поглощение существующих на ее территории этнических единиц, которое должно обеспечивать мирное и планомерное формирование мононационального государства [Харатян 2022, с. 28].

Однако в условиях сохранения высокого потока мигрантов (главным образом из мусульманских стран), недостаточной эффективности национальной интеграционной политики [Биссон 2022, с. 118], а также по причине увеличения силы влияния интеграционных и глобализационных процессов на политическую жизнь страны [Трофимова 2019, с. 75] все большую значимость приобретает вопрос необходимости систематической количественной (и, как следствие, качественной) оценки способности национальных сообществ к влиянию на политические процессы в Пятой республике.

Учитывая то внимание, которое уделяется «исламскому вопросу» во французском обществе, литературно-творческой [Rebaud 2022] и научной среде [Gélard 2017], автор принял решение проанализировать некоторые аспекты, характеризующие способность ислама влиять на избирательные процессы в Республике.

Необходимость систематического анализа соответствующих проблем подтверждается рядом «особенностей», свойственных Франции на современном этапе ее развития. Среди них можно назвать неуклонное (с 2007 г.) снижение доли граждан страны, принимающих участие в президентских выборах, рост числа избирателей-мусульман, зависимых от влияния иностранных духовных лидеров и проповедников, лоббирующих зачастую интересы своих стран-«покровителей», а также неоднократные случаи незначительного «разрыва» в количестве голосов, отданных за кандидатов на пост президента во втором туре.

Исходя из изложенного, представляется интересным и значимым сформулировать ответ на ряд вопросов, характеризующих выборные процессы во Франции: какую роль играет «исламский фактор» в рамках президентских выборов в стране? имеет ли место трансформация этой роли с течением времени? какова динамика числа избирателей-мусульман? способны ли они оказать существенное влияние на результаты выборов? существует ли во Франции единое мусульманское голосование?

Президентские выборы во Франции в 2002 г.

К началу XXI в. сообщество мусульман, проживающих на территории Франции, насчитывало порядка 5 млн человек, при этом, по данным открытых источников, около 2,5 млн из них являлись

обладателями французского гражданства и около 1,7 млн были прихожанами различных мечетей¹.

В то же время, социальные опросы показали, что 2% респондентов в возрасте от 18 лет (т. е. «выполнившие» одно из требований к участию в избирательном процессе) исповедуют ислам [Dargent 2010, p. 227].

Таким образом, можно предположить, что реальное участие в президентских выборах 2002 г. могли принять мусульмане, представляющие собой от 1 до 2% избирательного потенциала республики.

Очевидно и то, что многие из них дистанцировались от выборов. Данный факт отчасти связан с тем, что в этот период (вплоть до 2001 г.) во Франции развивался и пользовался значительной популярностью салафизм квиетистского толка, приверженцы которого были убеждены в необходимости деполитизации ислама [Bonnetfo 2018, p. 184]. Они полагали, что мусульманская вера погрязла в несовершенстве марабутизма, что требовало уделять основное внимание духовной составляющей религии и воздерживаться от прозелитизма и попыток оспаривания права на власть, даже если та принадлежит немусульманам [Amghar 2008, p. 103].

Несмотря на относительную немногочисленность избирателей-мусульман в стране, сам исламский вопрос уже тогда был весьма актуален в ходе предвыборных дебатов.

Так, например, Жан-Мари Ле Пен в ходе своего выступления 23 сентября 2001 г. более 20 раз упомянул различные синонимы слов «мусульманин» и «ислам», указывая на то, что Саудовская Аравия активно финансирует строительство мечетей в Республике, а большинство имамов страны содержатся за счет Алжира. Также он указывал на нежелание иммигрантов (главным образом – мусульман из стран Африки и Азии) интегрироваться, хотя и признавал, что многие французы данного вероисповедания – достойные сыны своего отечества.

Его основной оппонент (по результатам первого тура президентских выборов) – действующий президент Франции Жак Ширак – также обращался к «религиозному вопросу». Еще в 2001 г. он признал, что Франция в долгу перед харки (представителями вспомогательных вооруженных сил из числа мусульман, принимавшими участие в Алжирской войне) и виновна в гибели многих из них. А в 2002 г. он стал первым действующим лидером французского государства, посетившим Большую мечеть в Париже с самого

¹ Dix questions pour connaître l'islam. Le parisien. 17.10.2001. URL: <https://www.leparisien.fr/societe/dix-questions-pour-connaître-l-islam-17-10-2001-2002516883.php> (дата обращения 21 июня 2023).

момента ее открытия. В ходе встречи он указал на необходимость поддержания в достойном состоянии во Франции мусульманских молитвенных площадок, а также на потребность в создании структуры, представляющей интересы мусульман перед государством.

Президентские выборы во Франции в 2007 г.

Обращаясь к вопросам, связанным с президентскими выборами во Франции в этот период, необходимо отметить тот факт, что они проводились с учетом выхода на новый политический уровень лидеров ряда исламских организаций. Эта ситуация стала следствием создания в мае 2003 г. Французского совета мусульманского культа (CFCM) [Galembert 2003], который во многом обязан своим формированием Николя Саркози, находившемуся в тот момент на должности министра внутренних дел [El Karoui 2016, p. 98].

В июне 2005 г. состоялись вторые выборы в данный совет, определившие ряд исламских деятелей и фракций, действующих в составе CFCM и, как следствие, имевших большее влияние на отношение мусульман к тем или иным политическим процессам. Фактически новыми «спикерами», представляющими интересы мусульманского сообщества Пятой республики (к моменту начала избирательной гонки), стали лидеры Национальной федерации мусульман Франции (FNMF), получившие 19 мест в управленческом совете CFCM, Союза исламских организаций Франции (UOIF) – 10 мест, Великой парижской мечети (GMP) – 10 мест, Мусульманского комитета французских турок (CCMTF) – 1 место, скомпенсировавшего свое «проседание» в рамках выборов президентов региональных советов CFCM.

Известно, что до 2005 г. Николя Саркози «покровительствовал» UOIF, расценивая их как силу, способную нивелировать голоса избирателей-бёров, склонных к поддержке «левых» партий и кандидатов на выборах. Однако впоследствии будущий президент республики «отвернулся» от сторонников «Братьев-мусульман», критикуя иммигрантов, резавших овец в ваннах и обещая навести порядок в неблагополучных исламских районах с помощью водометов. В результате UOIF отказал ему в поддержке на президентских выборах, призывая голосовать за Франсуа Байру.

Необходимо отметить, что незадолго до президентских выборов, в сентябре 2006 г., и после своей победы, в октябре 2007 г., господин Саркози посещал Великую парижскую мечеть, что позволяет провести параллель с действиями Жака Ширака, осознавшего роль «мусульманского голоса» в избирательном процессе в республике.

Количественным подтверждением этого факта – возрастания роли мусульман в выборном процессе – можно считать увеличение числа избирателей-мусульман (более чем в 2 раза по сравнению с 2002 г.), которые на момент выборов составляли до 5% от всего избирательного потенциала республики². Однако, как было сказано ранее, резкие перемены, происшедшие в курсе Н. Саркози, лишили его поддержки мусульманского населения республики, которое, в свою очередь, уже воспринималось жителями страны как угроза секуляризму, являвшемуся одной из современных основополагающих ценностей Франции [Barthélemy 2007].

В то же время важно подчеркнуть, что во Франции по состоянию на 2007 г. отвергалось такое понятие, как «мусульманское голосование», царил убежденность, что оно в большей степени существует в качестве политического образа, нежели в качестве реальной сущности. Но в то же время уже допускалась мысль о том, что в ближайшем будущем возможно формирование исламских общественных групп или социальных институтов, заинтересованных в оказании влияния на политические процессы или ход предвыборных кампаний, что подтвердилось со временем [Чистяков 2023].

Президентские выборы во Франции в 2012 г.

Избирательные процессы 2012 г. во Франции продолжили подтверждать тенденцию, в соответствии с которой мусульмане республики все больше разочаровывались в «правых» кандидатах.

Если в 2002 г. за Жака Ширака проголосовали 17% избирателей-мусульман, то в 2007 г. в пользу Николя Саркози отдали свои голоса лишь 8% из них, а в 2012 г. это число сократилось (в первом туре) до 7%, т. е. при отсутствии полного единодушия между мусульманами в вопросах о том, кому бы они хотели доверить управление страной, в их среде точно присутствовала уверенность в том, кому бы они не хотели дать возможность руководить государством – голосовали за любого, кроме Саркози.

При этом еще одним важным фактом, который необходимо отметить, является «смещение влево», выявившееся в ходе голосования. Некоторые представители научного сообщества [Fourquet

² La religion a-t-elle une influence sur le choix du futur president ? France 24. 14.03.2012. URL: <https://www.france24.com/fr/20120314-dis-moi-religion-je-te-dirai-tu-votes-catholique-juif-musulman-UMP-PS-election-presidentielle> (дата обращения 21 июня 2023).

2013] убеждены, что выбор мусульман во Франции «смещен» именно из-за их религиозной принадлежности, а не их возраста, или социально-профессионального слоя, к которому они относятся. Однако несмотря на относительно немногочисленный прирост числа избирателей-мусульман (в сравнении с выборами 2002 и 2007 гг., когда их число увеличилось в два раза), наметилась тенденция, в соответствии с которой уже более половины лиц, участвовавших в социальных опросах (60%), сообщили о своей убежденности в том, что ислам, а также его роль и место во Франции очень важны³.

Еще одна особенность избирательного процесса 2012 г. была связана не только с ростом числа избирателей-мусульман во Франции, но и с вовлеченностью в политические процессы так называемого поколения Y, образованного, активного в интернет-пространстве, зависимого от смартфонов, наблюдающего за предвыборными кампаниями с использованием интернет-площадок и других современных технологий.

Также необходимо подчеркнуть, что в материалах французских СМИ, издаваемых в данный период, отсутствовали растиражированные новости о поддержке того или иного кандидата со стороны крупных мусульманских «фракций» и объединений, однако имел место любопытный факт – использование имени мусульманского духовного лидера Тарика Рамадана для организации околопровокационных действий, в рамках которых Николя Саркози сообщил общественности о поддержке Ф. Олланда внуком основателя движения «Братья-мусульмане», призвавшим голосовать за партию, служащую исламу.

Выборы 2012 г. стали по-своему знаковыми для демонстрации значительности роли, которую мусульмане Франции могут играть в предвыборной гонке. Учитывая, что разрыв между кандидатами во втором туре в 2012 г. составил менее 1,3 млн голосов, а число проголосовавших избирателей-мусульман составило порядка 2 млн человек, становится очевидным (с учетом распределения голосов избирателей – 86 % голосов мусульман за Ф. Олланда и 14% голосов за Н. Саркози⁴), что именно их выбор определил победителя в гонке за президентское кресло.

³ L'image de l'islam en France. Sondage. IFOP. 25.10.2012. URL: <https://www.ifop.com/publication/limage-de-lislam-en-france/> (дата обращения 21 июня 2023).

⁴ Le vote des musulmans a l'élection présidentielle. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/assets/pdf/Ifop-Focus-88.pdf> (дата обращения 21 июня 2023).

Президентские выборы во Франции в 2017 г.

Эммануэль Макрон, возглавляющий партию, воспринимаемую основной массой французского населения в качестве центристской (по мнению 55% опрошенных жителей страны, “*En marche!*” к марту 2017 г. являлась скорее центристской, нежели правой или левой), так же как и многие другие кандидаты, вполне осознавал важность голосов мусульманского электората республики для своего избрания, поэтому он в рамках предвыборной кампании 2017 г. декларировал тезис о том, что колонизация французами Алжира была преступлением. Очевидно, данное заявление было высказано им с целью получения поддержки со стороны соответствующей категории населения, исповедующей ислам.

При этом важно отметить тот факт, что духовные мусульманские лидеры в этот период времени не только обращали внимание своих прихожан на то, что голосование в европейской стране не является для них греховным поступком, но и прямо призывали их к участию в выборах. Одновременно с этим лидеры мусульманских духовных организаций активно демонстрировали свои позиции в СМИ (в том числе – национального уровня), призывая голосовать «за» или «против» конкретных претендентов на пост главы государства.

Так, например, издание “Le Point” сообщило своим читателям о призыве со стороны Великой парижской мечети массово голосовать за Эммануэля Макрона, впоследствии о своей поддержке господина Макрона сообщил СФСМ, а также Союз исламских организаций Франции.

Любопытно и то, что запросы от мусульман, имеющих право избирательного голоса во Франции (на предмет правомерности их участия в выборах), поступали не только в адрес французских богословов, но задавались и иностранным духовным лидерам.

По итогу выборов президент Макрон получил голоса более 2 млн мусульман, что составило подавляющую часть их электората (по некоторым данным – более 90%⁵).

В то же время необходимо разъяснить, что часть голосов избирателей-мусульман традиционно «перепала» и Марин Ле Пен, представляющей интересы партии «Национальный фронт». Вероятнее всего, данный факт связан с тем, что НФ, по убеждению од-

⁵ Les voix des Français musulmans, un atout indispensable pour Macron. Courrier international. 08.04.2022. URL: <https://www.courrierinternational.com/article/vu-d-israel-les-voix-des-francais-musulmans-un-atout-indispensable-pour-macron> (дата обращения 21 июня 2023).

ной группы избирателей, взял на себя обязательства по отношению к репатриантам из числа харки. Другие мусульмане, выступившие на стороне правой партии, полагают, что именно ассимиляция и религиозные практики, не выносимые за пределы «домашнего очага», являются успехом построения ими гармоничной жизни в республике.

Следует отметить, что значимым и отмечаемым в соответствующий исторический период аспектом жизни в республике была убежденность граждан в том, что одной из важнейших ценностей страны (в этом были убеждены 90% опрошенных) является светскость, при этом 74% респондентов полагали, что она находится под угрозой.

Разумным кажется предположение, что данный тезис связывался ими именно с ростом числа мусульман и их активностью на территории страны. Однако на фоне этих высказываний крайне важно заметить, что в общественном сознании французов отсутствовало единое понимание этой самой светскости – так, одни определяли ее как сохранение традиционной идентичности Франции, другие – как свободу исповедовать любую религию, какую пожелают, третьи – в качестве возможности для людей разных убеждений жить вместе.

Президентские выборы во Франции в 2022 г.

К 2022 г. религия вообще и ислам в частности сохранили тенденцию к росту своей значимости в республиканских общественных и политических процессах. Так, например, лексико-метрические исследования показали, что использование слова «светскость» (главным образом в сочетании со словом «мусульмане») по сравнению со второй половиной 1990-х гг. возросло в 10 раз. Учитывая то, как часто политики оперируют соответствующим понятием, и разницу в его понимании французскими обывателями (продемонстрированную в ходе социальных опросов 2017 г.), к очередным президентским выборам французский политолог Филипп Портье выделил четыре модели светскости (две из которых свойственны кандидатам от «правых», а две – от «левых»)⁶:

⁶ La place de la laïcité dans les douze programmes présidentiels. Le Grand Continent. 06.04.2022. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2022/04/06/la-place-de-laicite-dans-les-douze-programmes-presidentiels/> (дата обращения 21 июня 2023).

- ассимиляционная (приверженцы данной модели негативно относятся к эмиграции, ориентируясь на защиту христианских корней нации);
- интеграционистская (сторонники данного подхода к пониманию термина допускают сохранение «индивидуальных взглядов» интегрируемых, пока они не вредят традиционному для страны образу сплочения общества);
- сепаратистская (предполагает строгое разделение, в рамках которого следует придерживаться позиции о том, что необходимо «отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу» – свобода совести должна сочетаться с отказом государства от любой поддержки церквей, а духовная и светская жизнь должны существовать отдельно друг от друга);
- инклюзивная (допускает любое «разнообразие» в рамках главенства закона).

Следует отметить, что действующий президент Французской Республики Эммануэль Макрон в рамках предвыборной кампании 2022 г. придерживался интеграционистской модели светскости⁷, которую он и стремится реализовать в настоящее время на территории страны.

Еще одним важным, ранее не отмечаемым СМИ фактом, характеризующим избирательный процесс 2022 г., является активное использование интернет-площадок (социальных сетей и мобильных мессенджеров), которые применялись для призыва мусульман к голосованию за одного из кандидатов – Жан-Люка Меланшона.

Другой важной «вехой» 2022 г. можно считать развитие идеи по агитации региональными и национальными мусульманскими лидерами своей паствы в вопросах голосования за конкретных кандидатов.

Так, лидер Великой парижской мечети заблаговременно (начиная с февраля 2022 г.) через СМИ призвал всех французов зарегистрироваться в списках избирателей и опустить бюллетень в урну для голосования во время выборов, а непосредственно перед вторым туром (совместно с Объединением мусульман Франции) выступил в поддержку Эммануэля Макрона.

Помимо этого, в ходе данных выборов явным образом проявилось и влияние на избирательные процессы «внешних сил». Так, например, Коллектив против исламофобии в Европе опубликовал инфографику, характеризующую 6 основных кандидатов на пост

⁷ La place de la laïcité dans les douze programmes présidentiels. Le Grand Continent. 06.04.2022. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2022/04/06/la-place-de-laicite-dans-les-douze-programmes-presidentiels/> (дата обращения 21 июня 2023).

главы республики с точки зрения их позиции по вопросу положения ислама в стране, оценивая их по следующим показателям: отношение к закону о сепаратизме, к вопросу ношения мусульманской одежды, склонности к идее закрытия мест отправления культа и корректного (с точки зрения автора инфографики) понимания понятия светскости.

Очевидно, что подобный «ход» некоторым образом способствовал «расстановке приоритетов» потенциальных избирателей, которые, в первую очередь, должны были ориентироваться на кандидатуру Жан-Люка Меланшона, во вторую – на Янника Жадю и лишь в третью – на Эммануэля Макрона⁸.

Статистические данные о президентских выборах во Франции в 2002–2022 гг.

Специфической особенностью Франции является отсутствие систематизированных данных об участии мусульман в избирательном процессе. В значительной степени этот факт обусловлен тем, что в соответствии с Законом о защите данных 1978 г., в республике запрещен сбор сведений, указывающих на вероисповедание респондентов.

В связи с дефицитом соответствующих сведений автором была обобщена информация, имеющаяся в открытых источниках (представлена в табл. 1), а ряд «недостающих» значений, характеризующих участие мусульман в избирательном процессе в стране и «удельный вес» этого участия, был получен на основе расчетов, а также некоторых усреднений и допущений (таких, например, как определение числа мусульман-избирателей в 2022 г. на основе данных *Pew Research Center* в случае их линейного прироста в условиях нулевой миграции). Однако, по мнению автора, такого рода допущения (ориентированные на использование «нижних границ» при применении прогнозируемых значений) «скомпенсированы» значительными исходными неточностями в оценке числа жителей страны, исповедующих ислам (и, как следствие, неточностями в потенциальной оценке числа избирателей-мусульман), господствующими во французских источниках.

⁸ *Présidentielle 2022: chez les musulmans, la tentation Mélenchon*. SaphirNews. 08.04.2022. URL: https://www.saphirnews.com/Présidentielle-2022-chez-les-musulmans-la-tentation-Melenchon_a28766.html (дата обращения 21 июня 2023).

Таблица 1

Статистические данные,
характеризующие «удельный вес» мусульманского населения Франции
в рамках президентских выборов

Показатели / Годы	2002 г.	2007 г.	2012 г.	2017 г.	2022 г.
Число проголосовавших избирателей-мусульман	< 535 000 ⁱ	1 396 000 ⁱⁱ	2 000 000 ⁱⁱ	2 604 000 ⁱⁱ	2 682 000 ⁱⁱ
Процент проголосовавших мусульман (от избирательного потенциала республики)	< 1,2% ⁱ	3% ⁱ	4,1% ⁱⁱ	5,2% ⁱⁱ	5,3% ⁱ
Процент мусульман, которые могли бы голосовать от избирательного потенциала республики	< 2% ⁱⁱ	5% ⁱⁱ	6,75% ⁱ	8,5% ⁱⁱ	9,2% ⁱ
Количество мусульман, соответствующих данному проценту	< 892 000 ⁱⁱ	2 327 000 ⁱⁱ	3 242 000 ⁱ	4 200 000 ⁱⁱ	4 625 000 ⁱⁱ
«Разрыв» во II туре выборов (по числу голосов)	20 012 924	2 192 698	1 139 983	10 104 653	5 481 881
«Разрыв» во II туре выборов (в процентном соотношении)	64,42%	6,12%	3,28%	32,20%	17,08%
Количество голосов, отданных за кандидатов во II туре	31 062 988	35 773 578	34 861 353	31 381 603	32 077 401
Явка во II туре	79,71%	83,97%	80,35%	74,56%	71,99%

ⁱ Значения получены методами экстраполяции или усреднения.

ⁱⁱ Значения получены из открытых источников или рассчитаны на их основе.

В пользу этого факта говорят позиции ряда государственных и научных деятелей Французской Республики, а также анализ результатов ранее проведенных изысканий.

Так, уже в 2010 г. исследование, проведенное Национальным институтом демографических исследований Франции, установило, что число мусульман в возрасте от 18 до 50 лет, проживающих на территории страны, составляет порядка 8% населения.

Экстраполяция этих данных на 2018 г. позволяет говорить о том, что во Франции живет не менее 5 400 000 мусульман в возрасте от 18 до 50 лет.

В 2015 г. посол Франции в Алжире Бернар Эмие заявил о том, что «число французов, имеющих прямые связи с Алжиром, составляет порядка семи миллионов человек».

В 2016 г. Эрик Земмур заявлял о том, что число мусульман в стране, по его оценке, значительно превышает 7% населения.

Азуз Бегаг, французский политик и ученый, также обращал внимание на систематическое занижение числа мусульман, проживающих в республике, предполагая, что их число может достигать 20 млн.

Заключение

Исходя из изложенных выше данных, представляется возможным сделать ряд выводов о роли исламского фактора в избирательных процессах Французской Республики в период с 2002 по 2022 г. В частности, возможно отметить следующие факты.

К 2007 г. исламский вопрос превратился из «инструмента» политического процесса в его активного и непосредственного участника. Если до соответствующего момента он был лишь тем, о чем политики могли говорить и рассуждать, то именно в этот период он обрел право «собственного голоса», который всего за десятилетие (к 2017 г.) получил возможность поддерживать конкретных кандидатов с площадок крупнейших национальных СМИ.

Анализ статистических данных позволяет предполагать, что влияние мусульманского населения республики со временем будет только возрастать, что имеет особое влияние на исход выборов в условиях постепенного снижения активности избирателей.

Несмотря на то что в стране отсутствует «мусульманское голосование», характеризующее сплошным избирательным фронтом лиц, исповедующих ислам, что подтверждается первыми турами выборов, когда их голоса «распылены», во втором туре они неизменно демонстрируют единство в определении своего доверенного

кандидата. Наглядной демонстрацией данной тенденции является избирательная кампания 2012 г., когда именно мусульманское население предопределило во втором туре выборов, кто займет пост главы государства.

Таким образом, в связи с тем что роль ислама во Франции с течением времени будет лишь возрастать (не только по причине роста числа эмигрантов и их потомков, но и в силу периодических всплесков общественного интереса к нему, вызываемых резонансными событиями в обществе), а также с учетом активной поддержки иностранными государствами всевозможных исламских объединений, действующих на территории страны [Чистяков 2023], можно с уверенностью говорить о необходимости дальнейшего систематического мониторинга участия избирателей-мусульман в выборах президента Французской Республики не только с научной, но и с практической целью в интересах прогнозирования исхода очередных избирательных кампаний.

Литература

- Биссон 2022 – *Биссон Л.С.* Интеграция иммигрантов в странах ЕС: к вопросу о методах сравнения // *Этнополитические процессы в современной Европе* / Под ред. П.В. Осколкова, Е.В. Дрожжиной. М., 2022. С. 114–121.
- Веретевская 2022 – *Веретевская А.В.* Роль этничности в современном политическом порядке (в европейском контексте) // *Этнополитические процессы в современной Европе* / Под ред. П.В. Осколкова, Е.В. Дрожжиной. М., 2022. С. 9–17.
- Трофимова 2019 – *Трофимова О.Е.* Миграционная политика Макрона: новые реалии и изменение подхода // *Свет и тени «эры Макрона»* / Под ред. Е.В. Дрожжиной, Н.С. Плевако, С.М. Федорова. М., 2019. С. 74–81.
- Харатян 2022 – *Харатян Г.С.* Нарастание этничности и кризис модели «национального государства» // *Этнополитические процессы в современной Европе* / Под ред. П.В. Осколкова, Е.В. Дрожжиной. М., 2022. С. 23–42.
- Чистяков 2023 – *Чистяков А.В.* «Мусульмане Франции» и «Братья-мусульмане»* (признана террористической организацией в РФ): негласное партнерство // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2023. № 1. С. 170–180. DOI: 10.15211/vestnikieran12023170180.
- Amghar 2008 – *Amghar S.* Le salafisme en France: de la révolution islamique à la révolution conservatrice // *Critique internationale*. 2008. No. 40. P. 95–113. DOI: 10.3917/crii.040.0095.
- Barthélemy 2007 – *Barthélemy M.* Dimensions de la laïcité dans la France d'aujourd'hui // *Revue française de science politique*. 2007. No. 57. P. 649–698. DOI: 10.3917/rfsp.575.0649.

- Bonnefoy 2018 – *Bonnefoy L.* Le salafisme quiétiste face aux recompositions politiques et religieuses dans le monde arabe (2011–2016) // Archives de sciences sociales des religions. 2018. Vol. 181. P. 181–200. DOI: 10.4000/assr.38550.
- Dargent 2010 – *Dargent C.* La population musulmane de France: de l'ombre à la lumière? // Revue française de sociologie. 2010. No. 2. P. 219–246.
- El Karoui 2016 – *El Karoui, H.* Un islam français est possible. Institut Montaigne. P., 2016. 177 p.
- Fourquet 2013 – *Fourquet G.* Le vote des musulmans a l'élection présidentielle // IFOP focus. 2013. No. 88. P. 1–5.
- Galembert 2003 – *Galembert C.* La gestion publique de l'islam en France et en Allemagne: de l'improvisation de pratiques in situ à l'amorce d'un processus de régulation nationale // Revue internationale et stratégique. 2003. No. 52. P. 67–78. DOI: 10.3917/ris.052.0067.
- Gélard 2017 – *Gélardt M.* L'islam en France: pratiques et vécus du quotidien // Ethnologie française. 2017. No. 4. P. 599–606.
- Rebaud 2022 – *Rebaud C.* La Dépossession: ou du remplacisme global. Custines, 2022. 828 p.

References

- Amghar, S. (2008) “Le salafisme en France: de la révolution islamique à la révolution conservatrice”, *Critique internationale*, no. 40, pp. 95–113, DOI: 10.3917/crii.040.0095.
- Barthélemy, M. (2007) “Dimensions de la laïcité dans la France d'aujourd'hui”, *Revue française de science politique*, no. 57, pp. 649–698, DOI: 10.3917/rfsp.575.0649.
- Bonnefoy, L. (2018) “Le salafisme quiétiste face aux recompositions politiques et religieuses dans le monde arabe (2011–2016)”, *Archives de sciences sociales des religions*, vol. 181, pp. 181–200, DOI: 10.4000/assr.38550.
- Bisson, L.S. (2022) “Integration of immigrants in the EU countries: on the question of methods of comparison”, in: Oskolkov, P.V. and Drozhzhina, E.V., eds., *Ethnopoliticheskie protsessy v sovremennoi Evrope* [Ethnopolitical processes in modern Europe], IE RAS, Moscow, Russia, pp. 114–121.
- Dargent, C. (2010) “La population musulmane de France: de l'ombre à la lumière?”, *Revue française de sociologie*, no. 2, pp. 219–246.
- El Karoui, H. (2016), *Un islam français est possible*, Institut Montaigne, Paris, France.
- Fourquet, G. (2013) “Le vote des musulmans a l'élection présidentielle”, *IFOP focus*, no. 88, pp. 1–5.
- Galembert, C. (2003) “La gestion publique de l'islam en France et en Allemagne: de l'improvisation de pratiques in situ à l'amorce d'un processus de régulation nationale”, *Revue internationale et stratégique*, no. 52, pp. 67–78, DOI: 10.3917/ris.052.0067.
- Gélard, M. (2017) “L'islam en France: pratiques et vécus du quotidien”, *Ethnologie française*, no. 4, pp. 599–606.

- Rebaud, C. (2022) *La Dépossession: ou du remplacement global*, Custines, France.
- Veretevskaja, A.V. (2022) “The role of ethnicity in the modern political order (in a European context)”, in: Oskolkov, P.V. and Drozhzhina, E.V., eds., *Etnopoliticheskie protsessy v sovremennoi Evrope* [Ethnopolitical processes in modern Europe], IE RAS, Moscow, Russia, pp. 9–17.
- Trofimova, O.E. (2019) “Macron’s migration policy. New realities and a change in approach”, in Drozhzhina, E.V., Plevako, N.S. and Fedorova, S.M., eds., *Svet i teni “ery Makrona”* [Light and shadows of the Macron era], IE RAS, Moscow, Russia, pp. 74–81.
- Kharatyan, G.S. (2022), “The rise of ethnicity and the crisis of the ‘national state’ model”, in: Oskolkov, P.V. and Drozhzhina, E.V., eds., *Etnopoliticheskie protsessy v sovremennoi Evrope* [Ethnopolitical processes in modern Europe], IE RAS, Moscow, Russia, pp. 23–42.
- Chistyakov, A.V. (2023) “‘Muslims of France’ and ‘Muslim Brotherhood’*. A tacit partnership”, *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 1, pp. 170–180.

Информация об авторе

Алексей В. Чистяков, Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Никитский пер., д. 2; alfor4@yandex.ru

Information about the author

Aleksei V. Chistyakov, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 2, Nikitsky Lane, Moscow, Russia, 125009; alfor4@yandex.ru

Политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 323.2(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-149-170

«Конвертируемость» политических идентичностей молодежи как политическая и научная проблема

Николай И. Шестов

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, nikshestov@mail.ru*

Александр А. Вилков

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, vil57@yandex.ru*

Александр А. Казаков

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия,
aldr.kazakov@gmail.com*

Аннотация. Основную идею данной статьи можно сформулировать следующим образом. Основная задача политической науки – на основе обобщения исторических и современных данных, выявленных исследователем, прогнозировать будущие состояния политических процессов. Применительно к задаче изучения политических идентичностей современной российской молодежи это означает, что для политолога целью изучения нынешнего их состояния является прогнозирование различных вероятных вариантов их будущих трансформаций и соответствующих возможных рисков. Точность прогноза обеспечивает его метод. Настоящая публикация посвящена доказательству необходимости учитывать при политологическом исследовании политических идентичностей их предрасположенность к изменениям, которые авторы условно обозначили как «конвертации». Это предрасположенность к тому, что в границах понятия, посредством которого сознание человека определяет присутствие той или иной ценности в мотивациях его участия в общественно-политической жизни, происходит обмен одного смысла на другой. К тому, чтобы ключевые ценности, связи между которыми превращают гражданскую идентичность в систему и привязывают ее к другим ценностным основам, не утрачивали их мотивационную значимость участия в политике в усло-

© Шестов Н.И., Вилков А.А., Казаков А.А., 2024

виях радикальных изменений последней. Иными словами, суть «конвертации» состоит в трансформации в сознании гражданина прежнего смысла ценностных основ политической идентификации в новый смысл, более адекватный изменившимся обстоятельствам.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентификация, молодежь, политические ценности, политическое участие, конвертация

Для цитирования: Шестов Н.И., Вилков А.А., Казаков А.А. «Конвертируемость» политических идентичностей молодежи как политическая и научная проблема // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 149–170. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-149-170

“Convertibility” of political identities of the youth as a political and scientific issue

Nikolai I. Shestov

*Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia,
nikshestov@mail.ru*

Aleksandr A. Vilkov

*Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia,
vil57@yandex.ru*

Aleksandr A. Kazakov

*Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia,
aldr.kazakov@gmail.com*

Abstract. The main idea of the article can be formulated as follows. Primary task of political science is to predict the future state of political processes based on a generalization of historical and modern data identified by a researcher. In relation to the task of analyzing political identities of modern Russian youth, it means that for a political scientist the goal of studying their current state is to predict various probable options for their future transformations and corresponding possible risks. Accuracy of the forecast is ensured by its method. The publication is proving the need to take into account, in the political science analysis of political identities, their predisposition to changes, which the authors conventionally designated as “conversions”. It’s a predisposition to the fact that within the boundaries of the concept through which a person’s consciousness determines the presence of a particular value in the motivations for their participation in socio-political life, an exchange of one meaning for another occurs. That is, to ensure that the key values, the connections between

which transform civic identity into a system and tie it to other value foundations, do not lose their motivational significance for participation in politics in the conditions of radical changes in the latter. In other words, the essence of “conversion” is the transformation in the consciousness of a citizen of the previous meaning of the value foundations of political identification into a new meaning that is more adequate to the changed circumstances.

Keywords: identity, political identification, youth, political values, political participation, conversion

For citation: Shestov, N.I., Vilkov, A.A. and Kazakov, A.A. (2024), “ ‘Convertibility’ of political identities of the youth as a political and scientific issue”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 149–170, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-149-170

Проблема политической идентичности российской молодежи является одной из самых актуальных в отечественном обществоведении. События последних двух лет, связанные со специальной военной операцией России на Украине, показали, что значительная часть молодежи очень неоднозначно воспринимает внутреннюю и внешнюю политику Российского государства. В качестве официальной реакции на имеющиеся негативные факты в молодежной среде государство ввело ряд мер по усилению патриотического воспитания в школе и вузах, существенно расширило спектр конструктивного воздействия на молодежь в СМИ, сфере культуры и искусства. Это несомненно позитивные, хотя и запоздалые меры (необходимость их введения была очевидной как минимум с 2014 г., когда русофобский вектор США и их союзников по НАТО приобрел открытый и устойчивый характер).

Однако возникает резонный вопрос, достаточно ли тех мер, которые сегодня приняты государством по патриотическому воспитанию, для радикального конструктивного изменения в отношении российской молодежи к своему государству, декларируемым им традиционным ценностям, к его инициативам в различных сферах общественной жизни? Во многом это зависит от того, насколько процессы политической идентификации молодежи будут основываться на совпадении/близости/непротиворечивости смысла ключевых ценностей, определяющих фундамент их мировоззрения и механизм мотивации участия в политике и других сферах общественной жизни.

Актуальность проблематики политической идентификации российской молодежи подтверждается непреходящим вниманием к ней отечественных исследователей. Давно и плодотворно работает

в этом направлении член-корреспондент РАН И.С. Семененко [Политические изменения в глобальном мире 2014, с. 177–200]. Ее последние публикации посвящены политике идентичности в современном зарубежном и отечественном научном дискурсе, политике памяти, как средству целенаправленного формирования идентичности, использованию музеев социальной истории для решения данной задачи [Семененко 2020]. Важнейшее значение имеет ее обоснование необходимости этического поворота в социальных науках [Семененко 2019; Семененко 2021], которое повлияло на выбор темы данной статьи.

Существенное внимание уделяют исследователи проблеме соотношения общегражданской и этнической, региональной, локальной идентичностей [Дробижева 2020а; Дробижева 2020b; Дробижева, Рыжова 2021; Рыжова 2022]. Некоторые авторы обосновывают целесообразность концептуальной интерпретации феномена социальной идентичности сквозь призму дихотомии «свой–чужой». По их мнению, данная дихотомия «является источником огромного количества неформальных социокультурных коммуникаций (центр/периферия, имущие/неимущие, коренные/пришлые и т. д.) и неформальной конвенциональности, в которую включаются идентификация символами прошлого, поведенческие константы, стереотипы речевой коммуникации, фрагменты опыта и др. В пространстве этих полюсов маркируются ценности и смыслы, создаются и разрушаются социальные модели взаимодействий, возникают информационные потоки» [Левичева, Диманс 2023]. Как представляется, данная дихотомия является действительно важной, так как определяет не просто линию размежевания, а определенный уровень напряженности по линии отношений «свой–чужой» и высокий уровень рисков проявления социальных конфликтов между субъектами идентификации. В то же время данную дихотомию вряд ли можно рассматривать как имманентную характеристику любого идентификационного размежевания по линии «мы–они». На наш взгляд, большая часть данных структурных идентичностей носит консолидирующий характер на основе близости разнообразных интересов. Часть из них действительно может приобрести конфронтационный характер (враждующие футбольные фанаты различных клубов представляют наглядный пример таких конфликтных отношений). Но значительная часть идентичностей «МЫ» («мы – моржи»; «мы – любители фэнтези»; «мы – волонтеры»; «мы – лыжники»; «мы – туристы»; «мы – скейтбордисты» и т. д.) не характеризуется дихотомическим восприятием «ОНИ» как «чужого», несущего определенную опасность существованию «МЫ». Этот момент очень важно учитывать

в анализе структуры и ранжирования идентичностей различных групп молодежи.

Значительная группа исследований посвящена непосредственному изучению политических идентичностей российской молодежи [Болотина 2021; Бугайчук 2022; Осинина 2022; Тищенко 2023; Шамионов 2023]. Важное место в предметном поле данных исследований занимает проблематика патриотического воспитания подрастающего поколения. Часть авторов акцент делают на активизации государственных и общественных усилий в этом направлении в условиях проведения СВО на Украине [Абрамов и др. 2022; Алексеенок, Наливайко 2023].

Значительная часть исследований посвящена изучению факторов политической идентификации, связанных с расширением возможностей влияния на данный процесс ресурсов и технологий сети Интернет [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016; Селезнева, Яковлев, Ибрагимов 2021; Солдатенков 2022; Титов 2020]. Это направление действительно является одним из самых злободневных в силу многовекторности, эффективности и неоднозначности воздействия на российскую молодежь. Особенно важным видится научное осмысление отличий позиционирования молодых людей в виртуальном пространстве и их идентификации в физическом, политическом и социальном пространстве.

Понятие «конвертации» представлено в статье И.В. Самаркиной и И.С. Башмакова [Самаркина, Башмаков 2021]. Они рассматривают его как «технологии конвертации потенциала локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи: вовлечение молодежи в практики, формирующие субъектную позицию, публично позитивно оцениваемые лидерами мнений и представителями основных групп городского сообщества, направленные на формирование единого, динамичного, комфортного городского пространства и расширение его субъективного восприятия молодежью, включающего актуальные для молодежи сферы ее жизненного мира» [Самаркина, Башмаков 2021, с. 108]. В рамках такого понимания авторы выявили несколько механизмов конвертации: административно-управленческий, «предполагающий целенаправленное регулирование и активизацию социальной активности молодежи»; «политический механизм, «актуализирующий значимые смыслы за счет конвертации значимых ценностей (патриотических) в локальную и социальную проекцию»; публичный механизм, «включающий в себя общественные организации в качестве инициаторов практик»; сетевой механизм «конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи в цифровом пространстве через

практики использования социальных медиа, интернет-сайтов, форумов для получения необходимой информации, индивидуальные коммуникации, которые использует основная часть молодежи» [Самаркина, Башмаков 2021, с. 108].

Это очень интересный подход, предполагающий анализ обозначенных механизмов и моделей вовлечения локальных сообществ городской молодежи в конструктивную практическую деятельность на благо общества. Думается, что он применим и для других идентификационных групп молодежи (например сельской, провинциальной, отдельных возрастных групп, различных групп по интересам и т. д.). Однако в рамках такого подхода остается вне предметного поля исследования внутренняя мотивация представителей конкретной группы идентичности молодежи, соотнесение смыслов ценностей, которыми руководствуются молодые люди, с тем их пониманием, которые им предлагаются субъектами использования обозначенных механизмов конвертации. Наша статья и представляет собой попытку акцентировать внимание именно на данном ракурсе проблемы политической идентификации.

При всем том что изучение отечественными и зарубежными политологами проблематики политических идентичностей молодежи в предшествующее время осуществлялось довольно интенсивно и продуктивно, остаются нерешенными некоторые актуальные для исследовательской работы проблемы. Настоящая статья предлагает решение одной такой проблемы. Суть проблемы такова. Политические идентичности молодых граждан относительно устойчивы. Эта устойчивость, собственно, и делает их доступными для изучения, а также для прогнозирования границ их вероятных и допустимых отклонений от этой устойчивости по ходу политического процесса. При этом мы знаем, что упомянутые границы отклонений, влекущих за собой разрушение гражданской идентичности, определяют социально-политические ценности. Они являются своего рода «несущим каркасом» любой политической идентичности.

Но что происходит с этим «каркасом», например, если общий идейно-ценностный вектор политического процесса меняется? Причем, как это произошло в России в минувшие десятилетия, довольно быстро. Как гражданам находить выход без ощутимого ущерба уже сложившемуся ценностному «каркасу» своих идентичностей?

Помогает им в этом способ стандартного реагирования сознания на подобные внешние вызовы. Сознание гражданина «конвертирует» смысл тех ценностей, которые формируют «каркас» его политической идентичности. Это ценности высшего порядка. Такие как «справедливость», «свобода», «равенство», «ответственность»,

«солидарность» и т. д. Таковыми их делает не только их назначение – быть ориентирами для установления и укрепления связей между людьми в социуме. Они являются таковыми еще и в силу возможности для человеческого сознания осуществлять выбор в пользу того или иного их смысла.

Что происходит со смыслом при изменении политических условий? Он становится источником риска для устойчивости политической идентичности гражданина и может быть заменен на другой смысл. Тогда как форма (понятие, посредством которого гражданин по ходу своего политического участия публично презентует свою приверженность той или иной ценности) останется прежней, «своей» для большинства других членов его идентификационной группы. Новый же смысл будет таким, который в большей мере, как это представляет себе гражданин, соответствует обновившимся политическим условиям его жизни. Тем самым новый смысл минимизирует риски для его политической субъектности вообще и его политической идентичности в частности.

Когда происходит обмен человеческим сознанием одного смысла на другой, вплоть до противоположного? Чаще всего в такой ситуации, когда человеку при резких поворотах политического процесса либо при резком изменении своего статуса (переход, например, из состояния рядового гражданина в ряды властной элиты) надо решить сложную задачу. Суть ее состоит в сохранении своих социальных связей без нанесения ущерба своей политической субъектности. Иначе говоря, «как сохранить лицо» в ситуации обычных для политики конфликтов интересов властвующих элит и массы рядовых граждан и хотя бы формально продолжать быть на стороне последних. Или как быть членом гражданского общества, но в то же время не превратить свою былую лояльность интересам своего государства в протест против него. Политические ценности, которые упомянуты выше, предоставляют гражданину возможность решить эту задачу.

К решению этой задачи сознание лояльного гражданина идет кратчайшим путем. В пространстве информационно-политических коммуникаций, в дискурсах руководителей государства и представителей интеллектуальной элиты оно ищет и находит готовые интерпретации какой-либо социально-политической ценности, более соответствующие, по мнению гражданина, требованиям политического момента. С этими политически перспективными интерпретациями сознание гражданина солидаризируется либо безусловно, либо с оговорками и самооправданиями типа «плетью обуха не перешибешь». Такая солидарность, даже если она не вполне искренняя, позволяет гражданину (а для молодого гражданина

это принципиальный момент) в изменчивых условиях политики чувствовать себя относительно комфортно, так сказать, на своем месте. Чувствовать, иначе говоря, себя «человеком политическим», у которого никто не может отнять свободу политического выбора и у которого достаёт гибкости ума и смелости в принятии внутренних решений, чтобы ответить на любой вызов со стороны политики и продолжить свое участие в ней.

Понятие «конвертация» в настоящей публикации употреблено условно в том значении, которым пользуются, например, экономисты, когда говорят о конвертации валют. Понятие это обозначает способность одной валюты быть обмененной на другую валюту без изменения исходных характеристик обеих валют. Нечто подобное происходит с тем, как сознание гражданина обменивает одну интерпретацию ценности на другую ее интерпретацию. Чаще всего такой обмен сопряжен с изменением идеологического контекста политики и перегруппировкой в ней основных идейно-ценностных трендов.

Имеет место, надо это подчеркнуть, не создание человеческим сознанием какого-то принципиально нового смысла для той или иной ценности. Происходит именно обмен одного широко распространенного в современных политических коммуникациях ее смысла, нередко увязываемого сознанием гражданина с его симпатиями к идеологической программе какого-либо субъекта политики (либеральной, например), на другой смысл, столь же распространенный и столь же увязанный с идеологическими приоритетами человека (например, консервативный). Исходные смыслы, подлежащие обмену, формируются в процессе коммуникации субъектов политики. Они, в полном смысле, общественное политико-культурное достояние. Но сам обмен происходит в сознании отдельно взятого гражданина в режиме более или менее осознанного им духовного и политического индивидуального выбора.

Правильность своего выбора гражданин далее сверяет с собственными аргументами в его пользу, а также с размышлениями над возможной реакцией на свой выбор со стороны общества и государства. Выбор, не вредящий гражданину, становится императивом его политического участия в новых условиях. Выбор, не прошедший проверку, сознание может аннулировать полностью либо частично. В последнем случае у человека возникает потребность продолжить поиск и опробовать другие обменные варианты.

Нередко это характерно для политических активистов. В их деятельности можно видеть реализацию врожденной творческой энергии, или даже попытку отыграть внутренние комплексы. Но можно это рассматривать и как проявление их специфического

«политического перфекционизма». Иначе говоря, стремления к максимальной целостности ценностной основы своей идентичности, в которой они видят залог успеха своего политического участия. Неслучайно именно молодые граждане часто демонстрируют большую, в сравнении со старшими поколениями, склонность к формированию своей политической идентичности именно в активистском режиме, по ходу участия в различных волонтерских акциях и движениях, политических мероприятиях и организациях, в том числе протестной направленности, т. е. имеет место поиск новых смыслов ценностей в надежде поддержать свою политическую идентичность, столкнувшуюся с новыми политическими вызовами, а не «политическое бескультурье», как часто это определяют исследователи феномена молодежного протеста в современной России. Этот поиск побуждает молодых людей к «идейной всеядности», выражающейся в готовности бороться средствами политического протеста «за все хорошее против всего плохого».

Тот смысл ценности, который сознанием гражданина был лишен актуальности, никуда из этого сознания не исчезает. Он меняет свой статус и функцию, играет роль постоянного «напоминания» гражданину о том, что его идентичность в политике базируется теперь именно на новых по смыслу ценностных основаниях. А значит, такой гражданин в политике не аутсайдер, он, напротив, идет в ногу со временем.

На рубеже минувшего и нынешнего веков, например, в сознании российских граждан произошел обмен одного представления о сути «демократии» как одной из высших политических ценностей на другое представление. Семь десятилетий для граждан СССР только советская демократия наиболее точно и полно воплощала в себе смысл этого понятия вообще, была правильной реализацией этого смысла. По ряду политических обстоятельств, возникших в последней четверти прошлого века (слишком хорошо известных, чтобы специально о них здесь подробно упоминать), советским гражданам интересным и политически перспективным стал видеться либеральный, «западный» смысл той же ценности.

Этот либеральный смысл ценности «демократия», новый для России и весьма старый для «западного» мира, был ответом массового сознания на вызовы политики того периода, на мысль, озвученную тогдашним руководством государства и поддержанную властными и интеллектуальными элитами, что демократическая Россия может и должна вернуться на «магистральную дорогу мировой цивилизации». Только так в политическую реальность вернется, если вспомнить название известного творения кинорежиссера С. Говорухина, «Россия, которую мы потеряли».

Соблазнительная перспектива диктовала массовому сознанию необходимость переосмысления демократии как ценности. Переход к ней для постсоветского общества будет тем ближе, чем оно скорее отвергнет теоретическое и практическое понимание советской демократии.

Либеральный смысл ценности «демократия» существенно обновлял политическую идентичность советских граждан. Они теперь могли идентифицировать себя не только со своей страной, с правами и обязанностями ее гражданина. Они получили возможность стать «гражданами мира», идентифицировать себя со всем «прогрессивным», «свободным» и «цивилизованным» человечеством. В условиях политики «открытости Западу», начало которой положила перестройка, такое обновление смысловых основ политической идентичности граждан позволило относительно быстро переформатироваться (в политико-культурном плане) советскому гражданскому обществу в постсоветское гражданское общество.

Граждане нашей страны стали понимать демократию так, как велено ее понимать «цивилизованному», «свободному» и «успешному» человеку. Готовый шаблон такого взгляда на «настоящую демократию» им предоставили в последней четверти прошлого века сначала «прорабы перестройки». Такие шаблоны были рождены в дискуссиях по политической и экономической проблематике в кругу интеллектуалов типа А. Яковлева и Е. Гайдара, близких к тогдашнему партийному и государственному руководству. Политика перестройки позволила это восхваление либеральной демократии легализовать на фоне критики советской «административно-командной» политической и экономической системы, на фоне борьбы с наследием «советского тоталитаризма» и под маркой «возврата к ленинским демократическим нормам» партийной и государственной жизни. Потом к насыщению массового сознания постсоветского общества шаблонными представлениями о либеральной демократии, как единственно возможной форме существования демократии вообще, подключились апологеты так называемого демократического транзита.

Смысл демократии как ценности гражданской культуры изменился. Но не всеми демократически настроенными гражданами под впечатлением от негативных последствий радикальных, либеральных, политических, правовых и экономических реформ этот «западный» смысл был принят. В гражданском обществе осталось немало носителей прежнего, советского смысла демократии. В результате сложилась ситуация, когда большинство российских граждан были искренне привержены ценностям демократии, но вкладывали в их содержание разные смыслы. Эта разница стала

важнейшим фактором, влияющим на мотивы и стиль коммуникации граждан с российской государственной властью, на логику их электорального поведения и выбора, а также разброс в представлениях о будущем своей страны.

Ценность труда, например, была значимым элементом в структуре идентичности советского молодого человека. Она служила для него даже более значимым идентификатором принадлежности к советскому обществу участников социалистического строительства, чем приверженность коммунистической идеологии и участие в общественно-политических организациях (пионерская организация, комсомол). Неслучайно, в этом смысле, популярность стройотрядовского движения. Труд как ценность связывал воедино другие ценности: равенство, справедливость, солидарность, ответственность, взаимопомощь, общее благо. Однако уже в период перестройки возрастает частота встречаемости в массовых коммуникациях ценности личного успеха. Притом успеха, основой которого является конечно же труд. В науке и публицистике идут дискуссии по поводу исторических альтернатив. И наиболее заметное их направление – это обсуждение вероятности того, что потенциал трудолюбия русского крестьянина, для реализации которого новая экономическая политика (нэп) создала благоприятные условия в виде свободы торговли и легализации частной собственности, мог бы стать основой невероятного успеха самих тружеников и всей страны.

Информационное сопровождение последующих либеральных реформ закрепило отождествление труда с личным успехом. А личный успех уже плохо коррелирует с ценностями солидарности, взаимопомощи, коллективизма, равенства. Зато он коррелирует с ценностью справедливости и комфорта. Комфорта, служащего справедливым вознаграждением для человека, который собственным трудом добился личного успеха. Этим успехом он может поделиться с другими людьми. Но уже не в качестве непосредственного труженика, а в качестве собственника неких материальных и интеллектуальных ресурсов, при помощи которых он может дать возможность трудиться другим и так поспособствовать общему благу, открыть другим людям путь к успеху. Такая корреляция разрушает прежнюю идентичность, выстроенную вокруг ценности труда, как усилий людей, направленных на общее благо.

Ценность труда в структуре новой идентичности остается центральным, системообразующим элементом. Но вокруг нее группируются уже совсем другие ценности – конкуренция, свобода выбора, собственность, потребление, личная выгода. Человек вроде бы тот же, как и его сознание. И он не склонен к социальному

паразитизму. Он готов посвятить свою жизнь труду. Но смысл своего трудового участия он видит в ином ценностном контексте и наделяет его иным смыслом. Его прежняя, советско-коммунистическая идентичность на минимально конфликтном уровне и относительно быстро конвертируется в идентичность либерально-индивидуалистическую. Он сохраняет патриотическое желание трудом приносить пользу своей стране. Но новое, идеологически иное качество его политической идентичности проявляется в том, что это желание у молодого человека находится в зависимости от понимания им своих возможностей добиться личного успеха (комфорта, карьерного роста, повышения социального статуса) здесь, в своей стране. А если гарантии личного успеха минимальны, то для молодого человека, стремящегося идентифицировать себя с сообществом тружеников, личным трудом добывающихся жизненного успеха, естественным будет убеждение, что ценностную парадигму «труд-успех» он точно так же, а возможно даже и лучше, сможет реализовать и в какой-то другой стране, где он для трудовых усилий будет иметь, как ему кажется, более благоприятные условия. Тем самым молодой гражданин, оставаясь по-прежнему носителем идентичности «трудовой» направленности, становится, по общему внутреннему смыслу этой идентичности, так называемым гражданином мира.

Он соответственно становится менее открытым для мер гражданского воспитания, нацеленных на удержание его политической идентичности в патриотическом русле (в русле приверженности интересам своих государства и общества). Вместо этого он становится отзывчивым к воспитательным мерам, посредством которых в его сознании насаждается мысль: трудиться надо там, где более всего существует вероятность обратить свои трудовые усилия в свой личный успех. И трудиться так, чтобы труд был эффективным: при минимуме физических и умственных затрат обеспечивал бы максимум комфорта и благосостояния. А все это может дать труд не в сфере производства, а в сфере торговли и услуг, в том числе в цифровой сфере. Как результат – кадровый голод в реальном секторе российской экономики и необходимость удовлетворять его за счет трудовой миграции, использования вахтового метода в сельском хозяйстве и многих северных регионах.

Точно такой же конвертации достаточно легко поддается ценность солидарности. Она тоже была одной из опор политической идентичности советской молодежи. Популярны были трудовые вахты с последующим перечислением средств в «фонды солидарности» с народами, борющимися против своей колониальной зависимости, публичные протестные акции, «митинги солидар-

ности». Она и сегодня продолжает выполнять свою опорную роль. Как показывают исследования, солидарность для современной молодежи продолжает оставаться значимым идентификатором. Логика в этой ситуации вроде бы нет: как может в условиях рынка и политической демократии солидарность оставаться ценностью не менее значимой, чем конкуренция и личный успех?

Можно сказать, что солидарность создает саму политическую и, вообще, любую другую идентичность. В ней, как в фокусе, сходятся все другие ценностные ориентации индивида и социальной группы. Она эти ориентации приводит в действие, обеспечивая поиск сознанием молодого гражданина группы, с которой он по политическим соображениям готов себя отождествить. По этой причине, как бы ни менялась конструкция политической идентичности, солидарность будет оставаться ее непременным элементом до той поры, пока люди будут жить в обществе и их политическое участие будет определяться их принадлежностью к социальной структуре.

Только вот при перемене политических обстоятельств ценность «солидарность» может обменять свой прежний смысл на новый. Что, собственно, и произошло в массовом сознании в постсоветское время. Прежде солидарность была важным идентификатором в структуре идентичностей советских молодых граждан. Готовность ее признать и публично продемонстрировать на разных общественно-политических мероприятиях и в разного рода информационных коммуникациях открывала молодому человеку возможность участвовать в политике того уровня, который в других случаях ему просто был недоступен – в международной политике. Эта ценность придавала особую значимость идентичности советского молодого гражданина. Он в своих глазах вырастал до уровня человека, от которого зависит судьба «прогрессивного человечества», а возможно, и всего мира.

Полностью из современной политики такое понимание ценности солидарности не ушло. Если бы оно ушло, то не воевали бы сегодня в зоне СВО подразделения, составленные из российских добровольцев, включая даже студентов российских вузов. Но сама российская политика и экономика, все еще сохраняющие отчетливые либеральные и рыночные черты, создали более благоприятные условия для распространения в среде молодежи другой интерпретации этой ценности. Солидарность с теми, кто входит в твой круг общения, кто сочувствует твоим проблемам и интересам, кто готов прямо либо опосредованно помочь тебе лайками в Сети, соучастием с тобой в волонтерском движении или в учебном процессе, поспособствовать твоему будущему личному успеху. Эта солидарность представляет собой не средство приобщения к высоким материям

политики, а инструмент создания, путем расширения и укрепления коммуникаций с людьми «своего круга», больших гарантий для будущего личного успеха.

«Конвертация» смысла ценностей оберегает человека как личность от внутреннего разлада, а как субъекта политики – от избыточного конфликта с той общественной средой, принадлежность к которой, собственно, и определяет его субъектность. Конвертация смысла ценностей позволяет гражданину, не жертвуя своей индивидуальностью, приспособить эту индивидуальность к новым требованиям социальной среды. В России и прежде, и сегодня не в почете политическая беспринципность. Но нет и явного одобрения со стороны гражданского общества попыток некоторых наиболее антигосударственно настроенных его членов выйти в своей публичной протестной активности за границы интересов сохранения и укрепления российского национально-государственного суверенитета.

У гражданина на очередном резком повороте политического процесса остается точка опоры для его идентичности. Некая, образно говоря, формальная и проверенная в его прежних гражданских практиках «ценностная матрица лояльности». Она, эта «матрица», определяет для его сознания границы, в которых возможно безопасное для его самочувствия и самоидентификации экспериментирование со старыми и новыми смыслами политического. «Справедливость» в структуре такой «матрицы» остается «справедливостью», то есть определенным порядком решения значимых для человека и общества проблем, который не выходит за границы исторически сложившихся, традиционных представлений о норме межчеловеческих отношений. «Свобода» остается как декларируемая ценность, т. е. возможностью для человека следовать в своем политическом участии не только общественным, но и личным интересам, определять для себя приоритетность тех и других интересов. «Труд» как ценность остается «трудом», т. е. функцией, благодаря которой человек может легально удовлетворять свои потребности в материальных и духовных благах. Меняется трактовка того, что нужно, а что вредно считать правильным «порядком решения проблем», что есть «личный интерес» и «общественный интерес», что есть «благо» и как должен выглядеть легальный способ его приобретения.

У предлагаемой теоретической новации есть практический смысл. Представление о способности личности конвертировать смысл ключевых социально-политических ценностей восполняет некоторые изъяны в методологии работы политолога с самыми разными предметами исследования, например в методологии по-

литологического анализа электоральных процессов. Сегодня этот анализ основан на допущении, что политическая идентичность у человека на протяжении его жизни относительно устойчива. Это правило распространяется аналитиками, прежде всего, на граждан молодого возраста. Отсюда берет начало оптимизм разработчиков всевозможных «стратегий» и «концепций» российской государственной молодежной политики, различных программ патриотического и этического воспитания российской молодежи. Авторами таких разработок движет уверенность, что формирование патриотической идентичности молодого российского гражданина – это проблема, которая может быть решена однажды. И такое решение способно обеспечить молодому человеку устойчивую политическую идентичность на всю его дальнейшую гражданскую жизнь. Такая уверенность базируется на представлении, что достаточно закрепить в сознании молодого человека ряд политических понятий и придать им нужный обществу и государству смысл, то дальше он будет для российского гражданина путеводной звездой через все тернии отечественной и мировой политики. То есть, если привить сегодня молодому человеку определенное понимание патриотизма как ценности, то он так и будет дальше патриотом в том смысле, который ему изначально внушили. Сама политическая практика, обстоятельства, при которых в условиях начала СВО на Украине складывались взаимоотношения между властью и обществом, свидетельствуют против такого упрощения. Немало «истинных патриотов России», прошедших вполне стандартную школу гражданского воспитания, странным образом оказались за пределами своей страны и даже в рядах ее открытых недоброжелателей.

Если связь между формой артикуляции (понятием) и смыслом ценности не так линейна, как ее часто представляют, то исследователь электоральных процессов может объяснить, например, причину, по которой в последнее десятилетие в России исчезла идеологическая специфика у наиболее крупных и способных влиять на функционирование государственной власти политических партий. В их программных документах сегодня фигурирует довольно стандартный перечень ценностей, на почве которых они предлагают электорату солидаризироваться с партийными интересами в политике. И это тем не менее не ведет к краху отечественной партийной системы, к полной потере партиями контакта со своим электоратом. Возможно, партийный актив вполне адекватно реагирует на растущую способность современных людей, особенно молодых, активно работать с самой разной и легкодоступной им политической и не политической информацией. И самостоятельно использовать ее. В том числе для производства тех смыслов, которыми

можно наполнять свой багаж политических ценностей и которыми можно обмениваться с другими гражданами для упрочения своих политических коммуникаций и повышения своего политического статуса. Роль партийных теоретиков, которые прежде занимались идеологическим творчеством и предлагали своему электорату заранее заготовленные трактовки смысла ключевых политических ценностей, действительно сегодня не так велика, как прежде.

Появляются к тому же дополнительные возможности для построения политологических интерпретаций процессов элитогенеза и внутриэлитарных конфликтов. В частности, это касается проблем, связанных с рекрутингом молодых граждан в ряды государственных управленцев, в актив политических партий и общественных движений. Рекрутинг сопровождается «конвертацией» политических ценностей. Новоявленный представитель административной либо партийной элиты не рвет своих прежних социальных связей. Он продолжает быть патриотично настроенным гражданином. Он идентифицирует себя со «своими» обществом и государством и свою идентичность строит на стандартном для общества перечне ценностей, актуальных для любого нормального человека и лояльного гражданина. Только смысл этих ценностей становится для него уже другим. Рядовой гражданин в большинстве случаев считает справедливым то решение своих проблем, которое ему необходимо для дальнейшей нормальной жизни. Для представителя элиты справедливость – это когда граждане не требуют от него решения тех своих проблем, которые находятся за границами его управленческой либо политической компетенции, а потому способны нанести урон его имиджу «эффективного менеджера», а того хуже – отразиться на его корпоративном статусе и материальном благополучии. На этой почве в демократической политике, которая в идеале должна максимально сплачивать властные элиты с опекаемым ими гражданским обществом, константой является не только конфликт элитарных и гражданских интересов, а еще и конфликт соответствующих интерпретаций тех ценностей, при помощи которых строятся «каркасы» элитарных и гражданских идентичностей.

Предлагаемый теоретический подход может быть использован в анализе внутриэлитарных конфликтов. Такие конфликты нередко возникают на почве разного для различных групп элиты толкования смысла той или иной политической ценности. Наиболее значимые внутриэлитарные коммуникации выстроены обычно по вертикали. В данном случае вероятность ценностного конфликта между начальником, поднявшимся по вертикали власти, и его подчиненными будет обусловлена тем, что в сознании начальника произошла конвертация смысла ценности «демократия». Находясь

на нижних этажах вертикали управления, будущий начальник руководствовался в мыслях и действиях естественно-бюрократическим, так сказать, представлением о «демократии». Ценил ее высоко, как серьезный управленческий риск, который закономерно возникает в процессе принятия и реализации управленческих решений каждый раз, когда участники этого процесса начинают лоббировать частные интересы, устраивать публичные дискуссии о целесообразности этих решений, то есть превращают администрирование в политику. На новом уровне властных компетенций (и чем выше такой уровень, тем выше вероятность такой перемены) руководитель, продвинувшийся по карьерной лестнице и расширивший свои властные компетенции, видит себя уже не только и не столько администратором, сколько политиком. И прежний, ранее актуальный для его сознания смысл ценности «демократия» конвертируется в другой актуализированный его новым положением смысл: «демократия» как возможность для вышестоящего управленца самостоятельно решать, какую долю ответственности за управленческие решения и действия брать на себя, а какую делегировать своим подчиненным. Нынешний, отмечаемый исследователями [Богданов 2023] дефицит в стране высококвалифицированных кадров в системе государственного управления, связан во многом с конфликтом ценностных основ идентичностей управленцев. Этот конфликт является постоянной помехой для решения задачи повышения эффективности государственного управления в нашей стране, которая актуальна уже более двух десятков лет.

Мы признаем дискуссионность рассмотренных предложений, но исходим из предположения, что практика политологических исследований молодежных политических и вообще гражданских идентичностей расширит представления о границах применения данного теоретического подхода. Те направления его использования, которые были намечены в этой публикации, не являются, конечно, решающим аргументом в пользу того, что от использования этого подхода следует ожидать немедленных прорывных результатов. Но приведенные аргументы свидетельствуют в пользу целесообразности продолжения дискуссии на эту тему и апробации обозначенного теоретического подхода в исследовательских практиках политологов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодежи»,

поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the research project “Features of the political identity of provincial Russian youth”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Абрамов и др. 2022 – *Абрамов А.В. и др.* Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов / А.В. Абрамов, А.С. Буров, Б.Д. Вишну, Б.А. Габдулина, А.Э. Джанаева, Р. Калфаоглу, В.М. Капицын, К. Чжуенг, О.Ю. Кокурина, А.М. Костина, Е.Ф. Сергазин, Ш. Цзянина, А.Е. Шапаров // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1212> (дата обращения 24 марта 2024).
- Алексеенок, Наливайко 2023 – *Алексеенок А.А., Наливайко К.В.* Патриотическое воспитание студенческой молодежи: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 3. С. 177–197.
- Богданов 2023 – *Богданов И.О.* Дефицит кадров на государственной службе в Российской Федерации: причины и последствия // Юриспруденция и проблемы обеспечения баланса правовых интересов: Сб. статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 75–77.
- Болотина 2021 – *Болотина И.И.* Состояние государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи РФ: теоретический и прикладной аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2021. № 1. С. 92–105.
- Бугайчук 2022 – *Бугайчук Т.В.* Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 70–80.
- Дробижева 2020а – *Дробижева Л.М.* Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 202–224.
- Дробижева 2020б – *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.

- Дробижева, Рыжова 2021 – *Дробижева Л.М., Рыжова С.В.* Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.
- Левичева, Диманс 2023 – *Левичева В.Ф., Диманс С.Л.* Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 81–82.
- Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016 – *Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А.* Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2. С. 83–97.
- Осинина 2022 – *Осинина Д.Д.* Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 4. С. 97–103.
- Политические изменения в глобальном мире 2014 – Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / Редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 218 с.
- Рыжова 2022 – *Рыжова С.В.* Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31.
- Самаркина, Башмаков 2021 – *Самаркина И.В., Башмаков И.С.* Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99–112.
- Селезнева, Яковлев, Ибрагимов 2021 – *Селезнева А.Я., Яковлев А.Ф., Ибрагимов Э.С.* Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «нескладывающийся пазл» // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 4. С. 110–138.
- Семененко 2019 – *Семененко И.С.* Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис: Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26.
- Семененко 2021 – *Семененко И.С.* Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис: Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45.
- Семененко 2020 – *Семененко И.С.* Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 16–32.
- Солдатенков 2022 – *Солдатенков И.В.* Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации // Via in Tempore: История. Политология. 2022. Т. 49. № 1. С. 197–206.
- Титов 2020 – *Титов В.В.* Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2020. Т. 22. № 4. С. 590–602.

- Тищенко 2023 – *Тищенко Р.В.* Теоретико-методологические аспекты формирования гражданской идентичности подростков // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6. № 2. С. 199–210.
- Шамионов 2023 – *Шамионов Р.М.* Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика»*. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–23.

References

- Abramov, A.V., Burov, A.S., Vishnu, B.D., Gabdulina, B.A., Dzhanaeva, A.E., Kalfaoglu, R., Kapitsyn, V.M., Zhueng, K., Kokurina, O.Yu., Kostina, A.M., Sergazin, E.F., Tsyhanina, Sh. and Shaparov, A.E. (2022), “National identity and patriotism in the context of international crises”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 4, available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1212> (Accessed 24 March 2024).
- Alekseenok, A.A. and Nalivaiko, K.V. (2023), “Patriotic education of student youth. Sociological analysis”, *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 18, no. 3. pp. 177–197.
- Bogdanov, I.O. (2023), “Personnel shortage in the civil service in the Russian Federation. Causes and consequences”, in *Yurisprudentsiya i problemy obespecheniya balansa pravovykh interesov: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Jurisprudence and issues of ensuring a balance of legal interests. Collected articles of the International Scientific and Practical Conference], Penza, Russia, pp. 75–77.
- Bolotina, I.I. (2021), “The situation with state-civil identity among the student youth of the Russian Federation: theoretical and applied aspects”, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 92–105.
- Bugaichuk, T.V. (2022), “Civil identity of the younger generation of Russians. Specifics and patterns of formation”, *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, vol. 14, no. 1, pp. 70–80.
- Drobizheva, L.M. (2020), “Depoliticization of ethnicity. Between the temptation of new theories and social practice”, *Rossiia reformiruyushchayasya* [Russia reforming], no. 18, pp. 202–224.
- Drobizheva, L.M. (2020), “Russian identity. Search for definition and dynamics of distribution”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 37–50.
- Drobizheva, L.M. and Ryzhova, S.V. (2021), “All-Russian identity in the sociological dimension”, *Vestnik Rossiiskoi natsii*, vol. 77–78, no. 1–2, pp. 39–52.
- Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), “Social identity as a result of informal interactions ‘friend/foe’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology, Art Studies”*, no. 2, pp. 81–82.

- Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V. and Ryabchenko, N.A. (2016), "Frontier of the network society", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 83–97.
- Osinina, D.D. (2022), "Basic social ontology and value orientations of modern Russian youth. The issue of political self-identification", *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 12, no. 4, pp. 97–103.
- Ryzhova, S.V. (2022), "Russian identity in regional diversity. The role of trust", *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 13, no. 3, pp. 13–31.
- Samarkina, I.V. and Bashmakov, I.S. (2021), "Local identity. Mechanisms of conversion into constructive socio-political practices of youth", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 99–112.
- Selezneva, A.Ya., Yakovlev, A.F. and Ibragimov, E.S. (2021), "Civic self-awareness of Russian youth and the media space. "An uneasy puzzle", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 4, pp. 110–138.
- Semenenko, I.S., ed., (2014), *Politicheskie izmeneniya v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovaniya* [Political changes in the global world. Theoretical and methodological issues of analysis and forecasting], IMEMO RAS, Moscow, Russia.
- Semenenko I.S. (2019), "Horizons of responsible development. From scientific discourse to political management", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 7–26.
- Semenenko, I.S. (2021), "Discourses of development in social sciences. On the eve of the ethical turn", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 25–45.
- Semenenko, I.S. (2020), "New perspectives on identity politics. Difficult memory in museums of history of the twentieth century", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 5, pp. 16–32.
- Shamionov, R.M. (2023), "The role of civic identity, religiosity, gender and education in youth's commitment to various forms of social activity", *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, vol. 20, no. 1, pp. 7–23.
- Soldatenkov, I.V. (2022), "Political identity on the Internet. The problem of conceptualization", *Via in Tempore. History and Political Science*, vol. 49, no. 1, pp. 197–206.
- Titov, V.V. (2020), "Simulative reality as a challenge to national identity. Theory and Russian political practices", *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, no. 4, pp. 590–602.
- Tishchenko, R.V. (2023), "Theoretical and methodological aspects of the formation of civil identity of adolescents", *Society and Security Insights*, vol. 6, no. 2, pp. 199–210.

Информация об авторах

Николай И. Шестов, доктор политических наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; nikshestov@mail.ru

Александр А. Вилков, доктор политических наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; vil57@yandex.ru

Александр А. Казаков, доктор политических наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; aldr.kazakov@gmail.com

Information about the authors

Nikolai I. Shestov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; nikshestov@mail.ru

Aleksandr A. Vilkov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; vil57@yandex.ru

Aleksandr A. Kazakov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; aldr.kazakov@gmail.com

Формирование
института молодежных политических лидеров
в современной России:
проблемы и перспективы

Иван С. Палитай

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия;*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, 8321532@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования молодежных политических лидеров в нашей стране. В целях всестороннего анализа, выявления проблем и перспектив в данном направлении автором разбираются особенности молодого поколения, сущностные аспекты феномена молодежного политического лидерства, а также результаты исследований на данную тему. Автор приходит к выводу о необходимости формирования молодежных политических лидеров в нашей стране, которые станут для молодых граждан ориентиром для движения в социально-политическом пространстве. Однако в ходе реализации этого процесса необходимо учитывать ряд факторов и обстоятельств. Во-первых, требуется более детальное изучение молодого поколения в целом и отдельных его возрастных когорт в частности с точки зрения ценностных ориентаций, потребностей и мировоззренческих установок. Во-вторых, молодежные лидеры в силу их возраста и нехватки опыта нуждаются в наставничестве со стороны старшей когорты элит, в рамках которого они должны восприниматься как самостоятельные акторы на политическом поле. В-третьих, исследование личностей молодых лидеров показало, что политика рассматривается ими как сфера самореализации и карьерного роста. В результате задача представительства молодежи и отстаивания ее интересов уходит на второй план, что, несомненно, снижает эффективность исследуемого процесса.

Ключевые слова: молодежь, молодое поколение, молодежная политика, лидерство, молодежное политическое лидерство, ценности, политическая элита

Для цитирования: Палитай И.С. Формирование института молодежных политических лидеров в современной России: проблемы и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 171–183. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-171-183

© Палитай И.С., 2024

Formation of an institute of youth political leaders in modern Russia. Issues and prospects

Ivan S. Palitai

State Academic University of Humanities, Moscow, Russia;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

8321532@gmail.com

Abstract. The article analyzes the process of formation of youth political leaders in our country. For the purpose of a comprehensive analysis, identifying issues and prospects in that regard, the author considers the characteristics of the younger generation, the essential aspects of the phenomenon of youth political leadership, as well as the results of research on a particular topic. The author comes to the conclusion about the need to form youth political leaders in our country, who will become a guide for young citizens to move in the socio-political space. However, during the implementation of that process it is necessary to take into account a number of factors and circumstances. Firstly, a more detailed study of the younger generation as a whole, and its individual age cohorts in particular, is required in terms of value orientations, needs and worldviews. Secondly, youth leaders, due to their age and lack of experience, need mentoring from the older cohort of elites, within which they should be perceived as independent actors on the political field. Thirdly, a study of the personalities of young leaders showed that they view politics as an area of self-realization and career growth. As a result, the task of representing young people and defending their interests fades into the background, which undoubtedly reduces the effectiveness of the process under study.

Keywords: youth, young generation, youth policy, leadership, youth political leadership, values, political elite

For citation: Palitai, I.S. (2024), "Formation of an institute of youth political leaders in modern Russia. Issues and prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 171–183, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-171-183

Введение

Развитие России на современном этапе происходит в ситуации большого количества вызовов и угроз, в том числе социокультурного характера, противостояние которым возможно лишь в том случае, если в обществе будет сформирована четкая система ценностей. Именно имеющиеся ценностные ориентиры граждан должны быть основой непротиворечивой картины мира, которая позволит

им отделять «черное» от «белого» и правильно расставлять приоритеты. Разумеется, такого рода задача носит стратегический характер. Именно поэтому во многом она направлена на молодое поколение, которое в контексте обозначенных проблем является самым уязвимым, поскольку формировалось в очень непростых условиях, определяющих, по сути, переходный период в истории нашей страны. Молодым людям как никому необходим ориентир для движения в социально-политическом пространстве, зачастую крайне непонятном для них. Таким ориентиром могут быть молодежные лидеры – те, кто, несмотря на свой возраст, имеет отношение к политической сфере и может наставить молодых людей на нужный путь. При этом важно, чтобы эти лидеры были институализированы, находились в системе. Однако процесс формирования «пула» такого рода лидеров – стратегическая задача, выполнение которой требует не только времени, но и понимания особенностей как молодого поколения, так и самого процесса взаимодействия с ними. Без учета этих аспектов государство может столкнуться с проблемами, которые уже имели место в истории нашей страны [Палитай 2023].

Теоретические основания исследования

Современное молодое поколение. Говорить о молодежи, с одной стороны, легко, поскольку данная категория прописана в законодательстве, где четко определено, кто к нее входит. По сути, это молодые люди, возраст которых не превышает 35 лет. Между тем мы понимаем, что говорить о всей молодежи сразу будет не совсем корректно, поскольку ее внутренняя структура наполнена людьми, отличающимися по своим мировоззренческим установкам и ценностным ориентирам. Так, в самом общем виде среди молодых людей можно выделить тех, кто находится в возрасте 14–17 лет, 18–22, 23–27, 28–30 и 31–35 лет. Данные когорты выделяются по психологическим, социальным, политико-правовым особенностям положения человека в обществе [Государственная молодежная политика 2019, с. 97]. Однако всегда ли необходимо такого рода «дробление»?

Ставя перед собой задачу описать молодое поколение, прежде всего необходимо определиться, что мы будем под этим понимать. В литературе существует огромное количество подходов к трактовке данной категории. Ряд авторов в основу идентификации поколения кладет историко-политический контекст времени их рождения, благодаря чему мы знаем о «детях перестройки»,

«постсоветском поколении» и т. д. Есть подход, согласно которому основанием служит социально-нравственная оценка поколения, что дало нам «потерянное поколение», «поколение конформистов» и т. д. Встречается и обозначение поколений через яркие слова и словосочетания, например, «поколение Z», «поколение ЕГЭ» и пр. Если обратиться к исследователям, которые используют в своих работах те или иные из обозначенных подходов, то мы увидим, что выбор каждого из них определяется целями, которые ставил перед собой исследователь (см., например [Касамара, Сорокина 2017; Сапа 2014]). Будем придерживаться того же принципа.

В рамках проведенного исследования мы исходили из того, что поколением представляется совокупность людей со схожим социализационным контекстом. Нам кажется такой подход максимально релевантным, поскольку социальные условия, в которых формируется личность, во многом определяют ее систему ценностей [Инглхарт 1997], а также отношение к политике и участие в ее процессах [Roberts 2018]. Иными словами, если придерживаться данной позиции, то мы получим, что поколение – это «общность людей определенного возраста, имеющих сходные представления о политике и власти, сформированные в процессе первичной политической социализации под влиянием историко-политического и социокультурного контекста его протекания» [Селезнева 2011, с. 24].

Придерживаясь указанного принципа, попытаемся теперь выявить сущностные особенности молодого поколения на основе описания их формативного периода, т. е. этапа социализации, на который приходится определенные события в истории страны. И в данном случае нам уже необходимо учитывать структуру самого поколения, его возрастные когорты, описанные выше.

Начать следует с того, что старшая когорта молодежи – это люди, первый опыт «столкновения» которых с политикой произошел в период президентства Б.Н. Ельцина. Именно в это время они находились в том возрасте, когда уже можно наблюдать за миром с тем, чтобы сложить свое представление о власти, о том, как устроено общество, что есть «правда». Между тем «лихие 90-е» с этой точки зрения не являются эталонными. В этот период истории нашей страны сложно было определить, «что такое хорошо и что такое плохо». Именно в эти годы было огромное количество примеров того, как кто-то выбивался «из грязи в князи», а кто-то скатывался в нищету, несмотря на наличие образования и профессиональный опыт. Все это происходило на фоне ценностного вакуума, царившего в то время: старая система ценностей была разрушена, а новая строилась «на ощупь», без опоры на какие бы то ни было культурно-исторические принципы и институты. Отсутствие ценностных

ориентиров привело к тому, что нынешняя старшая когорта молодых людей в этом смысле формировалась с довольно большим опозданием. Кто-то из них «закалялся» сложными условиями, кто-то шел по пути наименьшего сопротивления, представляя в дальнейшем не самую лучшую часть молодых граждан.

В связи с тем что государство на тот момент времени в гораздо меньшей степени, чем это было раньше, занималось социализацией молодых людей, основным ее институтом стала семья с ее в большинстве случаев патриархальным устоем и либеральным типом воспитания. Особенно это сказалось на средней когорте молодежи. Мы это связываем с тем, что 90-е годы для большинства российских семей были далеко не самыми простыми. Многие родители были вынуждены не столько заниматься воспитанием своих детей, сколько решением финансовых и бытовых задач. Позже, словно пытаясь компенсировать все это, родители старались оказывать на них как можно меньше давления, беречь их и жалеть, что привело к формированию своего рода выученной беспомощности, проявляющейся в очень слабых навыках по преодолению трудностей и решению жизненных проблем [Селезнева 2022, с. 19–20].

В качестве еще одной особенности взросления молодых людей стоит отметить тот факт, что как таковой единой государственной политики по формированию политического мировоззрения в школе в тот период не было [Палитай 2023]. Многообразие учебной литературы по общественным наукам послужило причиной противоречивости гражданского и политологического образования. Результатом всего этого явилось усиление роли СМИ как института вторичной политической социализации. Как результат – приобретение процессом социализации стихийного и зачастую непредсказуемого характера, что, в свою очередь, привело к формированию разрозненных и несистематизированных политических представлений, являющихся наряду с ценностями основами политической культуры [Молчанова 2008].

Наконец, в политическом становлении молодого поколения большую роль играет Интернет, способный не только предоставить информацию о тех или иных событиях и явлениях, дать им оценку в определенных вербальных и визуальных смысловых конструкциях, но и быть своего рода площадкой для реализации различных типов активности молодых людей. К этому располагает достаточно свободная, мало подверженная цензуре трансляция различных идей. Несмотря на то что в последние годы законодательство в этом ключе претерпело достаточно серьезные изменения, именно Интернет во-прежнему остается средством мобилизации молодежи на прямые политические действия. «Горизонтальная» организация

Интернета позволяет пользователям быть одновременно производителями и потребителями информации, что формирует ощущение значимости, субъектности в протекающих событиях.

Описанные условия явились ключевыми в формировании современного поколения молодых людей. Психологические, социально-психологические и политико-психологические особенности молодежи, разумеется, являются характеристиками и молодых политических лидеров. Между тем далеко не все эти особенности являются желаемыми и востребованными как со стороны общества, государства, так и самой молодежи.

Молодежное политическое лидерство. Исследования на данную тематику встречаются в основном в трудах по политологии, психологии, педагогике и управлению, где раскрываются сущностные стороны данного феномена, критерии, которые лежат в основе его выделения, а также вопросы его формирования и развития. Сразу стоит сказать, что литературы на данную тему не очень много, несмотря на то что тематика лидерства всегда вызывает интерес у исследователей.

Прежде всего стоит отметить тот факт, что молодежными политическими лидерами чаще всего считают руководителей молодежных общественно-политических организаций и движений [Молодежное политическое лидерство 2020]. Однако в 2023 г. вышла коллективная монография «Молодежное политическое лидерство в современной России», в которой суть данного понятия свели к двум тезисам: 1) молодежные лидеры – это лидеры *из* молодежи и *для* молодежи; 2) молодежные лидеры – это, в первую очередь, выходцы из сферы государственной молодежной политики [Молодежное политическое лидерство 2023].

Если придерживаться последнего из обозначенных подходов, то необходимо отметить такое направление исследований, как изучение восприятия молодежного лидерства вообще [Шашкова 2019] и конкретных лидеров в частности [Селезнева и др. 2022], а также труды, посвященные восприятию молодежной политики как сферы «происхождения» и развития данного типа лидеров [Попова, Негров 2019]. На наш взгляд, изучение особенностей и проблем в процессе формирования молодежных политических лидеров необходимо вести именно в русле обозначенных тематик.

Исследование молодежного политического лидерства

Пожалуй, наиболее ярко формирование института молодежных политических лидеров проявляется в рамках молодежных институций при органах власти. К ним относятся молодежные

парламенты, палаты, экспертные советы [Мясоедова 2016]. Самым масштабным и многочисленным по количеству участников можно назвать проект «Молодежная команда страны», реализованный Молодежным парламентом при Государственной думе РФ, Ассоциацией молодежных правительств, Союзом молодежных избирательных комиссий России и Росмолодежью. Проект направлен на поиск, отбор и подготовку талантливых кадров для органов исполнительной и законодательной власти субъектов РФ.

В ходе изучения и анализа информации о Молодежных парламентах нами была отмечена одна тенденция: сегодня все чаще можно наблюдать ситуацию, когда происходит не просто рекрутирование в парламент, но и работа с рекрутированными молодыми людьми внутри института. Для них проводится обучение, включающее в себя, помимо прочего, тренинги, мастер-классы для развития лидерских компетенций. И если ранее это имело точечный характер, то сейчас такой вид работы с членами Молодежных парламентов принял уже системный характер. Однако возникает вопрос: достаточно ли такого рода институциональных процессов? Для полноценного ответа нужно учесть ряд моментов.

Первый сводится к тому, что политического лидера отличает длительное взаимодействие с членами сообщества, которое он представляет. Говоря о молодежном лидерстве, речь, в первую очередь, идет, разумеется, о молодых людях. Именно от того, насколько грамотно выстроены отношения с ними, зависит, будут ли они воспринимать молодых политиков как своих лидеров. Стоит при этом отметить, что взаимодействия эти должны носить длительный характер, а значит, следует говорить о стратегии их выстраивания, что опять же требует определенных знаний о молодом поколении, их ценностях, потребностях и мотивах поведения.

Какой же запрос на лидера сформирован сегодня в сознании молодежи?

Нашими коллегами было выявлено [Молодежное политическое лидерство 2020], что большинство молодых людей, принимавших участие в опросе, видят молодежных лидеров как людей, которые должны формулировать политические идеи/программы (32,3% опрошенных), а также объединять молодежь (29,7%). Эти ответы стояли на втором и третьем месте по популярности. И в этом направлении, конечно, молодым лидерам могут помочь политические технологи и консультанты. Однако самым востребованным направлением политической деятельности было выражение интересов молодежи (52,7%), что снова требует, как минимум, специалистов, способных изучить потребности и запросы молодежи и предложить варианты решения озвучиваемых ею проблем.

Также упомянутое исследование показало, что образ молодежного политического лидера в сознании молодых людей сформирован крайне плохо. Он очень размыт, достаточно фрагментарен и идеологически слабодифференцирован. В представлении молодых людей лидеры в своих выступлениях и действиях затрагивают проблемы, которые слабо соотносятся с проблемами, волнующими молодежь. Более того, в массовом сознании этой прослойки общества практически отсутствует понимание того, как именно публичные политические платформы, используемые молодежными политическими лидерами, могут повлиять на их жизнь. Возможно, объяснением этому служит тот факт, что молодежь воспринимает их в большинстве своем (согласно указанному исследованию) как людей с утилитарными ценностями успеха, основная цель которых – встроиться в систему.

В другом исследовании, основной задачей которого было выявление особенностей образов отдельных молодежных политических лидеров в сознании молодых людей [Селезнева и др. 2022], также было обнаружено, что они сформированы довольно слабо. Один из главных выводов исследователей сводился к тому, что рассматриваемые молодые политики не воспринимаются «своими». Респонденты практически ничего не знали об их деятельности и политических взглядах. Многих даже не знали в лицо, несмотря на то что опрос проводился в период предвыборной кампании, в которой изучаемые лидеры принимали участие.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, мы видим, что молодежь, которая должна быть не только объектом воздействия со стороны лидеров, но и субъектом выстраиваемых взаимоотношений, на сегодняшний день довольно слабо понимает, каков должен быть характер этих взаимоотношений, каким должен быть лидер, представляющий их интересы, и есть ли вообще сегодня таковые.

Второй аспект, на который стоит обратить внимание, связан с тем, что основная функция для политического лидера – неважно, какого он возраста, – была, есть и будет одной и той же – принятие политических решений. Однако в отличие от лидера малой социальной группы решения эти должны приниматься по широкому кругу вопросов. И здесь есть некоторые сложности. Понятно, что молодые политические лидеры, будучи встроенными во властную иерархию в сфере публичной политики или в систему государственного управления, прежде всего отличаются

от своих коллег возрастом. Им не хватает жизненного, а вместе с ним и управленческого опыта. Помимо этого, как показали наши исследования, молодое поколение политиков в целом характеризуется низкой долей людей с образованием социогуманитарной направленности, следовательно, отсутствием прочной теоретической базы устройства общества и закономерности его развития [Палитай 2020; Палитай, Викулина 2020]. Все это актуализирует институт наставничества, который должен работать в том числе и в политической сфере. Между тем важно, чтобы отношения наставника с подопечным выстраивались таким образом, чтобы это не тормозило личностное, профессиональное и карьерное развитие молодого политика, который должен чувствовать себя самостоятельным актором в политике, несмотря на наставления «старшего товарища».

В этом контексте необходимо отметить результаты исследования, проведенного нами в 2022 г., в ходе которого было проанализировано 110 биографий молодежных политических лидеров из разных субъектов РФ, а у части из них (62 человека) взяты глубинные интервью.

На основе проанализированных данных нами были выявлены политико-психологические особенности молодежных лидеров, согласно которым абсолютное большинство из них имеют выраженный компетентностный профиль с набором нормативных характеристик политика. В отличие от политиков старшего поколения преобладающим в их личностном профиле является мотив аффилиации (85,7%) и достижения (80,4%). В их лидерских моделях поведения отсутствует установка на директивность и авторитарные установки. Эти молодые люди нацелены на саморазвитие.

При всех положительных моментах описанных характеристик нами был отмечен тот факт, что изученные нами лидеры фокусируют внимание в большинстве своем на своей персоне, а не на проблемах молодежи, интересы которой они должны представлять. Мотив аффилиации, преобладающий в их профилях, направлен в абсолютном большинстве не на «последователей», а на свою команду либо (что встречается чаще) на тех, кто так же как и они находятся в рамках политического поля. Иными словами, описанные выше качества, несмотря на то что разнятся с качествами «старожил» в политике, в первую очередь используются молодыми людьми для того, чтобы встроиться во властную иерархию и продвигаться в ней.

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о необходимости формирования пула молодежных ли-

дерев, которые в полной мере должны стать образцом для молодежи. Если молодые граждане будут воспринимать этих лидеров как «своих», это во многом положительно скажется на выстраивании ценностных оснований молодого поколения и формировании их гражданской идентичности. Между тем описываемый процесс довольно сложный, требующий учета ряда факторов. Первый из них, являющийся во многом краеугольным, сводится к пониманию отдельных особенностей молодого поколения как субъекта и объекта политических процессов. Из этого фактора вытекает следующий, связанный с необходимостью восприятия молодыми людьми молодежных лидеров как «своих». Однако речь здесь идет не просто о создании последним соответствующего имиджа, а о более тесном взаимодействии лидеров с их «последователями». Помимо этого, важным представляется также то обстоятельство, что на сегодняшний момент существует определенного рода проблема взаимодействия между представителями «старшей» элиты и молодежными лидерами, которые не воспринимаются первыми как самостоятельные акторы в политическом поле. Результатом этого является выстраивание «патрон-клиентских» отношений, которые в значительной мере ограничивают перспективы роста молодых лидеров как в карьерном, так и в личностном отношении.

Если не учитывать эти факторы, то работа, которая сегодня активно ведется с точки зрения институционализации молодежного лидерства, не даст тех результатов, которые необходимы нашей стране для ответа на стоящие вызовы и угрозы.

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема No. FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2023-0003 “Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history”).

Литература

- Государственная молодежная политика 2019 – Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под общ. ред. С.Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019. 448 с.
- Инглхарт 1997 – *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис: Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
- Касамара, Сорокина 2017 – *Касамара В.А., Сорокина А.А.* Советская и постсоветская Россия: исторические представления поколения миллениалов // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 55–66.
- Молодежное политическое лидерство 2020 – Молодежное политическое лидерство в российских регионах / Под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифияпринт, 2020. 216 с.
- Молодежное политическое лидерство 2023 – Молодежное политическое лидерство в современной России / Под общ. ред. А.В. Селезневой, И.С. Палитая. М.: Аквилон, 2023. 314 с.
- Молчанова 2008 – *Молчанова О.А.* Формирование образов государства и политической системы в современной российской школе // Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Аспект-Пресс, 2008. 288 с.
- Мясоедова 2016 – *Мясоедова В.А.* Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2016. № 4. С. 19–28.
- Палитай 2023 – *Палитай И.С.* Молодежное политическое лидерство в России: история и современность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 6 (128). URL: <https://history.jes.su/s207987840027383-0-1/> (дата обращения 5 января 2024).
- Палитай 2020 – *Палитай И.С.* Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис: Политические исследования. 2020. № 5. С. 90–100.
- Палитай, Викулина 2020 – *Палитай И.С., Викулина С.В.* Личностный и профессиональный потенциал молодых депутатов Государственной Думы: политико-психологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 6. С. 69–82.
- Попова, Негров 2019 – *Попова О.В., Негров Е.О.* Молодежная политика глазами самой молодежи: проблема в PR? // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 6. С. 37–58.
- Сапа 2014 – *Сапа А.В.* Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы образования. 2014. Т. 2. С. 24–30.
- Селезнева 2011 – *Селезнева А.В.* Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 22–33.

- Селезнева 2022 – Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон, 2022. 288 с.
- Селезнева и др. 2022 – Селезнева А.В., Божedomова А.Л., Луканина Е.В. Образы молодежных политических лидеров в сознании российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 190–201.
- Шашкова 2019 – Шашкова Я.Ю. Представления молодежи Алтайского края о молодежном политическом лидерстве // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2019. № 12. С. 108–110.
- Roberts 2018 – Roberts K. Youth, political socialisation and political generations / Handbuch Kindheits und Jugendsoziologie, Wiesbaden: Springer VS, 2018. S. 773–784.

References

- Inglkhardt, R. (1997), “Postmodern. Changing values and changing societies”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 6–32.
- Kasamara, V.A. and Sorokina, A.A. (2017), “Soviet and post-Soviet Russia. Historical views of the millennial generation” , *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 55–66.
- Molchanova, O.A. (2008), “Formation of images of the state and political system in the modern Russian school”, Shestopal, E.B., ed., *Obrazy gosudarstv, natsii, liderov* [Images of states, nations, leaders], Aspekt-Press, Moscow, Russia.
- Myasoedova, V.A. (2016), “Formation of the institution of youth political elites in the context of political transformations in the Russian Federation”, *RUDN Journal of Political Science*, no. 4, pp. 19–28.
- Palitai I.S. (2020), “The young generation of the Russian political elite. Status, role and personal characteristics”, *Polis. Political studies*, no. 5, pp. 90–100.
- Palitai I.S. and Selezneva, A.V. (eds.) (2023) *Molodezhnoe politicheskoe liderstvo v sovremennoi Rossii* [Youth political leadership in modern Russia], Akvilon, Moscow, Russia.
- Palitai, I.S. (2023), “Youth political leadership in Russia. History and the present”, *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya*, vol. 14, iss. 6 (128), available at: <https://history.jes.su/s207987840027383-0-1/> (Accessed 5 Jan. 2024).
- Palitai, I.S. and Vikulina, S.V. (2020), “Personal and professional potential of young deputies of the State Duma. Political and psychological analysis”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 6, pp. 69–82.
- Popova, O.V. and Shashkova, Ya.Yu., eds. (2020), *Molodezhnoe politicheskoe liderstvo v rossiiskikh regionakh* [Youth political leadership in Russian regions], Skifiyaprint, Saint Petersburg, Russia.
- Popova, O.V. and Negrov, E.O. (2019), “Youth policy through the eyes of the youth themselves. Is it a PR issue?”, *Sentral Russian journal of social sciences*, vol. 14, no. 6, pp. 37–58.

- Popova, S.Yu., ed. (2019), *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskie osnovaniya i tekhnologii realizatsii* [State youth policy in Russia. Socio-psychological foundations and implementation technologies], Akvilon, Moscow, Russia.
- Roberts, K. (2018), "Youth, political socialisation and political generations", *Handbuch Kindheits und Jugendsoziologie*, Springer VS, Wiesbaden, Germany, SS. 773–784.
- Sapa, A.V. (2014), "Generation Z – the generation of the Federal State Educational Standard era", *Innovatsionnye proekty i programmy obrazovaniya*, vol. 2, pp. 24–30.
- Selezneva, A.V. (2011), "Political-psychological analysis of the political values among modern Russian citizens. Generational cross-section", *Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, vol. 15, no. 3, pp. 22–33.
- Selezneva, A.V. (2022), *Rossiiskaya molodezh': politiko-psikhologicheskii portret na fone epokhi* [Russian youth. A political and psychological portrait against the background of the era], Akvilon, Moscow, Russia.
- Selezneva, A.V., Bozhedomova, A.L. and Lukanina, E.V. (2022), "Images of youth political leaders in the minds of Russian youth", *Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, no. 67, pp. 190–201.
- Shashkova, Ya.Yu. (2019), "Views of the youth in the Altai territory on youth political leadership", *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*, no. 12, pp. 108–110.

Информация об авторе

Иван С. Палитай, кандидат социологических наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Мароновский пер., д. 26;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; 8321532@gmail.com

Information about the author

Ivan S. Palitai, Cand. of Sci. (Sociology), State Academic University of Humanities, Moscow, Russia; 26, Maronovsky Line, Moscow, Russia, 119049;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovskiy Av., Moscow, Russia, 119234; 8321532@gmail.com

УДК 323.2(470.316)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-184-203

Низовая гражданская активность в Ярославской области: проблемы и тенденции развития

Александр В. Соколов

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия, alex8119@mail.ru*

Папик А. Бабаджанян

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия, babajanyanpapik@yandex.ru*

Денис А. Прусов

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия, prusov2013@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются основные характеристики низовой гражданской активности. На данный момент существует много примеров успешного влияния гражданских инициатив на конкретные решения и действия власти. Рост гражданских движений и развитие интернет-технологий привели к тому, что многие инициативы стали формироваться «снизу» от граждан и общественных организаций. Ключевую роль в данном процессе играет взаимодействие между низовыми акторами гражданского общества и представителями власти, в результате которого происходит политическое действие по решению конкретных вопросов. В рамках данной работы дается определение понятия «низовая гражданская активность» и приводятся результаты исследования, где выявлены основные факторы и проблемы, которые влияют на низовую гражданскую активность, а также определены перспективы и тенденции развития низовых гражданских инициатив в Ярославской области. Помимо этого, выявлены технологии и элементы, которые стимулируют развитие низовой гражданской активности. Определенно, активизация низовых гражданских инициатив проявляется несинхронно, что объясняется особенностями конкретного региона и уровнем социально-экономического развития территорий.

Ключевые слова: низовая гражданская активность, власть, государство, общественные организации, гражданское общество

© Соколов А.В., Бабаджанян П.А., Прусов Д.А., 2024

Для цитирования: Соколов А.В., Бабаджанян П.А., Прусов Д.А. Низовая гражданская активность в Ярославской области: проблемы и тенденции развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 184–203. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-184-203

Grassroots civic activity in the Yaroslavl Region. Issues and development trends

Aleksandr V. Sokolov

*P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia, alex8119@mail.ru*

Papik A. Babajanyan

*P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia, babajanyanpapik@yandex.ru*

Denis A. Prusov

*P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia, prusov2013@yandex.ru*

Abstract. The article studies the main characteristics of grassroots civic engagement. At the moment, there are many examples of the successful influence of civil initiatives on specific decisions and actions of the authorities. The growth of civil movements and the development of Internet technologies have led to the fact that many initiatives began to be formed “from below” from citizens and public organizations. The key role in that process is played by the interaction between the grassroots actors of civil society and government representatives, as a result of which political action is taking place to address specific issues. The present work gives the definition of the concept of “grassroots civic activity” and presents the results of the study that identify the main factors and issues that affect grassroots civic activity, as well as identify prospects and trends in the development of grassroots civic initiatives in the Yaroslavl region. In addition, the technologies and elements that stimulate the development of grassroots civic engagement are highlighted. It is certain that the activation of grassroots civic initiatives manifests itself out of sync, which is explained by the specifics of a particular region and the level of socio-economic development of the territories.

Keywords: grassroots civic engagement, government, state, public organizations, civil society

For citation: Sokolov, A.V., Babajanyan, P.A. and Prusov, D.A. (2024), "Grassroots civic activity in the Yaroslavl Region. Issues and development trends", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 184–203, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-184-203

Введение

Создание и укрепление работающих демократических институтов находится в прямой зависимости от гражданской инициативы людей и (или) общественных организаций различной направленности, готовых к коммуникации с властями для решения значимых проблем. Гражданская активность является результатом функционирования гражданского общества – формы добровольной самоорганизации граждан для участия в общественно-политическом процессе в целях достижения или перераспределения общественного блага [Соколов, Барский 2021]. Базовым условием проявления гражданской активности является соблюдение государством формально-правового и реального статуса гражданина. При этом коллективные действия граждан могут быть направлены как на воспроизводство норм общественного порядка, так и на их отклонение [Соколов, Маклашин 2013]. В Российской Федерации на данный момент развиваются новые механизмы осуществления гражданской активности, меняется качество участия граждан. Они более осмысленно вступают в разнообразные общественные процессы, самореализуются в них, объединяются с единомышленниками и пытаются улучшить общество, в котором живут и иницируется это «снизу», то есть от обычных граждан, групп или общественных объединений [Фролов 2014]. Низовая гражданская активность проявлялась уже в середине 2000-х и 2010-х гг. [Королева, Чернова 2018]. Последующие годы внесли в этот процесс значимые изменения: число таких инициатив постоянно росло, и они распространялись на сферы, не связанные непосредственно с имуществом или благосостоянием определенной группы людей.

Обзор научной литературы

В современном обществе гражданская активность играет важную роль в формировании и развитии общественно-политической сферы. В последние годы наблюдается повышенный интерес к исследованию низовой гражданской активности, поскольку она становится все более значимой для создания устойчивых и рав-

ноправных сообществ. В условиях изменяющихся политических, экономических и социальных реалий развитие гражданской активности на местном уровне становится одним из ключевых факторов в построении устойчивой политической системы, направленной на минимизацию формирующихся дисбалансов, демократического и открытого общества [Глухова 2017].

С точки зрения политической науки гражданская активность – одна из форм общественной активности, выражающаяся в неравнодушном отношении к проблемам общества, способности и желании проявлять собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права, это осознание личной ответственности за благополучие государства [Гусарова, Торопова 2012], т. е. гражданская активность представляет собой осознанное участие человека в жизни общества, отражающее его сознательные реальные социально значимые действия, направленные на улучшение состояния общества при разумном соотношении личных и общественных интересов [Пилипенко 2018]. Она зависит от политических, духовных, культурных ценностей общества и человека [Волкова, Гусева 2013].

Одной из форм проявления гражданской активности является низовая гражданская активность. Низовая гражданская активность имеет потенциал в достижении стабильных политических изменений, усилении гражданской идентичности и повышении качества жизни местных сообществ. Ее продвижение и развитие в современном обществе должно быть организовано как государственными органами, так и гражданскими организациями и локальными сообществами. При этом видится несколько проблем, связанных с низовой гражданской активностью. Во-первых, не все граждане заинтересованы в участии в общественной жизни и могут рассматривать ее как бремя, а не как возможность влиять на свой район или город. Во-вторых, низовая гражданская активность может столкнуться с сопротивлением со стороны профессиональных политиков, которые зачастую не готовы встраивать участие граждан в процессы принятия решений [Круглов 2012].

Стоит отметить, что низовая гражданская активность (grass activity) рассматривается в разных теориях демократии, являясь одним из ее основополагающих понятий [Петухов 2012]. Подходы к пониманию низовой гражданской активности различаются в зависимости от того, какие аспекты активности исследуются и какие теоретические подходы применяются. Так, некоторые ученые под низовыми гражданскими инициативами выделяют идеи и проекты, которые реализуются сообществами граждан, а не профессиональными НКО [Волкова, Гусева 2013]. Другие исследова-

тели демонстрируют, что стремление сохранить от уплотнительной застройки либо преобразовать локальное пространство приводит к конфликтному взаимодействию [Fröhlich 2020]. Третьи акцентируют внимание на преобразующем потенциале активистов, создающих элементы инфраструктуры, трансформирующих публичные пространства [Москалева, Тьканова 2016]. Ряд исследователей отмечает способность низовой гражданской активности формировать новые правила для взаимодействия [Elliott-Negri etc. 2021].

Отдельный блок исследователей анализируют трансформацию среды, в которой осуществляется низовая гражданская активность. Они акцентируют внимание на существенном возрастании роли информационно-коммуникативных технологий, которые создают цифровую инфраструктуру гражданско-политического активизма [Володенков, Федорченко 2021], единые социальные пространства взаимодействия ключевых стейкхолдеров территорий [Bhavpani, Reul 2019].

Низовые инициативы дифференцированно влияют на социальные изменения в обществе, формируя практику активного и непосредственного участия населения в локальных проблемах [Парма 2022]. Обычно создание таких движений инициируются людьми, объединенными общей проблемой. Они часто образуются из-за давления или ущемления прав и свобод граждан со стороны государства или коммерческих структур [Васильева и др. 2020]. Участники низовых инициатив ориентированы на решение своей локальной проблемы, после решения которой нередко прекращают свою коллективную деятельность, но некоторые продолжают работу в других сферах [Головин, Фролов 2016].

В отечественной науке можно выделить три наиболее рассматриваемых подхода к пониманию низовой гражданской активности:

1. Политический подход, который анализирует роль граждан в формировании политической повестки, выборах, общественных слушаниях и лоббировании интересов. Такой анализ помогает понять, как низовая гражданская активность влияет на политические решения и формирование общественного мнения [Круглов 2015].

2. Социальный подход связан с социальными движениями и организациями гражданского общества, он рассматривает гражданскую активность в контексте борьбы за социальные изменения, права человека, экологическую справедливость и другие социально значимые вопросы [Фролов 2014].

3. Экономический подход исследует влияние гражданской активности на экономическое развитие, улучшение социальных условий и создание равноправных возможностей, анализирует взаимодействие между гражданской активностью и государственными

и частными организациями, а также выявляет эффективность различных подходов к решению социальных проблем [Парма 2022].

Исходя из вышесказанного, под низовой гражданской активностью мы понимаем форму участия граждан, неформальных движений и формальных объединений в общественной жизни, осуществляемую на уровне местных сообществ и направленную на решение локальных проблем самостоятельно, или в совместной работе с сообществом и/или местными органами власти. Источником низовой гражданской активности являются инициативы активного и непосредственного участия населения в решении локальных проблем, которые стимулируют социальные изменения в местных сообществах.

Методы

Целью исследования является выявление основных характеристик развития низовой гражданской активности в Ярославской области

Эмпирической базой для исследования выступили результаты глубинного интервью экспертов по формализованной анкете, проведенного в июле-августе 2023 г. в Ярославской области. Анкета содержала 15 вопросов по теме низового гражданского активизма, благодаря которым можно было выяснить ключевые характеристики низовой гражданской активности.

Экспертами выступили специалисты Ярославской области, которые в своей профессиональной деятельности связаны с низовой гражданской активностью. Основными критериями отбора экспертов стала их компетентность и осведомленность в предметном поле исследования. В опросе приняли участие 7 сотрудников органов государственной власти, 5 сотрудников органов местного самоуправления, 7 сотрудников государственных и муниципальных организаций и учреждений, 8 руководителей некоммерческих организаций, 1 гражданский активист, 3 руководителя ТОС, 2 депутата муниципальных образований и 1 сотрудник университета. Всего 34 эксперта.

Критерий компетентности экспертов определялся степенью информированности о специфике гражданской активности граждан; знанием механизмов функционирования региональной политической системы; опытом деятельности в сфере публичной политики и/или в органах власти; высоким уровнем осведомленности об основных акторах регионального общественно-политического процесса; информированностью о ключевых параметрах политической

конъюнктуры региона. Опрос проводился с помощью телефонного звонка или очных встреч по предварительной договоренности с экспертами. В процессе обработки данных применялся метод обобщения независимых характеристик, позволивший сформировать обобщенную оценку отдельного явления на основе информации, полученной от нескольких независимых экспертов.

Факторы, влияющие на развитие низовой гражданской активности в Ярославской области

В большинстве случаев эксперты говорили о том, что на развитие нисовой гражданской активности влияет несколько факторов: общественно-политическая обстановка, уровень развития гражданского общества и политической культуры в регионе, индивидуальная готовность гражданина к активным действиям, а также развитая и поддерживающая законодательная база.

Значительная часть экспертов обратила свое внимание на фактор обратной связи (в том числе связанный с развитием форм коммуникации с органами региональной и местной власти в онлайн-пространстве). Граждане, при обращении к органам власти и их реакции, понимают, что их гражданская позиция приводит к реальному решению проблем. Это, безусловно, влияет на развитие нисовой гражданской активности («Если человек совершает конструктивные действия, направленные на развитие государства, то в дальнейшем они должны поддерживаться и развиваться через “прозрачные” лифты-государства»).

Помимо этого, эксперты отметили, что важным фактором вовлечения в нисовую гражданскую активность является лёгкость первичного «входа». Любая точка «входа» должна быть понятной и простой, не требовать от человека больших усилий. Другими словами, человек, который готов реализовать какие-либо общественно значимые и полезные идеи, не должен сталкиваться с препятствиями на пути поиска отправной точки такой деятельности.

Отдельно стоит отметить, что одним из факторов, влияющих на развитие нисовой гражданской активности, является наличие и функционирование социальных лифтов. Это означает, что гражданская активность должна давать возможность не только добиться какого-либо результата в решении проблемы, но и предоставить возможность для некоего общественного роста («Здесь <в Ярославской области> к этому <гражданской активности>

есть интерес. Считается, что у нас гражданское общество, до всех событий, было развито более чем где-либо. Поэтому, безусловно, лифты. Если нет лифтов общественных, любых на самом деле. Если они не работают и активность упирается только в решение проблемы, то оно развиваться не будет»).

В качестве негативного фактора целесообразно отметить большое количество широко транслируемых в СМИ и соцсетях фактов привлечения к ответственности активистов за выражение своей позиции, в том числе даже за «лайки», что формирует ситуацию непредсказуемости реакции государства в том или ином случае, которая ведет к самоцензуре поведения «интеллектуальных активистов», постепенно «исчезающих» из регионального публичного пространства.

Роль информационно-коммуникативных технологий в низовой гражданской активности

Большинство опрошенных экспертов убеждены, что развитие Интернета оказало значительное влияние на низовую гражданскую активность. При этом эксперты разделились во мнениях о том, является ли данное влияние позитивным или негативным.

С одной стороны, эксперты говорили, что ИКТ значительно повысили скорость коммуникации между всеми субъектами (организаторами, активными гражданами, органами власти, некоммерческими организациями). Кроме этого, можно отметить тот факт, что Интернет позволил создать новые формы низовой гражданской активности (касается в основном взаимодействия с органами региональной или местной власти). Отдельно стоит обратить внимание на роль социальных сетей и мессенджеров. Данный механизм, по мнению ряда экспертов, позволяет более эффективно решать возникающие проблемы, а также рекрутировать человеческие ресурсы для реализации какого-либо мероприятия. Через мессенджеры люди с близкими целями и гражданской позицией могут взаимодействовать, но при этом находиться в разных регионах.

Также эксперты обратили внимание на то, что интернет-пространство твердо закрепилось в процессе низовой гражданской активности. Например, чтобы написать проектную заявку на получение гранта, необходимо указывать в проекте то, где в Интернете будет размещаться информация о реализуемом проекте. В настоящее время представлен серьезный информационный пул, где можно увидеть гражданскую активность. Стало нормой жизни, чтобы каждый на своей странице транслировал и популяризировал ка-

кие-то добрые/полезные дела и свои проекты. В частности, ТОСы активно ведут свои странички в ВКонтакте, где делятся своими успехами. Другие, глядя на их успехи, хотят реализовать у себя что-то похожее («В настоящее время в ТОС широко распространена практика освещения мероприятий, для того чтобы жители могли своевременно узнать о том, что интересного и важного происходит в месте их проживания»). Доносить свои идеи, мысли и предложения сейчас стало проще. Этому помогает увеличение открытости органов власти – они создают различные онлайн-площадки, где можно высказывать свои идеи; должностные лица активно ведут страницы в сети Интернет, где каждый желающий может оставить комментарий и вопросы, на которые сможет получить ответ.

С другой стороны, многие эксперты считают, что Интернет перенасыщен информацией («Зачастую важные, нужные и полезные инфоповоды могут не доходить до человека, которому они интересны, из-за большого количества информационного шума»). Кроме того, некоторые эксперты отметили, что из-за частого использования ИКТ виртуальное пространство заменяет реальное и люди, которые активно высказывались в онлайн, не готовы реально действовать в офлайне. Живое («аналоговое») общение никаким образом не должно быть полностью заменено на виртуальное.

Усугубляется проблема еще и тем, что в интернет-пространстве сейчас распространены псевдопрофили (боты, байтеры, тролли), которые могут исказить своими комментариями и отзывами (в социальных сетях) реальное положение дел. Интернет позволяет гражданину вести себя совсем не так, как он вел бы себя в рамках живого общения (происходит определенное раздвоение личности, когда в сети человек чувствует себя расслабленным, как будто это вовсе и не он пишет). Есть активисты, которые в сети используют ненормативную лексику, допускают грубости и оскорбления, которые несвойственны и невозможны в традиционном формате общения. В случае, когда активист продвигает ту или иную тему на офлайновой площадке, он не ждет обезличенных грубых окликов, оскорблений, оценочных суждений о его личности, внешнем облике, человек готовится к выступлению, оппонированию, проверяет факты. Оказываясь в интернет-пространстве, столкновение с хамством, личными выпадами неограниченного количества неизвестных граждан, которые оскорбляют, унижают, снижает желание реального эксперта в той или иной сфере быть инициатором и организатором деятельности в онлайн-пространстве. Неумение работать с хейтерами – важный фактор, снижающий уровень онлайн-активизма. Интернет-лидерство требует новых навыков общения и реагирования.

По мнению экспертов, все также актуальна проблема утечки персональных данных пользователей. Вопрос безопасности личных данных – один из самых острых в вопросе работы человека с новыми онлайн-платформами, приложениями и т. д.

Отдельно стоит выделить мнение о том, что развитие Интернета не оказало сильного влияния на трансформацию низовой гражданской активности. Эксперт, который высказал данную точку зрения, убежден в том, что чего-то кардинально нового Интернет не создал («Если бы не было Интернета, то активисты нашли <бы> другой канал коммуникации»). Близок по смыслу был ответ еще одного эксперта, который считает, что «в общем понимании Интернет никак не влияет на развитие низовой гражданской активности. Финансовая поддержка со стороны организаций, фондов и правительства влияет в большей степени, чем социальные сети».

Тенденции развития низовой гражданской активности

Большинство респондентов опроса говорили о том, что примеров низовой гражданской активности в Ярославской области становится все больше. Это связано с различными аспектами: развитие регионального гражданского общества, увеличение открытости местных органов власти, появление новых тематических направлений, федеральные инициативы, формирование запроса на оказание помощи участникам СВО и их семьям и т. д. По мнению экспертов, люди становятся более заинтересованными в том, чтобы их мнения учитывались при решении каких-либо государственных вопросов или на уровне муниципального образования и региона («Они <люди> это делают с целью донести свои мысли до представителей власти»).

В то же время эксперты разделились во мнениях о том, как развивается низовая гражданская активность. Часть экспертов считают, что гражданская активность в Ярославской области становится более упорядоченной, вертикальной и, возможно, централизованной. Причиной этого, по мнению респондентов, является то, что гражданская активность (в том числе и низовая), в основном инициируется институтами власти, для того чтобы решить интересующие ее проблемы на местах. Эксперты высказали некоторые опасения насчет усиления администрирования низовой гражданской активности, выстраивания вертикали управления и контроля ее субъектов (как было обозначено – «возвращения к советской модели»).

Кроме этого, важно отметить, что одной из тенденций развития низовой гражданской активности в Ярославской области называлось активное развитие органами власти территориального общественно-самоуправления («Ему <территориальному общественному самоуправлению> уделяется большое внимание. Это развитие института, допустим, председателей совета дома. Сейчас из-за того, что мы много делаем мероприятий для этой категории людей со стороны органов местного самоуправления, они со своей стороны также активизируются, больше включаются в жизнь города»). В 2023 г. принят региональный закон о развитии ТОС, началась регистрация ТОС в форме юридических лиц. Однако следует отметить наличие целого ряда организационных и юридических проблем в данном направлении.

Другая часть экспертов указывают тенденцию развития сетевого взаимодействия между участниками низового гражданского активизма. Так, эксперты отмечают, что если 10 лет назад человек мог развиваться только в рамках постоянного и фиксированного сообщества (прикрепление к какой-либо организации для пользования всеми механизмами поддержки), то сейчас ему достаточно иметь одного-двух друзей, с которыми он хочет решать какую-то социальную проблему и формировать команду проекта. Взаимодействие с другими акторами на территории и в социуме становится более опосредованным. При этом данное взаимодействие, с одной стороны, становится менее значимым, а с другой – более легким, в случае потребности – более интенсивным и вариативным (в том числе в результате развития ИКТ и предоставляемых ими возможностей). Такие малые объединения и яркие личности быстро могут набрать популярность даже без прямого взаимодействия с органами власти, просто используя региональные интернет-ресурсы, которые будут готовы опубликовать информацию, например «Жесть Ярославля» (более 260 тысяч участников).

Значительная часть экспертов считает, что в Ярославской области низовая гражданская активность ориентирована не на решение какой-либо серьезной проблемы, а на проведение мероприятий в сфере культуры посредством форумов и фестивалей, в лучшем случае для обсуждения локальных проблем в регионе.

Помимо этого, эксперты высказали мнение, что активисты в последнее время избегают критики власти, становятся более социально ориентированными и предпочитают привлекать к решению проблемы (посредством писем и запросов) первых лиц региона (губернатора и (или) мэра города) или депутатов («В понимании прошлых лет “активист” – это что-то в противовес власти. Сейчас же происходит процесс интеграции, когда гражданская активность – это продуктивное решение каких-то проблем»).

Барьеры и стимулирование низовой гражданской активности

Эксперты неоднократно отмечали, что значимым барьером вовлечения в низовую гражданскую активность выступает его низкая информированность о своих возможностях участия, существующих проблемах, а также осуществляемых общественных кампаниях по значимым проблемам (об их координирующих центрах). Необходима разработка таких действий, которые предполагают вовлечение населения в низовую гражданскую активность, для того чтобы они были не зрителями, а становились участниками. При этом эксперты отмечали, что добиться этой цели можно, только если отношения между гражданскими группами находятся на хорошем уровне и нет значимых конфликтов между ними. Вовлечению бы способствовали активно работающие диалоговые площадки, которые могли бы быть точками притяжения новых гражданских активистов, но пассивность региональной общественной палаты и большинства общественных советов негативно влияет на рост числа готовых проявить себя гражданских активистов.

Эксперты отмечали, что существует достаточно широкий спектр возможных технологий и инструментов стимулирования развития низовой гражданской активности. В большинстве случаев называлось внедрение механизмов информационной поддержки наиболее успешных практик низовой гражданской активности. Часть экспертов уверена, что публикации в региональных СМИ и публичное признание деятельности активистов будут способствовать росту инициатив от населения («Когда заслуги человека признаются в публичном поле – это очень эффективный механизм мотивации!»). Хотя стоит отметить, что зачастую местные и региональные инициативы остаются незамеченными со стороны телевидения и в большей степени освещаются в новых медиа.

Назывались также и финансовые механизмы стимулирования низовой гражданской активности – гранты, субсидирование, поощрения для молодежи (например, была предложена идея разработать систему, схожую с «Пушкинской картой» – за участие в разнообразных общественных проектах начислять определенные бонусы, которые можно будет потратить на посещение культурных мероприятий: «В руки деньги не даются, но есть возможность их потратить»).

Также безусловным стимулом, кроме финансовой поддержки проектов со стороны государства, является положительное реагирование органов власти (администрации районов, мэрии города) на обращения и активность граждан. Чем больше людям показы-

вают результаты выполнения запросов и заявок, эффективность их действий, тем больше людей начинают понимать значимость высказывания своей гражданской позиции.

Отдельно стоит отметить мнение эксперта, который считает, что основным драйвером развития и стимулирования низовой гражданской активности является желание и стремление человека осуществить его личную инициативу («Человек, активный в чем-то одном, будет активным в чем-то другом»). Для некоторых граждан особым стимулом является чувство значимости в сообществе. Осуществить это возможно при помощи организации регулярных форумов для некоммерческих организаций и гражданских активистов, где активные люди могут обмениваться опытом и обратиться за помощью к более опытным профессионалам своего дела. При этом данные мероприятия должны носить практико-ориентированный формат, на них должны присутствовать представители власти, бизнеса и других заинтересованных сторон.

Важным стимулом развития низовой гражданской активности могут выступить организованные институты формирования и привлечения гражданских активистов с последующим их вовлечением в деятельность диалоговых площадок и процесс принятия решений.

Результаты низовой гражданской активности в Ярославской области

Многие опрошенные эксперты приходят к выводу, что самый большой результат – это изменение отношения к низовой гражданской активности со стороны людей: они становятся менее равнодушными к общественным проблемам; органы власти и иные уполномоченные организации не только признают активистов как общественных помощников, но привлекают их к участию в различных мероприятиях. Восприятие людьми деятельности низовой гражданской активности меняется, в том числе у молодежи («Если ранее активная жизненная позиция у представителей молодежи считалась чем-то нехорошим, то сейчас, наоборот, молодежь становится все более активной»). У людей меняется мировосприятие, они становятся неравнодушны к тому, что происходит в городе или регионе.

Некоторые из них отметили, что безусловный результат – это то, что низовая гражданская активность представляет собой объединение людей, принимающих совместные решения («Сообщества низовой гражданской активности, и ТОСы в том числе, – это инструмент для выстраивания диалога с властью»).

Эксперты подчеркивали, что благодаря деятельности ТОС заметно преобразуются дворы многоквартирных домов, появляется больше детских площадок («Благодаря действующей губернаторской программе “Наши дворы”, активисты стали через ТСЖ и ТОСы писать больше заявок в органы местного самоуправления на благоустройство территорий»). Жители и активисты ТОС смогли перейти от разговоров к реальным действиям (например, активному участию в субботниках (весна/осень), благоустройству городских парков и т. д.).

Значимым является активизация привлечения грантового финансирования на проектную деятельность. При этом стоит отметить, что эксперты в основном высказывали абстрактные примеры, такие как появление новых некоммерческих организаций, деятельность территориального общественного самоуправления, проведение благотворительных акций и т. д. Среди конкретных кейсов называлась деятельность движения «Ярославль–2000», проекты АНО «Верность».

Также ряд экспертов отмечали сложность выделения конкретных результатов низовой гражданской активности. Это связано с тем, что, во-первых, нет четких индикаторов достижения цели (например, в деятельности по обеспечению качества строительства дорог), во-вторых, с масштабом решаемых проблем (экологические, проблемы бездомных животных).

Перспективы низовой гражданской активности в России

С одной стороны, опрос экспертов выявил позитивные тенденции в развитии низовой гражданской активности. В большинстве случаев респонденты уверены, что в перспективе будет наблюдаться ее развитие, будут появляться новые формы работы, некоммерческие организации, направления, лидеры, механизмы и т. д. По мнению некоторых экспертов, низовая гражданская активность в перспективе должна стать более массовой, чем есть сейчас («Здесь очень важен момент возросшего чувства сопричастности каждого человека к событиям, которые происходят в его городе, регионе и стране»).

При этом стоит отметить тот факт, что ряд экспертов говорят о том, что если государство будет более открыто, активнее стремиться решить какие-либо проблемы и повышать уровень жизни, то активности, наоборот, станет меньше.

Кроме этого, опрошенные эксперты говорили об усилении администрирования гражданской активности, возврате к совет-

ской модели управления: будут создаваться новые НКО, которые будут реализовывать государственную политику. Эксперты ожидают консолидации общества, активизации совместных усилий вне зависимости от доминирующей повестки на основе формируемого опыта коллективной деятельности и формирования социального капитала.

В то же время некоторые эксперты отметили, что значительные изменения в сфере низовой гражданской активности наступят лишь в долгосрочной перспективе, через 7–10 лет. По их мнению, если не произойдет смены политического курса и социальных потрясений, низовая гражданская активность в перспективе должна стать более массовой, чем есть сейчас. Она будет развиваться и увеличиваться за счет местных сообществ.

Выводы

Исследование позволяет говорить о развитии низовой гражданской активности в Ярославской области, она становится более упорядоченной, появляются новые общественные организации.

Среди ключевых факторов, влияющих на развитие низовой гражданской активности, можно выделить общественно-политическую ситуацию в стране и регионе, наличие «понимающей» администрации, которая заинтересована в развитии гражданского общества, личное желание граждан решить какую-либо ситуацию, и, конечно же, массовое распространение информационно-коммуникативных технологий.

Было выявлено, что Интернет является одним из важнейших факторов развития низовой гражданской активности. С одной стороны, он повысил скорость коммуникации между всеми субъектами (активисты, некоммерческие организации, органы государственной власти), с другой стороны, он предоставляет ряд инструментов, которыми пользуются субъекты (социальные сети, мессенджеры и т. д.). Стоит отметить и негативные факторы влияния Интернета на низовую гражданскую активность. Обилие информации приводит к затруднениям в поиске необходимых инфоповодов; виртуальное пространство заменяет реальное общение и становится почвой для развития слактивизма; популярность в сети набирают псевдопрофили.

Для стимулирования низовой гражданской активности может быть полезен ряд инструментов, начиная от финансовых механизмов стимулирования (гранты, субсидирование) и заканчивая механизмами информационной поддержки в региональных СМИ.

Кроме этого, особую роль играет процесс положительного реагирования органов власти на обращения и активность жителей.

Важнейшим результатом низовой гражданской активности является содействие решению проблем в локальном социуме. Их наглядность содействует изменению отношения к ней со стороны людей, которые становятся менее равнодушными к общественным проблемам.

В перспективе развитие низовой гражданской активности в России связано с повышением ее интенсивности, появлением новых форм, лидеров и механизмов такой деятельности. При этом в случае большей активности государства в решении возникающих социальных дисбалансов активность может несколько снизиться и сконцентрироваться в тех сферах, где внимание власти будет меньше. Значимым для ее развития также является наличие благоприятных условий: политической стабильности, отсутствия социально-экономических потрясений.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект № GM-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

Acknowledgements

The study was carried out at the expense of the funds of the YarSU Development Program until 2030, project No. GM-2023-5 “Grassroots civic activity in the Yaroslavl region: regulatory regulation and implementation practices”.

Литература

- Васильева и др. 2020 – *Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С.* Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5. С. 56–64.
- Волкова, Гусева 2013 – *Волкова Н.В., Гусева Л.А.* Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 701.

- Володенков, Федорченко 2021 – *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6 (166). С. 97–118.
- Глухова 2017 – *Глухова А.В.* Рост гражданской активности и новая предметность городских конфликтов (мировые тенденции и российские реалии) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2017. № 4. С. 5–11.
- Головин, Фролов 2016 – *Головин Ю.А., Фролов А.А.* Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195–198.
- Гусарова, Торопова 2012 – *Гусарова М.А., Торопова А.А.* Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 2. С. 134–137.
- Королева, Чернова 2018 – *Королева М.Н., Чернова М.А.* Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.
- Круглов 2012 – *Круглов М.С.* Гражданские инициативы и оппозиция в политическом процессе России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2012. № 1 (82). С. 152–161.
- Круглов 2015 – *Круглов М.С.* Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2015. 170 с.
- Москалева, Тьканова 2016 – *Москалева С.М., Тьканова Е.В.* Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 4. С. 103–120.
- Парма 2022 – *Парма Р.В.* Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 31–44.
- Петухов 2012 – *Петухов В.В.* Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48–60.
- Пилипенко 2018 – *Пилипенко А.Д.* Гражданская активность в современной России: сущность понятия, формы проявления, факторы формирования // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 366–368.
- Соколов, Маклашин 2013 – *Соколов А.В., Маклашин И.С.* Сетевая гражданская активность в современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 6. С. 159–161.
- Соколов, Барский 2021 – *Соколов А.В., Барский Я.В.* Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского

- государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2021. № 2. С. 68–74.
- Фролов 2014 – Фролов А.А. Механизмы осуществления гражданской активности // Власть. 2014. Т. 22. № 10. С. 61–65.
- Elliott-Negri etc. 2021 – Elliott-Negri L., Jabola-Carolus I., Jasper J., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A. Social movement gains and losses. Dilemmas of arena creation // Partecipazione e conflitto. Vol. 14. No. 3. P. 998–1013.
- Fröhlich 2020 – Fröhlich C. Urban citizenship under post-Soviet conditions. Grassroots struggles of residents in contemporary Moscow // Journal of Urban Affairs. Vol. 42. No. 2. P. 188–202.
- Bhavnnani, Reul 2019 – Bhavnnani R., Reul M. The morphology of urban conflict. Global challenges. New grammars of war. Conflict and violence in the 21st century issue // Geneva Graduate Institute. 2019. URL: <https://globalchallenges.ch/issue/5/the-morphology-of-urban-conflict/> (дата обращения 9 января 2024).

References

- Bhavnnani, R. and Reul, M. (2019), *The morphology of urban conflict. Global challenges. New grammars of war. Conflict and violence in the 21st century issue*, Geneva Graduate Institute, available at: <https://globalchallenges.ch/issue/5/the-morphology-of-urban-conflict/> (Accessed 9 Jan. 2024).
- Elliott-Negri, L., Jabola-Carolus, I., Jasper, J., Mahlbacher, J., Weisskircher, M. and Zhelnina, A. (2021), “Social movement gains and losses. Dilemmas of arena creation”, *Partecipazione e conflitto*, vol. 14, no. 3, pp. 998–1013.
- Fröhlich, C. (2020), “Urban citizenship under post-Soviet conditions. Grassroots struggles of residents in contemporary Moscow”, *Journal of Urban Affairs*, vol. 42. no. 2, pp. 188–202.
- Vasilyeva, E.I., Zerchaninova, T.E. and Nikitina, A.S. (2020), “Research of modern social and political alternative forms of civic activity of youth”, *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 68, no. 5, pp. 56–64.
- Volkova, N.V. and Guseva, L.A. (2013), “Civic engagement as a mirror of political, spiritual and cultural values of society”, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 5, p. 701.
- Volodencov, S.V. and Fedorchenko, S.N. (2021), “Digital infrastructures of civil and political activism. Current challenges, risks and limitations”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, vol. 166, no. 6, pp. 97–118.
- Glukhova, A.V. (2017), “The growth of civic engagement and the new objectivity of urban conflicts (world trends and Russian realities)”, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 5–11.
- Golovin, Yu.A. and Frolov, A.A. (2016), “Network practices of civic engagement in modern Russia”, *State and municipal management. Scholar notes*, no. 2, pp. 195–198.

- Gusarova, M.A. and Toropova, A.A. (2012), "Issues of formation of civil activity for future lawyers in the conditions of formation of civil society and the rule of law in Russia", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 2, pp. 134–137.
- Koroleva, M.N. and Chernova, M.A. (2018), "Urban activism. Management practices as a resource and barrier to the development of urban projects", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 93–101.
- Kruglov, M.S. (2012), "Contemporary forms of civic activity in the political process of Russian Federation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International relations. Regional Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 82, no. 1, pp. 152–161.
- Kruglov, M.S. (2015), *Sovremennye formy grazhdanskoi aktivnosti v politicheskom protsesse Rossiiskoi Federatsii* [Modern forms of civic engagement in the political process of the Russian Federation], Ph.D. Thesis (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Moskaleva, S.M. and Tykanova, E.V. (2016), "Social conditions for activity of civil and expert groups to improve the quality of the urban environment", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 4, pp. 103–120.
- Parma, R.V. (2022), "Civil activity of generations in modern Russian society", *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 13, no. 2, pp. 31–44.
- Petukhov, V.V. (2012), "Civic participation in the context of political modernization of Russia", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 48–60.
- Pilipenko, A.D. (2018), "Civic activity in modern Russia. The essence of the concept, forms of manifestation, factors of formation", *Molodoi uchenyi*, vol. 209, no. 23, pp. 366–368.
- Sokolov, A.V. and Maklashin, I.S. (2013), "Network civic activity in modern Russia", *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 159–161.
- Sokolov, A.V. and Barskii, Ya.V. (2021), "The development of civic engagement in Russia in the context of digital transformation", *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 2, pp. 68–74.
- Frolov, A.A. (2014), "Mechanisms of civic engagement", *Vlast'*, vol. 22, no. 10, pp. 61–65.

Информация об авторах

Александр В. Соколов, доктор политических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; alex8119@mail.ru

Папик А. Бабаджанян, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; babajanyanpapik@yandex.ru

Денис А. Прусов, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; prusov2013@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr V. Sokolov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya Str., Yaroslavl, Russia, 150003; alex8119@mail.ru

Papik A. Babajanyan, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russia, 150003; babajanyanpapik@yandex.ru

Denis A. Prusov, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russia, 150003; prusov2013@yandex.ru

«О дивный новый “1984”»:
режимные аспекты цифровой (анти)утопии

Павел А. Королев

*Институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования
Тульской области, Тула, Россия, legatx@mail.ru*

Аннотация. Первая четверть XXI в. продемонстрировала значительный прогресс человечества в цифровых технологиях: начиная от мобильной и интернет-связи, ставших общедоступными практически из любой точки Земли, и заканчивая технологиями искусственного интеллекта, способными потеснить творческий труд человека-созидателя. Однако цифровые технологии и достижения последних лет рассматриваются прежде всего как средства повышения комфортности человеческой жизни или бизнес-инструмент, но не как средство создания принципиально нового формата политического режима. Новые информационные технологии имеют потенциал разрешить проблемы политического режима, которые казались неразрешимыми в прошлом: становятся возможными обеспечение тотального политического контроля над гражданином со стороны государства с помощью отслеживающих инструментов (видеокамеры, социальные сети, цифровые денежные транзакции) во времени и пространстве, почти полная привязка материального и социального благополучия человека к уровню его лояльности политическому режиму (цифровые валюты центральных банков, базовый безусловный доход, система социального рейтинга) и т. п. В связи с этим представляется актуальным анализ ряда соответствующих концепций, практик и средств применительно к процессу трансформации политического режима как формы государства.

Ключевые слова: политический режим, цифровые технологии, CBDC, базовый безусловный доход, система социального рейтинга

Для цитирования: Королев П.А. «О дивный новый “1984”»: режимные аспекты цифровой (анти)утопии // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 204–218. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-204-218

“Oh wondrous new ‘1984’ ”.
Regime aspects of digital (anti)utopia

Pavel A. Korolev

*Institute for Advanced Studies and Professional Retraining
of Educational Workers of the Tula Region, Tula, Russia,
legatx@mail.ru*

Abstract. The first quarter of the 21st century has demonstrated significant progress of humanity in digital technologies: from mobile and Internet communications, which have become publicly accessible from almost anywhere on Earth, to artificial intelligence technologies that can supplant the creative work of the human creator. However, digital technologies and the achievements of recent years are considered, first of all, as a means of increasing the comfort of human life or a business tool, but not as a means of creating a fundamentally new format of the political regime. New information technologies have the potential to solve issues of the political regime that seemed insoluble in the past: it becomes possible to ensure total political control over a citizen by the state using tracking tools (video cameras, social networks, digital monetary transactions) in time and space, almost complete linking of material and a person’s social well-being to the level of his loyalty to the political regime (digital currencies of central banks, basic unconditional income, social rating system), etc. Therefore, it seems relevant to analyze a number of respective concepts, practices and means in relation to the process of transformation of the political regime as a form of state.

Keywords: political regime, digital technologies, CBDC, basic unconditional income, social rating system

For citation: Korolev, P.A. (2024), “ ‘Oh wondrous new ‘1984’ ’. Regime aspects of digital (anti)utopia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 204–218, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-204-218

Введение

В настоящее время наблюдаются кардинальные глобальные экономические, социальные, политические и культурные изменения в мире. Они не могут не затронуть политические режимы, трансформировав саму их сущность. Теперь властные субъекты получают цифровые инструменты господства, которые могут преобразить человеческое общество, приблизив его к утопическому образу, или, наоборот, поработить его, создав цифровую антиутопию.

На данный момент появилось значительное количество актуальных материалов, посвященных анализу цифровых валют центральных банков [Гимельштейн, Годван 2021, с. 28; Михайлишин 2021, с. 296], системы социального рейтинга [Юдина, Сулемонова 2021, с. 69] и базового безусловного дохода [Назарова, Кирова 2022, с. 198]. Однако отсутствуют попытки синтезировать данный пул наработок применительно к исследованию их влияния на трансформацию политических режимов в глобальном измерении. Иными словами, новизна представленного исследования состоит в том, что в ходе него предпринимается попытка представить анализируемые ранее разрозненно новые тенденции социально-политического развития человечества (цифровые валюты центральных банков, системы социального рейтинга и базового безусловного дохода) как единый механизм цифрового политического контроля. Данный инструмент создает принципиально новый цифровой формат функционирования политического режима, отдельные аспекты которого рассмотрены в представленном исследовании.

Целью исследования выступает прогнозирование возможных направлений трансформации политических режимов в глобальном измерении под влиянием новых цифровых технологий. Задачами исследования являются: выявление влияния цифровых валют центральных банков, базового безусловного дохода и системы социального рейтинга на трансформацию политических режимов в глобальном измерении; описание сценарных рамок цифровой трансформации политических режимов в глобальном измерении; определение доминирующего направления цифровой трансформации политических режимов в глобальном измерении на основе наблюдаемых тенденций.

Исследование предполагает следующие этапы:

1. Определение сущностных рамок рассматриваемых объектов анализа.
2. Указание уже имеющегося опыта апробации изучаемых цифровых технологий.
3. Раскрытие рисков и возможностей использования исследуемых цифровых технологий политическими режимами.
4. Сценарное прогнозирование перспектив трансформации политических режимов с учетом потенциала представленных цифровых технологий.
5. Общие выводы по проведенному исследованию.

Под политическим режимом в данном исследовании будет пониматься «способ функционирования и взаимодействия основных элементов политической системы общества» [Назаренко 2013,

с. 169]. Функционально-коммуникативный аспект политического режима важен для понимания и объяснения самой сути происходящих трансформаций.

Роль цифровых инструментов в трансформации политических режимов

С режимной точки зрения особый интерес представляют три цифровых инструмента, которые апробируются в последние годы:

- цифровые валюты центральных банков;
- базовый безусловный доход;
- система социального рейтинга.

Поскольку, как и любое другое достижение человечества, цифровые технологии могут быть использованы равным образом во благо и во вред самим людям, акцент в ходе анализа будет сделан на возможные сценарии внедрения указанных цифровых инструментов.

Прежде всего обратимся к такому цифровому инструменту, как цифровые валюты центральных банков (CBDC [Central Bank Digital Currency]) – цифровому платежному инструменту, выраженному в национальной расчетной единице, который является прямым обязательством центрального банка [Михайлишин 2021, с. 296].

Первым разработку цифровых валют центральных банков начал Китай в 2014 г. [Моисейцев, Еремеев 2021, с. 559].

Цифровые валюты центральных банков позиционируются последними как новая, третья форма денег наряду с наличными и безналичными деньгами [Беленчук 2021, с. 190]. Однако цифровые валюты центральных банков не отвечают в полной мере определению денег. Так, например, российский Современный экономический словарь дает следующее определение: «Деньги представляют собой товар, выполняющий функции обмена, платежа, измерения стоимости, накопления богатства, образно говоря, “товар всех товаров”»¹. Однако в 2023 г. в ЦБ РФ заявили, что цифровой рубль – это не средство накопления². Иными словами, граждане не смогут накапливать цифровые деньги и получать на них процент, как это происходит с их наличной и безналичной формой, что не соответствует функциональному определению денег.

¹ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2011. С. 98.

² Соловьева О. ЦБ отказывается начислять проценты на цифровой рубль // Независимая газета. 06.03.2023. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-03-06/1_8674_ruble.html (дата обращения 1 августа 2023).

Обратимся к режимным возможностям и рискам цифровых валют центральных банков.

С точки зрения демократизации цифровые валюты центральных банков позволяют значительно увеличить прозрачность финансовых транзакций в политической системе. Каждая цифровая денежная единица будет оставлять уникальный цифровой след, по которому можно будет отследить всех ее владельцев. Кроме того, цифровая валюта не сможет быть потрачена не по назначению. Все это дает государству эффективный инструмент борьбы с коррупционными преступлениями, финансированием терроризма и политических переворотов. Также следует отметить функциональные преимущества цифровых валют центральных банков в области монетарной политики: власти смогут быстро эмитировать и изымать из экономики цифровую денежную массу, регулируя уровень инфляции. Данное обстоятельство указывает на возможность цифровых валют центральных банков стать эффективным инструментом превентивной борьбы с экономическими кризисами и социально-экономической напряженностью в обществе, не допуская в перспективе революции и установления недемократических режимов. Еще одно преимущество цифровых валют центральных банков может заключаться в снижении стоимости и длительности трансграничных операций. Кроме того, цифровая валюта центральных банков позиционируется как самая безопасная в хранении форма денег, так как ее в принципе невозможно похитить из контура центрального банка [Гимельштейн, Годван 2021, с. 28].

Однако цифровые валюты центральных банков несут в себе не только возможности, но и риски для цифровой трансформации политических режимов. В частности, части (юниты) цифровых валют центральных банков могут быть перепрограммированы, что предполагает возможность привязки к ним различных товаров и услуг [Бутенко, Исахаев 2018, с. 1094]. Исходя из принципиальной возможности перепрограммирования частей (юнитов) цифровых валют центральных банков, последние могут быть привязаны не только по целевому назначению, но и по локализации и сроку годности, что делает цифровые валюты центральных банков эффективным средством «мягкого» политического принуждения.

В качестве доказательства подобной возможности приведем эксперимент в китайском Шэньчжэне в 2020 г. В рамках эксперимента нескольким тысячам жителей раздали по 200 цифровых юаней. Чтобы их потратить, давалось несколько дней. Если участник эксперимента не успевал в отведенный срок потратить юани, то остаток денежных средств сгорал. Тратить цифровые юани мож-

но было лишь в отобранных властями магазинах³. Таким образом, в ходе эксперимента цифровая валюта была привязана к месту (Шэньчжэнь), к цели (конкретные магазины, на ассортимент которых ее можно было потратить) и к сроку годности (несколько дней).

Получая подобный инструмент, политический режим может значительно повысить гибкость и эффективность проводимой политики. При «инфляционном перегреве» экономики, например, может быть дано указание обнулить часть цифровой денежной массы у населения, а в случае торможения экономики, наоборот, может быть сокращен срок годности цифровой валюты центрального банка, что заставит население ее быстро тратить в ограниченный период времени. Если, например, политический режим нуждается в освоении новых территорий с неблагоприятным климатом или с недостаточной инфраструктурой, то ему достаточно запрограммировать цифровую валюту центрального банка таким образом, чтобы она могла быть потрачена лишь на этой территории. Тогда владельцы данной формы денег сами поедут на новое место жительства. Если, например, политическому режиму нужно будет стимулировать развитие определенных отраслей экономики, то оно сможет запрограммировать цифровую валюту центрального банка на то, чтобы ее можно было потратить преимущественно на соответствующие товары и услуги. Иными словами, политическому режиму более не придется принуждать граждан напрямую к чему-либо, как это делали тоталитарные режимы XX в., так как граждане сами станут это делать, исходя из стремления не упустить «выгоду».

Далее обратимся к анализу базового безусловного дохода.

На первый взгляд, базовый безусловный доход – это социально-экономическая, а не цифровая технология. Однако, учитывая глобальный характер происходящих изменений, а также глобальные масштабы потенциального внедрения базового безусловного дохода, реализовать его применительно к сотням миллионов и миллиардам людей без использования цифровых ресурсов представляется маловероятным. В этой связи базовый безусловный доход в данном исследовании также рассматривается как цифровая технология.

Концепция безусловного (или универсального) базового дохода предполагает получение гражданами государства регулярных денежных выплат от него без выполнения ими каких-либо условий, то есть вне зависимости от дохода или занятости граждан [Назарова, Кирова 2022, с. 198].

³ *Теткин М.* Власти Китая впервые проведут раздачу цифрового юаня населению // РБК. 9 окт 2020. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f80338e9a79470fb8517f1b> (дата обращения 1 августа 2023).

Одним из первых случаев реализации данной концепции стало создание в 1970-х гг. «Постоянного Фонда Аляски», из которого каждому жителю штата выплачивается рента [Дворецкий 2019, с. 16].

Подобная безусловная поддержка граждан государством должна гарантировать победу над нищетой, бедностью и преступностью, а также освободить людей от необходимости работать за деньги на нелюбимой работе. Кроме того, базовый безусловный доход может помочь снизить уровень испытываемого стресса [Махалина, Махалин 2021, с. 30], снять часть социально-экономической напряженности в обществе, вызванной роботизацией производства и возможным сокращением из-за этого в перспективе рабочих мест (косвенно на реализацию подобного сценария указывает участвовавшие обсуждения перехода на четырехдневную рабочую неделю) [Оденцов, Курлышев 2021, с. 188]. В идеальном варианте базовый безусловный доход должен способствовать самореализации и самоактуализации граждан, в том числе и политической, стимулируя таким образом демократизацию политических режимов и развитие гражданского общества. Однако концепция базового безусловного дохода несет в себе не только возможности, но и риски.

Демократия невозможна без достижения баланса между государством и гражданским обществом: когда, с одной стороны, у граждан есть возможность влиять на государственную политику, а с другой стороны, это влияние не принимает неконвенциональных форм. Но условием существования и функционирования гражданского общества является наличие частной собственности у граждан, обеспечивающей их самостоятельность и независимость от внешних акторов.

В случае реализации базового безусловного дохода может возникнуть ситуация, когда граждане будут зависимы от государственной поддержки. Подобные отношения будут напоминать отношения патрона – клиента, когда клиенты будут обязаны своим благополучием патрону. Соответственно говорить о нормальном функционировании гражданского общества в данном случае не придется. Даже если останется часть общества, которая продолжит реализацию частной инициативы, сохраняя определенную независимость от государства, она не сможет эффективно отстаивать свои интересы перед ним, так как остальная часть поддерживаемого государством общества будет становиться на сторону последнего, артикулируя с его настойчивого разрешения свое мнение как волю (альтернативного) гражданского общества. Подобная модель может быть описана выражением «по требованию трудящихся», которое использовалось некоторыми политическими режимами XX в. для легитимации своих неправовых действий.

При этом сочетание цифровых валют центральных банков и базового безусловного дохода способно помочь преодолеть главные риски последнего, такие как потенциальный дефицит бюджета и разгон инфляции.

Далее рассмотрим систему социального рейтинга.

Система социального рейтинга представляет собой систему социального кредита и доверия, выступающую новым социокультурно-экономическим феноменом и институтом, призванным не только улучшить морально-нравственный климат в обществе, но и стать основополагающим фактором, формирующим новые социальные, политические и экономические отношения в нем.

На практике система социального рейтинга в Китае с 2014 г. реализуется следующим образом:

- стартовый рейтинг для жителей – одна тысяча баллов;
- рейтинговая система основывается на анализе 160 тысяч параметров (уплата налогов, кредитов и т. п., соблюдение ПДД, честность в образовании, оплата общественного транспорта, посещение родителей, судимость, поведение в Интернете, критика власти, покупки, количество детей и др.);
- вся информация собирается в едином информационном центре;
- приобретение более 1050 баллов свидетельствует об образцовом поведении гражданина – образцовые жители Китая маркируются «АА», «А», «В» (900 баллов);
- маркировка «С» (менее 849 баллов) – относятся к категории «неблагонадежных», они не имеют право занимать должности в органах государственной и муниципальной службы;
- маркировка «Д» (менее 600 баллов) – самый низший показатель и высокие ограничения.

Люди, рейтинг которых ниже 600 баллов, становятся практически изгоями общества, их не берут практически ни на какую работу, им могут отказать в социальном обеспечении, ограничить социальную мобильность. Тем, у кого рейтинг высокий, даются существенные социальные льготы и преимущества, например, возможность выезда за рубеж, лечение в хороших больницах, обучение детей в частных школах [Юдина, Сулемонова 2021, с. 69].

С режимной точки зрения система социального рейтинга может помочь создать общество, где девиантное поведение сведено к минимуму, где граждане на практике уважают права и свободы друг друга, где выстроен конструктивный диалог между государством и обществом, а возникающие в ходе развития общества проблемы могут быстро решаться путем внесения изменений в систему показателей социального рейтинга.

С другой стороны, система социального рейтинга может стать цифровой основой перехода к новому кастовому обществу, когда, например, за критику политического режима гражданин будет лишаться баллов, или когда представителям элитных групп будут произвольно эти самые баллы завышаться. Рядовым гражданам проверить объективность, обоснованность и справедливость начисления баллов в подобной системе будет невозможно.

Резюмируя, схематично представим два полярных сценария цифровой трансформации политических режимов в будущем с учетом возможностей и рисков описанных цифровых технологий.

Первый сценарий – позитивный (утопия). Политические режимы победили девиантное поведение в обществе: алкоголизм, наркоманию, преступность. Те немногие граждане, которые все же не отказались от подобных социальных практик, живут в изолированных от остального общества гетто с минимальным уровнем содержания в цифровой валюте центрального банка из гуманистических соображений. Граждане занимаются тем, что им нравится делать, не боясь бедности и нищеты, благодаря базовому безусловному доходу. Кто-то занялся творчеством, кто-то обратился к дауншифтингу, кто-то активнее стал заниматься политикой, кто-то стал членом близкой ему по интересам организации гражданского общества. В обществе удалось окончательно решить проблемы экономических кризисов и инфляции: цифровые алгоритмы регулируют производство товаров и услуг и сроки годности цифровых валют центральных банков, стимулируя необходимый уровень потребления в обществе. В обществе нет протестов, революций и гражданских войн, так как нет бедности, безработицы, преступности и коррупции. Социальные отношения в таком обществе прозрачны: достоинства и недостатки каждого видны всем, благодаря системе социального рейтинга. Ничего не мешает гражданам реализовывать их способности. Политический режим лишь поддерживает систему в рабочем состоянии, максимально приближаясь к роли «ночного сторожа».

Второй сценарий – негативный (антиутопия). Политический режим закрепил деление общества на новые касты. Представители высших каст неограниченны в своих возможностях и привилегиях: имеют доступ к лучшей медицине, к лучшему образованию, к свободному перемещению и неограниченному потреблению. Представители низших каст лишены качественной медицины, образования и необходимого уровня потребления. При длительном существовании (от 2–3 поколений) подобная ситуация может обусловить появление и усиление физических различий между представителями высших и низших каст. Государственные должности и посты передаются по наследству с помощью фальсификаций в системе

социального рейтинга. В системе социального рейтинга с рядовых граждан снимаются баллы за недовольство политическим режимом, его критику или «невосхваление». За неповиновение и критику политического режима граждан могут лишать базового безусловного дохода на определенное время, пока они не изменят свое поведение на приемлемое для политического режима. Базовый безусловный доход в полном объеме сохраняется лишь за теми, кто восхваляет политический режим и следует всем его указаниям. Политический режим перемещает по своей территории государства большие массы людей с одного крупного проекта на другой или отправляет их на войну с соседним политическим режимом, перепрограммируя локализацию цифровых валют центрального банка. Это также помогает решать проблему перенаселения, так как благодаря роботизации исчезает потребность в многочисленной рабочей силе. Искусственно создаются условия, ведущие к сокращению численности населения и, стало быть, нагрузки на ресурсную базу общественного потребления. Общество постоянно поддерживается в состоянии, зависимом от политического режима через периодическое обнуление хранящихся цифровых денежных единиц в цифровых кошельках граждан в целях «оздоровления экономики».

Между описанными крайними сценариями находится множество промежуточных сценариев, один из которых, вероятно, и будет реализован.

Направления цифровой трансформации политических режимов

В завершение исследования попробуем определить наиболее вероятное направление цифровой трансформации политических режимов на данный момент.

Учитывая опыт локдаунов 2020–2021 гг., наблюдаемых в глобальном масштабе, можно предположить, что это была апробация отдельных элементов, близких скорее ко второму сценарию. Во-первых, были ограничены права на перемещение широких масс населения [Козырь, Тевелева 2021, с. 21] при фактическом наделянии представителей элитных групп привилегиями нарушать данные ограничения. Речь, в частности, идет о проведении праздничных мероприятий представителями элитных групп в условиях локдаунов [Невмержицкая 2022, с. 22]. Однородность принятых ограничительных мер в период пандемии COVID-19 позволяет предполагать и однородность цифровой трансформации политических режимов одновременно во множестве, если не

в большинстве государств мира. Для смягчения социального недовольства в период локдаунов вводились выплаты, аналогичные базовому безусловному доходу [Тютеева 2022, с. 15].

Негативной выглядит тенденция расширения дискриминационных практик в глобальном масштабе в 2020–2023 гг.: от позитивных дискриминационных практик в США, направленных на поддержку движения BLM и легализующих насилие [Петев 2023, с. 146], до негативных дискриминационных практик, ограничивающих права россиян по всему миру и направленных на отмену русской культуры в целом [Купина 2022, с. 82]. Данные тенденции следует воспринимать негативно в силу их произвольного характера и иррациональной природы. Это прецеденты, которые могут быть использованы при реализации негативного сценария цифровой трансформации политических режимов, когда общество произвольно делится на две группы, одну из которых поддерживает политический режим и даже стимулирует ее к применению насилия и дискриминационных практик в отношении представителей второй группы, что аналогично эффекту, возникающему в системе социального рейтинга.

Нейтральным выглядит лишь выплата материальной помощи (аналог базового безусловного дохода) различным группам населения (например, семьи с детьми) в период пандемии [Черемушкин 2021, с. 116], что привело к усилению дисбалансов в глобальной экономике и обоснованию многими государствами и центральными банками необходимости внедрения цифровых валют [Пахарев, Александрова 2022, с. 87]. Данные события могут в равной мере привести как к позитивному, так и к негативному сценарию.

Заключение

Различные политические режимы в настоящее время апробируют новые цифровые технологии, усиливающие социальный контроль, которые могут составить целостный механизм поддержания нового порядка в обществе. Политические режимы могут привлечь население на свою сторону в процессе их цифровой трансформации идеей базового безусловного дохода при условии выполнения определенных правил (система социального рейтинга), устанавливаемых политическим режимом, возможно, в общественных интересах, а возможно, и в интересах собственного воспроизводства. Роль негативных санкций в такой системе социального контроля будут выполнять цифровые валюты центральных банков. Неспособные к накоплению, они будут поддерживать

перманентную зависимость граждан от одобрения их действий политическим режимом. Политические режимы в будущем не будут нуждаться в развитом репрессивном аппарате, как это было в XX в., с системой тюрем и лагерей. Их роль будет выполнять само общество. Для этого будет использоваться прием «разделяй и властвуй»: высокорейтинговые граждане будут дискриминировать и изолировать низкорейтинговых граждан, чтобы не понизить собственный социальный рейтинг и не лишиться базового безусловного дохода. Любые инициативы политического режима будут встречать меньшее сопротивление в обществе из-за подкрепления финансовым стимулом цифровых валют центральных банков, которые можно будет быстро погасить после достижения поставленных целей во избежание инфляции. Управляемость общества существенно вырастет. С одной стороны, политический режим нового типа станет внешне демократичнее, граждане сами будут его воспроизводить («О дивный новый мир»), с другой стороны, всеобъемлющий характер контроля жизни граждан может стать тотальным, частная жизнь гражданина утратит свой приватный характер («1984»). Конечный итог цифровой трансформации политических режимов будет зависеть от того, какой сценарий реализуется.

В случае реализации позитивного сценария цифровой трансформации политического режима цифровые валюты центральных банков сделают политическую систему более прозрачной, снизив риски ее стихийной дестабилизации, в частности в интересах различных несистемных оппозиционных сил. В случае реализации негативного сценария цифровой трансформации политического режима цифровые валюты центральных банков сделают граждан полностью зависимыми от государства в экономическом отношении.

При реализации позитивного сценария цифровой трансформации политических режимов базовый безусловный доход может придать новый импульс к развитию гражданского общества. При реализации негативного сценария цифровой трансформации политических режимов базовый безусловный доход может привести к трансформации сбалансированной модели государство – гражданское общество в зависимую модель патрон (государство) – клиент (общество).

В случае реализации позитивного сценария цифровой трансформации политических режимов система социального рейтинга поможет победить девиантное поведение в обществе и приблизить его к состоянию утопии. В случае же реализации негативного сценария цифровой трансформации политических режимов система социального рейтинга может привести к установлению полноценного «цифрового тоталитаризма» с новыми «кастами».

Литература

- Михайлишин 2021 – *Михайлишин А.Ю.* Предпосылки появления и мировой опыт внедрения цифровых валют центральных банков // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. № 2. С. 294–307.
- Моисейцев, Еремеев 2021 – *Моисейцев В.В., Еремеев А.А.* Цифровой юань: особенности цифровой валюты Китая // *E-Scio*. 2021. № 6 (57). С. 558–564.
- Беленчук 2021 – *Беленчук С.И.* Новый вид денег – цифровая валюта Центрального банка // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2021. № 3. Ч. 2. С. 187–197.
- Гимельштейн, Годван 2021 – *Гимельштейн Е.А., Годван Д.Ф.* Цифровые валюты центральных банков: преимущества и риски // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2021. № 2 (19). С. 27–28. URL: <https://bibs-science.ru/articles/ag1328.pdf> (дата обращения 25 марта 2024).
- Бутенко, Исахаев 2018 – *Бутенко Е.Д., Исахаев Н.Р.* Электронные деньги и крипто-валюты: противоречия и ловушки // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018. № 6 (363). С. 1092–1108.
- Назаренко 2013 – *Назаренко О.А.* Политический режим: теоретико-правовая характеристика // *PolitBook*. 2013. № 2. С. 167–174.
- Назарова, Кирова 2022 – *Назарова С.В., Кирова И.В.* Безусловный базовый доход: теория и актуальный мировой опыт // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 5–2. С. 198–202.
- Дворецкий 2019 – *Дворецкий В.М.* Правовой статус «Постоянного Фонда Аляски»: общая характеристика // *Финансы и управление*. 2019. № 1. С. 10–18.
- Махалина, Махалин 2021 – *Махалина О.М., Махалин В.Н.* Бедность не порок, но как ее победить в России? // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2021. № 3. Ч. 1. С. 21–34.
- Оденцов, Курлышев 2021 – *Оденцов С.В., Курлышев А.О.* Четырехдневная рабочая неделя в России: актуальные проблемы и дальнейшие перспективы // *Закон и право*. 2021. № 3. С. 186–189.
- Юдина, Сулемонова 2021 – *Юдина Т.Н., Сулемонова Х.С.* Внедрение системы социального рейтинга в КНР в условиях цифровизации // *Теоретическая экономика*. 2021. № 1 (73). С. 66–71.
- Козырь, Тевелева 2021 – *Козырь Ю.В., Тевелева О.В.* Цена локдауна – экономика провала // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2021. № 2 (233). С. 20–38.
- Невмержицкая 2022 – *Невмержицкая Ю.П.* Современные британские элиты и системный кризис управления // *Вопросы этиологии*. 2022. № 3. С. 13–28.
- Тютеева 2022 – *Тютеева А.И.* Материальная поддержка семей с детьми во время пандемии COVID-19 // *Вестник ИКИАТ*. 2022. № 45. С. 14–18.
- Петев 2023 – *Петев Н.И.* Специфика современных протестных движений: от социально-культурной деструкции до девальвации морали (на примере протестов организации BLM) // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2023. № 2. С. 142–155.

- Купина 2022 – *Купина Н.А.* Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 82–90.
- Черемушкин 2021 – *Черемушкин Д.Н.* Действия центральных банков мира в период пандемии и их влияние на фондовые площадки // *Kant*. 2021. № 3 (40). С. 114–119.
- Пахарев, Александрова 2022 – *Пахарев А.В., Александрова С.Ю.* Влияние цифровизации теневой экономики на экономическую безопасность государства // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2022. № 2 (60). С. 85–92.

References

- Nazarenko, O.A. (2013), “Political regime. Theoretical and legal characteristics”, *Polit-Book*, no. 2, pp. 167–174.
- Mikhailishin, A.Yu. (2021), “Prerequisites for the emergence and global experience in the implementation of digital currencies of central banks”, *Russian Journal of Economics and Law*, no. 2, pp. 294–307.
- Moiseytshev, V.V. and Eremeev, A.A. (2021), “Digital yuan. Features of China’s digital currency”, *E-Scio*, vol. 57, no. 6, pp. 558–564.
- Belenchuk, S.I. (2021), “New type of money – central bank digital currency”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, part 2, pp. 187–197.
- Gimelstein, E.A. and Godwan, D.F. (2021), “Digital currencies of central banks. Advantages and risks”, *Business education in the knowledge economy*, vol. 19, no. 2, pp. 27–28, available at: <https://bibs-science.ru/articles/ar1328.pdf> (Accessed 25 March 2024).
- Butenko, E.D. and Isakhaev, N.R. (2018), “Electronic money and cryptocurrencies. Contradictions and traps”, *Natsional’nye interesy: priority i bezopasnost’*, vol. 363, no. 6, pp. 1092–1108.
- Nazarova, S.V. and Kirova, I.V. (2022), “Unconditional basic income. Theory and current world experience”, *Economics and business: theory and practice*, no. 5–2, pp. 198–202.
- Dvoretiskii, V.M. (2019), “Legal status of the Alaska Permanent fund. General description”, *Finansy i upravlenie*, no. 1, pp. 10–18.
- Makhalina, O.M. and Makhalin, V.N. (2021), “Poverty is not a vice, but how to overcome it in Russia?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, part 1, pp. 21–34.
- Odentsov, S.V. and Kurlyshev, A.O. (2021), “Four-day work week in Russia. Current issues and future prospects”, *Law and Legislation*, no. 3, pp. 186–189.
- Yudina, T.N. and Sulemonova, Kh.S. (2021), “Implementation of a social rating system in the PRC in the context of digitalization”, *Teoreticheskaya ekonomika*, vol. 73, no. 1, pp. 66–71.
- Kozyr, Yu.V. and Teveleva, O.V. (2021), “The price of lockdown is the economy of failure”, *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, vol. 233, no. 2, pp. 20–38.

- Nevmerzhitskaya, Yu.P. (2022), "Modern British elites and the systemic crisis of management", *Voprosy etologii*, no. 3, pp. 13–28.
- Тютеева, А.Л. (2022), "Material support for families with children during the COVID-19 pandemic", *IKIAT Bulletin*, no. 45, pp. 14–18.
- Petev, N.I. (2023), "The specificity of modern protest movements. From socio-cultural destruction to the devaluation of morality (on the example of BLM protests)", *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, no. 2, pp. 142–155.
- Kupina, N.A. (2022), "The abolition of Russian culture. The ideological flywheel in action", *Political Linguistics Journal*, vol. 95, no. 5, pp. 82–90.
- Cheremushkin, D.N. (2021), "Actions of the world's central banks during the pandemic and their impact on stock markets", *Kant*, vol. 40, no. 3, pp. 114–119.
- Pakharev, A.V. and Aleksandrova, S.Yu. (2022), "The impact of the shadow economy digitalization on the economic security of the state", *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*, vol. 60, no. 2, pp. 85–92.

Информация об авторе

Павел А. Королев, кандидат политических наук, Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области, Тула, Россия; 300041, Россия, Тула, ул. Ленина, д. 22; legatx@mail.ru

Information about the author

Pavel A. Korolev, Cand. of Sci. (Political Science), Institute for Advanced Studies and Professional Retraining of Educational Workers of the Tula Region, Tula, Russia; 22, Lenina St., Tula, Russia, 300041; legatx@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 3
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.К. Юрьев

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 31.07.2024

Выход в свет 08.08.2024

Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 13,4

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2018

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru